

Annotation

Что если ты обладаешь таинством, таким, как стихия? Как распорядиться умением? Как построить личную жизнь, отношения, стать частью этого мира, если изначально, с самого рождения ты отличалась?

Каждая из героинь книги построила собственную судьбу, своё счастье, но какой ценой им это досталось?

Белая невесточка

Аэропорт вобрал меня своими стекольно-гранитными внутренностями и выплюнул вместе с багажом у стойки регистрации на рейс «Москва-Геленджик». Пройдя все положенные процедуры, прошла в «Свободную зону» дожидаться вылета. Желания идти в кафе не было. Я заняла место возле витринного окна, и стала наблюдать за суетой, что происходила на лётном поле. Объявили задержку рейса на час. Придется сидеть некоторое время в зале ожидания.

Ощущение, с которым встала с утра, давно не посещало меня. Это забытое чувство, предвкушения новизны. Будут изменения хорошими или дурными, решит Судьба. Главное — они неотвратимы. Я улыбнулась мыслям. Возможно, все придумала и просто хотела перемен.

Раньше очень любила ездить в отпуск. Это сулило не только смену обстановки но и кучу приключений. Так было всегда, кроме нынешнего раза. Полёт сегодня — мера вынужденная.

Нас было пятеро, и мы дружили с первого класса школы. Пять девчонок первоклашек познакомились первого сентября и не расставались до прошлого года. Но все течет и преобразуется. Подруги друг за другом выскочили замуж. Я осталась в одиночестве и погрязла в куче комплексов. Наверное, потому начала встречаться с Игорем.

Он работал на фирме системным администратором. Интрига носила вялотекущий характер, но этого для меня было достаточно. Вцепилась в Игоря, словно он последняя надежда на перспективу избежать одинокого будущего с возможностью когда-нибудь стать счастливой. Отец не одобрял моего влечения к парню, но смирился. Уверена, что к кротости родителя приложила руку мама. Спустя несколько месяцев нашего с Игорем знакомства папа стал присматриваться к нему, ведь компания, на которой мы все имели возможность трудиться — семейный бизнес. Отцу требовался помощник в делах.

Всё началось с последним ударом курантов в Новогоднюю ночь. Мы устроили вечеринку в моей новой двухуровневой квартире, что подарили родители. Десять парней, пять девушек и куча свободного пространства. Мы с Игорем уединились под утро, когда большая часть гостей отбыли. Любили друг друга жестко, темп задавал Игорь. Когда всё кончилось, и я прильнула к нему, он неожиданно резко сел на постели. Мне оставалось молчать, ожидая продолжения. Спина Игоря, освещенная ночником, казалась нереально тёмной и гладкой.

Он был в отпуске и отдыхал без меня. Уехал во Вьетнам на две недели. Игорь вернулся чуть меньше месяца назад, а загар по-прежнему держался. Но это были не единственные перемены в парне. Игорь стал одеваться иначе, сделал стрижку, которая ему безумно шла. За время нашего романа старалась не вмешиваться в его личное пространство. Предпочитала ничего не менять в нем.

Игорь сидел, низко опустив голову, а потом неожиданно встал и пошел собирать свои вещи с пола, попутно натягивая их на себя. Я наблюдала за его четкими движениями и силилась понять: что происходит?

— Кофе приготовить? — задала вопрос в тот момент, когда Игорь приоткрыл дверь спальни.

— Нет, — холодно бросил он. — Я теперь буду пить кофе в другом месте и с другой женщиной. Прощай.

Я, еще долго не мигая, смотрела на черную дыру дверного проема, в которой растворился любовник. Опомнилась, когда входная дверь хлопнула, разделив наши с Игорем жизни навсегда.

Полгода приходила в себя. Отгородилась от девчонок, старалась никуда не выходить. Мне было здорово в пустой квартире. Неужели я любила Игоря? Наверное. Иначе, как объяснить тот шок, что испытала, узнав о его женитьбе? Невеста моего бывшего офис-менеджер в фирме отца. Это меня окончательно сломало.

Истерика случилась на работе спустя месяц после свадьбы Игоря. Долго не могла отыскать какой-то документ и заревела. Плакала, уткнув лицо в скрещенные на столе руки. Девушка, с которой я делила кабинет, подошла и предложила воды. Осушив стакан, вытерла слезы и побросала вещи в сумку. Позвонила отцу и захлебываясь слезами, попросила отпуск на неопределенное время. Согласие получила и поплелась домой.

Вошла в квартиру, сбросила туфли и плюхнулась на диван. Нужно решить, куда отправиться. Но как выяснилось, с этим проблемы. И тут вмешалось провидение. Школьная подруга мамы, позвонила справиться: не вернулись ли родители домой? Разговорив меня и прознав про отпуск, предложила приехать к ним в семейный пансионат. Я согласилась.

Страшно вспомнить: последний раз была в Геленджике, когда мне было пятнадцать. До этого времени каждый год приезжали погостить и насладиться солнышком. Всегда ждала лета, чтобы снова увидеть Оскара. Это сын маминой подруги. Знала его столько же, сколько и себя. Когда нам исполнилось шесть лет, мы назвались женихом и невестой. В десять — решили пожениться. В четырнадцать — первый раз поцеловались. Когда минуло пятнадцать — Оскар разбил мне сердце. Просто пришел в комнату и заявил:

— Не лезь ко мне, забудь о прошлогоднем поцелуе. Ничего не будет, — и ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

С досады пошла на местную дискотеку и познакомилась с красивым парнем. Жаль имя забыла. Зато помню, как мы отошли с ним в сторонку, и он расспрашивал о Москве. Как-то случайно поинтересовался: нет ли у меня молодого человека? Через несколько фраз я ревела и жаловалась на Оскара, уткнувшись лбом в грудь нового знакомого. Спустя час мы увлеченно целовались.

В аэропорту южного города у стойки регистрации спустя две недели сильные руки временного возлюбленного обнимали мои плечи, а приятный голос шептал в ушко всякие нежности. Всё это происходило под злой и ревнивый взгляд Оскара. Тогда я наслаждалась яростью друга детства и беспомощностью перед сложившейся ситуацией. Думала: «Сам виноват и пожинает плоды». Мне было обидно, видеть его холодность ко мне в то лето, и злило, что не понимала причины. Долгие годы Оскар оставался родным человеком, таким же, как и родители. И вдруг все рухнуло.

Но как говорить: «все к лучшему». В курортном романе с тем парнем смогла воплотить наяву девичьи мечты. Очень жаль, что так и припомню имени того молодого человека. Он был прекрасен. В тот день, десять лет назад, в аэропорту Геленджика, Оскар вдруг подошел ко мне, взял за руку. Временному приятелю ничего не оставалось, как убрать ладонь с моего плеча и отойти в сторону.

Пальцы Оскара были холодными, словно он долго держал их в ледяной воде. Невольно вздрогнула. Взгляд друга детства казался печальным.

— Пока, Оскар. Приятно было повидаться, — промолвила я.

Попытка улыбнуться не увенчалась успехом. Сердце сжалось и стало трудно дышать, словно мне перекрыли кислород. Глубоко вздохнула, принуждая лёгкие наполниться. На глазах выступили непрошеные слёзы. Я поняла, что готова кинуться на шею к Оскару, и умолять его стать прежним, добрым и заботливым. Почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

— Пока, Марина. Рад был тебя увидеть, — ровным голосом произнёс Оскар. — Постарайся больше не приезжать сюда. А еще: посмотри Европу.

Оскар резко вырвал свою ладонь из моей, повернулся спиной и быстро зашагал прочь. Я направилась к стойке регистрации и протянула посадочный билет красивой девушке в стандартной униформе.

Всегда думала, что только в юношеские годы все обиды кажутся такими непереносимыми. Ошиблась. С возрастом сносить удары Судьбы становилось сложнее и больнее. Наверное, так и учатся мудрости.

Объявили посадку, и я, отбросив воспоминания, направилась к нужному выходу. Девушка за стойкой проверила паспорт, посадочный талон и я направилась по металлическому переходу в самолет. Улыбка встречающей на борту стюардессы приободрила. Втиснулась в узкий проход между креслами, прошла по нему и отыскала свое место. Оно оказалось у окна. Через несколько минут рядом со мной, уселся прыщавый подросток и его мать.

Отвернулась к иллюминатору. Впереди было море, солнце, куча свободного времени и одна не решаемая задача — как забыть Игоря? С другой стороны, забывать не следовало. Это моя жизнь и ошибки в ней тоже мои.

Весь полёт юноша косился на меня. Вдобавок к этому, он чуть не уронил мне на колени свой обед и не облил кофе. Мамаша сверлила взглядом так, что становилось тошно и хотелось открыть люк и выйти из лайнера в небо. Напряжение последних недель дало о себе знать головной болью и стало не до соседей. Откинулась на спинку кресла и попыталась уснуть. Получилось.

Очнулась от легкого похлопывания по плечу. Это была стюардесса.

— Пристегните, пожалуйста, ремни. Скоро посадка.

— Да-да, конечно. Спасибо, — сбрасывая дрему, сказала я.

В окно было видно, как самолет сделал вираж над морем и стал снижаться. Произошло касание шасси с поверхностью взлетно-посадочной полосы. Выпустили закрылки и воздушное судно начало торможение.

Отстегнула ремни, принялась ждать, когда проход освободиться от пассажиров. Из самолета выбралась последней, и горячие лучи южного солнца обвили мое тело невидимыми руками. Настроение немного улучшилось. В аэропорту встречал водитель, присланный из пансионата. Уселась в машину и принялась смотреть на изменившийся город.

Доехали быстро. Около входа в отель меня встретили друзья семьи. Под непрекращающийся шквал вопросов проводили в номер.

— А как поживает Оскар? — спросила я.

Родители друга детства переглянулись. Сделала вид, что не заметила и сбросив рюкзак с плеч в кресло, прошла по номеру. Люкс, отведенный для меня, порадовал видом из окна и огромным балконом, походившим на небольшую террасу. Снаружи вдоль стен были

выставлены растения в кадках, а в углу притулился небольшой столик на металлических ножках со стеклянной столешницей.

— Оскар должен сегодня приехать из посёлка. У него там коттедж, — пояснила мама друга детства.

— Женился? — с улыбкой на губах поинтересовалась я.

— Нет. Работает дома, общаясь с фирмой-нанимателем по интернету. Иногда летает к ним в головной офис в Америку.

— Поня-я-ятно, — любуясь соснами, протянула я.

— Ну, не будем тебе мешать. Обживайся девочка, произнес владелец пансионата.

Мы тепло простились и, проводив родителей Оскара, устремилась на террасу, любоваться окрестностями. Простояв не меньше часа на открытой площадке, отправилась в ванную и приняла душ. На ужин не пошла, есть совсем не хотелось. Уселась в кресло и принялась рассматривать сосны напротив, пока не стемнело. Нужно ложиться спать.

Сон оказался тяжелым. Возможно из-за перемены климата и усталости от перелета. Встав на рассвете, сделала пробежку по набережной, вдыхая воздушный коктейль, ингредиентами которого благоухание напитавшихся росой растений и соленая прохлада с моря. Потом наскоро проглотила завтрак, мечтая о «тюленьем отдыхе»: улечься в шезлонг и прикрывшись бейсболкой вздремнуть. Но не сбылось. Меня окружали семейные пары с маленькими детьми, а малыши сидеть спокойно не умеют. Затишье наступило, как по мановению волшебной палочки, около полудня. Мамаши и папаши, похватав ребячью скрылись в корпусах, а я смогла расслабиться и провалиться в глубокий сон.

— Эй, красотка, — тербил меня кто-то за плечо.

Разбуженная, посмотрела на звавшего меня, и наткнулась на улыбающееся лицо Оскара.

— О, это ты? Привет, — хмурясь от солнца, поздоровалась я.

— Привет, — улыбнулся друг детства.

Он заметно изменился с тех пор, как мы последний раз виделись. Короткая стрижка, мужественное лицо, пухлые губы. На подбородке ямочка, что особенно нравилось, когда была подростком. Глядя Оскару в очи, на мгновение перенеслась в свое детство и юность. От этого стало приятно на душе. Показалось, что снова очутилась там, где меня всегда ждут.

— Ты к родителям приехал?

— Нет, с тобой повидаться.

Его улыбка обескуражила и заставила сердце встрепенуться. Мысленно одернула себя за непрощенную эмоцию. Не хватало еще увлечься Оскаром, спасаясь от несчастной любви.

— Отлично. Увиделись, что дальше? — резкость мне самой не понравилась, но уже ничего не поправить.

Такая реакция для меня самой была загадкой. Зачем неподобающе вести себя с парнем, которого я не видела десять лет?

— Колючка и злючка, — хохотнул молодой человек и показал на меня пальцем. — Ха-ха-ха. Маринка креветка злая малолетка.

— Эй! Ты старше меня всего на полгода! — возмутилась я и вскочила с шезлонга.

Оскар припустился по пляжу, а я за ним, словно мы погрузились в детство. Бегали не долго, он поддался, и смогла пару раз дать ему подзатыльник. Затем уселись на свободный топчан и хохотали над собой.

— Сколько ты собираешься пробыть здесь?

— У меня бессрочный отпуск, — повела плечами я и отвернулась.

— Что так? А? Не слышу...

Мужчина встал и опустился передо мной на колени. Вгляделся в лицо. Попыталась отвернуться, не вышло.

— О-о-о, несчастная любовь. А я-то думал, что-то серьезное.

Оскар снова уселся рядом и продолжил:

— Думаю тебе нужно ехать обратно, Марин. Время лечит любые раны, и потому их латать можно и в городе, под боком у родителей.

— Ты меня прогоняешь? — брови поползли на лоб.

— Нет, просто...

Договорить он не успел. Я резко поднялась и пошла в сторону корпуса. Неужели так будет всегда: он прогоняет, а я ищу любовь? Похоже, что да.

***

Вечером Оскар пришел с извинениями. Был мил, и мы проболтали до рассвета, вспоминая детские шалости. Я ловила себя на мысли, что друг детства стал красивым мужчиной, обаятельным и чувственным. Мысленно одергивала себя и пыталась найти объяснение тому, что все время останавливала свой взор на его губах, старалась дотронуться до широкой груди. Это, скорее всего, воспоминания о первой любви разбередили душу, а может, хотела быть кому-то нужной?

После Игоря отрастила огромный комплекс неполноценности. Спряталась за громоздкой одеждой и мешковатыми джинсами. Стало все равно покрашена я или нет. Когда Оскар ушел, подошла к зеркалу и долго рассматривала свое отражение. Понимала: так больше нельзя. Нужно менять отношение к себе и окружающей жизни коренным образом. Шорты, маленький топ и шлёпки — мои спутники днём. Облегающие платья с глубоким вырезом и макияж буду надевать по вечерам.

Спать легла на рассвете и потому на пляж пришла после полудня. Солнце нещадно жгло, и большинство отдыхающих предпочли пересидеть жару в номерах. Устроившись в шезлонге, взяла в руки книгу и сосредоточилась на чтении. Фолиант оказался нудным. Сама не знаю, как заснула? Мне снилось море и Оскар. Мы плескались водой. Нам четырнадцать, и мы влюблены. Картина стремительно поменялась: вода сомкнулась над головой, и я попыталась выбраться наверх. Тщетно. Возникла неожиданная боль в ноге, немного повыше ступни. Отключилась.

Вынырнула из дремы и перенеслась в реальность. Осмотрелась и нашла глазами Оскара, сидящего на галечной поверхности пляжа, рядом с моим шезлонгом.

— Ты металась и стонала, Марина, — пояснил участливым тоном парень.

— И тебе здравствуй, Оскар, — огрызнулась я.

— Здравствуй, — лицо друга расцвело добродушной улыбкой.

— Не боишься обгореть в таком купальнике? Смотри, Маринка, потом сесть не сможешь, придется стоя спать, — ухмыльнулся приятель.

— Попрошу того молодого человека намазать все больные места.

Я махнула рукой в сторону соседнего лежака, в котором пребывал во всей красе черноволосый мужчина.

— Я с большим удовольствием окажу такую мелкую услугу столь привлекательной девушке. Могу приступить прямо сейчас, Мариночка, — предложил красавец с обезоруживающей улыбкой.

— Спасибо, обязательно воспользуюсь, но позже. Откуда вы узнали, как меня зовут?

И так было понятно, что он услышал моё имя от Оскара. Молодой человек ухмыльнулся:

— Как мне не узнать свою первую любовь и первый курортный роман? Узнаю тебя из тысячи девушек, Марина. Нам тогда исполнилось по пятнадцать.

— О, Боже мой! Нет...ты...ты...э-э-э, — замялась я.

Попыталась вспомнить хоть первую букву имени парня, но он сам пришел мне на помощь.

— Давид. Меня зовут Давид. Имя редкое и потому быстро не вспомнишь, — улыбаясь, объяснил старый знакомый.

Оскар на протяжении всего разговора наблюдал за происходящим. С детства он обладал вспыльчивым характером, и такое безмолвие давалось ему тяжело. Он не выдержал и решил вмешаться в разговор:

— Я тоже тебя помню, Давид. Меня зовут Оскар, — представился друг детства и протянул руку.

— Очень приятно, — ответил Давид и пожал протянутую кисть.

Мужчин с вызовом посмотрели друг на друга. Ладони они разняли, но глазами сверлили друг друга. Пора было вмешиваться.

— Получается, мы все не виделись десять лет и вот снова наши пути пересеклись, — щебетала я. — Это парадокс Судьбы.

Улыбнулась и подмигнула Оскару, тот кивнул и со вздохом произнес:

— Это не парадокс, это-Судьба, Мариночка.

Давид опустил голову, и через мгновение снова ее поднял. На лице сияла улыбка. Бархатный голос брюнета казался радостным, когда он заговорил:

— Предлагаю это отметить. Десять лет все-таки...

— Можно вечером в кафе, все «за»? — моментально отреагировала я на предложение.

Оба мужчины кивнули, и дальше разговор стал более непринужденным и веселым.

Вечером наша троица отправилась в одно из самых экзотичных мест Геленджика. Музыка, вино, вкусный ужин сделали вечер легким и не обязывающим. Мужчины подружились, хоть и пытались «перетянуть одеяло» каждый на себя в незатейливых ухаживаниях. Я была пьяна, беспечна и счастлива. Создавалось ощущение, что обрела нечто большее, чем потеряла. Забыла где-то, десять лет назад, и теперь снова нашла на том же месте.

В четыре утра я засобиралась в отель. Нужно было хоть немного вздремнуть. Накануне Оскар предлагал поехать, посмотреть достопримечательности края, послушать легенды и сказания. У него туристическое агентство, которое предлагало проживающим в пансионате гостям экскурсионные услуги. Он позвонил своему лучшему gidу и назначил индивидуальную встречу для нас. Давид отказался, сославшись на посещение уже оплаченной экскурсии, а я с радостью согласилась.

Зайдя в свой восхитительный номер, сбросила легкие босоножки и босиком прошла на балкон. Удобное кресло и восход — все, что необходимо моей душе. Желаемый предмет мебели стоял посередине террасы, и в нем покоился сверток. Я подошла, взяла кулёк. Хрустящая обертка была мною моментально разодрана в клочья, и в руках оказался прекрасный шерстяной плед. Маленький квадратный листочек упал к ногам. Подняв его, я прошествовала в глубину номера. Плюхнулась на кровать и включила ночник, чтобы суметь прочитать записку.

«Вторично прошу прощения за сцену на пляже. Всё, как ты любишь: сосны и теплый плед. Наслаждайся. Оскар».

Я улыбнулась и принялась рассматривать подарок. Мягкий песочно-шоколадный оттенок вызывал желание моментально в него завернуться в плед. Я так и поступила. Закуталась, выключила ночник и уснула.

«— Ах, ты так! Брызгаешься, значит! Ну-ну! — смеется загорелый парень.

Он стоит в море, и отворачивается от летящих в него брызг. Девчонка со светлыми волосами до талии хохочет, как сумасшедшая и продолжает зачерпывать воду ладошкой и обливает мальчишку.

Я узнал их. Они каждый год проводят вместе лето. Девчонка выросла и похорошела. Она сладкая-сладкая. Хочется протянуть руку и дотронуться до нее. Нельзя, пока нельзя. Надо подплыть поближе.

Паренек неожиданно перестал улыбаться и указал в моём направлении.

— Дельфин, Маринка, это дельфин! Видишь плавник?

Девчонка уставилась на меня и пытается рассмотреть получше. Приложила ладошку ко лбу, чтобы загородить солнечный свет.

Какие у нее красивые глаза, такие же, как море. Я хочу ее. Она человек и не проживёт долго, но до последней минуты будет смотреть на меня. Желая унести этот взгляд с собой в море. Буду помнить тебя.

Я плыву к тебе. Атака и ты в моей власти. Тебе недолго осталось, но поцелую и ты проживешь немного дольше, чем те, другие. Ни одной не даровал то, что подарю тебе: мгновения жизни. У тебя теплые губы и ты поцеловала меня в ответ. Это неожиданно. Ты удивила. Сделаю для тебя то, что никогда не делал для других — заполню твои легкие воздухом. Может, ты откроешь глаза? Ты умираешь, девчонка, но ты не смотришь на меня. Открой глаза, открой!»

Резко села на постели. Кошмар, в котором тонула, вернулся. Я задыхалась. Посмотрела на часы. Оказалось, спала не больше пяти минут. Надо было выйти и проветриться.

Терраса встретила темнотой, прореженной желтым светом фонарей. Хвоя перед глазами расплывалась. Дышать не стало легче.

— Надо спуститься к морю, — прошептала я.

На берегу всегда становилось спокойнее. Я была на всех морях земного шара и везде преследовал этот сон. Он являлся ко мне всегда один и тот же — я тонула. Это казалось странным, но чтобы развеять его приходила к морю. На фоне идеальной водной глади, глядящей в звездное небо, дурной сон становился незначимым.

Я вышла на берег, кутаясь в плед. Меня знобило. Вспомнились подробности происшествия. Видение полностью отображало реальные события одиннадцатилетней давности. Помню, очнулась в больничной палате. Рядом с ней на стуле сидел Оскар и смотрел на меня немигающим взглядом. Как только пришла в себя, он сказал:

— Привет.

Встал и направился к двери. Открыв ее, попросил кого-то в коридоре позвать моих родителей. В последствие все прояснилось. Я поскользнулась, и проплывающий мимо дельфин утащил меня в море. Наглоталась воды. Оскар выудил меня из глубин моря. К тому же где-то разбредила ногу, пока висела на плавнике дельфина. На лодыжке красовалось гнойное пятно размером с медаль. Нога болела и ныла и я долго мазала ее разными мазями, чтобы рана зажила. Теперь напоминанием о прошедших событиях служил выпуклый шрам

дугообразной формы.

Я тряхнула головой, сбрасывая воспоминания. Светало. Стала видна граница неба и моря. Вдалеке вода казалась густо-черной, а небо готовилось прихорошиться яркими красками рассвета. Воздух казался солёным и тёплым. Я подставила лицо ветру и ждала, когда озноб отпустит моё тело.

— Марина, привет! Не спиться? — донёсся голос из морских глубин.

Я начала всматриваться в темноту, чтобы отыскать говорившего. Но смогла различить только буйки, которые выставлены для безопасности отдыхающих.

— Эй, Давид это ты? — решила я на вопрос.

— Да, это я. Сейчас выйду на берег.

Через пару минут смогла определить движение в потемках. Давид остановился возле меня. Теперь я могла его разглядеть. Надо отдать должное южным широтам, заря и закат здесь происходят быстро. Будто кто-то своей волей отдергивает черную занавеску, и сразу приходит свет. Вот и сейчас силуэт мужчины роскошно выглядел на фоне желто-оранжевых пятен, расползшихся по небосклону.

— Ты плавал? Не страшно? — поспешно спросила я.

Давид стоял ко мне очень близко и аромат его тела, смешавшись с запахом моря. Это вызвало смятение в душе, и я покраснела.

— После того, что было вечера, спать не хочется. Вот и пошел освежиться и немного прейти в себя. Иначе засну на экскурсии. А тебе тоже не спиться?

— Да, — ответила я. — Вышла подышать воздухом.

— Это правильно, Марина. Окунуться не хочешь? Если что, я рядом, — подмигнул мне Давид и широко улыбнулся.

— У меня нет купальника с собой, — пошла на попятную я, сама не зная чего испугавшись.

— Можно и без купальника, сейчас достаточно темно. Я могу отвернуться, пока ты раздеваешься, — продолжал уговаривать приятель.

— Можно и без купальника, — согласилась я. — Отвернись.

Я быстро стянула с себя одежду и вошла в воду. Окликнула Давида и поплыла. Через пару мгновений он ко мне присоединился. Мы плыли и болтали о разных пустяках. В какой-то момент устала и решила немного повисеть в воде. Давид подплыл ко мне и предложил поддержать меня, пока я отдыхаю. Терять мне нечего, кроме собственных комплексов, поэтому я решила рискнуть и довериться ему.

Он обнял меня за талию и усадил к себе на согнутое в воде колено. Как ему удавалось удерживать нас двоих над водой? Загадка. Я обняла его за шею одной рукой, а другой продолжала болтать в воде, чтобы облегчить Давиду участь. Наши тела близко, но накатившая из моря волна подтолкнула меня к Давиду вплотную.

Моя грудь касалась его груди. Руки обвили его шею. Давид опустил ногу, и я повисла на его шее, тем самым прижавшись всем своим телом к его. Слов было не нужно, нужны объятья, поцелуи, восторг от поглаживания моего тела. Я все это получила в избытке. Не отставала от Давида. Наградой стал стон, вырвавшийся из его горла.

— Марина! Марина! — донёсся до меня голос Оскара.

Я тут же вынырнула из страстного дурмана и прервала ласки. Давид нехотя отстранился.

— Что? — удивленно спросил мужчина.

— Оскар меня зовёт. Надо плыть назад, — ответила я.

Разомкнув объятия, я не оборачиваясь, поплыла к другу детства. Стоя по грудь в воде попросила Оскара отвернуться. Тот всё понял и выполнил моё желание. Быстро одевшись закуталась в плед. Медленно посмотрела в сторону моря. Давида нигде не было. Шелест гальки заставил меня вздрогнуть. Давид, улыбающийся и смущенный, подошел к нам. Он успел одеться в джинсы и футболку. Вода с волос текла на одежду.

— Привет, прогуливаетесь? — задал он простой вопрос.

— Привет, — ответил за нас обоих Оскар.

Я не могла заставить себя говорить. Стыдно за непрошенный порыв. Сожалела о случившемся.

— Марина купалась, а сейчас нам надо идти. Экскурсия, сам понимаешь...

— Да-да, экскурсия. Марина, завязывай с ночными купаниями, это опасно.

Давид хитро улыбнулся и погрозил мне пальцем.

— Я плавала на рассвете, — ответила я. — Нам пора. Пока. Не пропадай.

— Теперь уж точно не пропаду, — широко улыбнулся приятель. — Такие русалки по утрам плавают, что хоть с ночи шезлонг занимай и жди, когда появятся.

— Пока, дружище. Нам пора, — попрощался Оскар, а я кивнула и мы ушли.

***

Вяло позавтракав, отправилась на частную экскурсию с Оскаром. Это было прекрасно. Легенды, сказки, повествования вписывались в реальные события и переплетались с ними. Как не поверить преданию, когда сам ландшафт: горы и море, услужливо предоставляли себя экспозицией.

Наш чичероне оказался парнем лет тридцати с рыжими волосами. Долговязый и улыбчивый. Он с большим энтузиазмом красиво рассказывал очередную легенду. Мы въезжали в Геленджик, а гид все вещал и вещал историю этих мест:

— В средневековье здесь жили племена зихов, впоследствии — их потомки, адыгейские племена натухайцев и шапсугов. С конца пятнадцатого века на Черноморском побережье Кавказа установилось турецкое владычество. Торговое село на берегу Геленджикской бухты сделалось местом вывоза турками невольниц — молодых красивых девушек горянок. Это были самые мрачные времена в истории местных городских племен. По одной из версий своим названием город обязан именно этому периоду в истории. В переводе с тюркского Геленджик — «Белая невеста». Проживали здесь и русские люди, их называли «скифами». Не спокойные были времена тогда. Много легенд рассказывают о здешних местах. Позвольте вам поведать очередную сказку, — вежливо и с улыбкой попроси экскурсовод.

— Извольте, — весело согласилась я. — О чем будет новая история?

— О-о-о! Она о прекрасной горянке и богатом турке. Только эту быль лучше слушать на воде. Поэтому пройдемте к яхте Оскара Олеговича и я продолжу рассказ.

Мы подъехали на машине к берегу и припарковались недалеко от Морского причала. Пройдя пешком, и сделав несколько фотоснимков, пересекли причал и сели в восхитительную белоснежную яхту.

— Извини, алые паруса все разобрали, поэтому поплывём с красными, — пошутил мой друг.

Хихикнув в ответ, я расположилась с удобствами. Гид занял место у штурвала. Когда мы покинули причал, Оскар обнял меня и притянул к себе. Я положила голову ему на плечо и

стала наблюдать, как другие яхты подобные нашей, плывут рядом. Мы устремлялись в синюю даль. С погодой повезло, и я, отстранившись от Оскара, быстро разделась, оставшись в купальнике. Друг последовал моему примеру. Чичероне стянул с себя футболку, и продолжил управлять яхтой.

Я села спиной к приятелю и облокотилась на его грудь. Он обхватил меня за талию обеими руками и уткнулся подбородком в плечо. Солнышко припекало, Оскар был рядом и больше ничего не нужно. Мысли об Игоре, словно дымка, рассеялись в голове. В душе стало тепло. Проплыв достаточно долго, яхта замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Посудина совершала круговые движения, подталкиваемая волнами и «Геленджикская бухта» была у нас, то с правого борта, то с левого. Невысокие волны, раскачивали судно и под это мерное колебание Юра начал свой рассказ.

— Жили здесь красивые девушки с гордым нравом и сильной волей. Они были наследницы горных народов. Маленькая бухта позволяла ужиться людям разных племен, а море кормило всех. Но пришли дни страданий и бед. Порабощение Османской империей привело к установлению правил новой силы. В бухте был организован невольничий рынок. Богатые рабовладельцы приходили с моря и увозили всё, что им понравится. А нравились им красивые белокожие девушки с гордым нравом. Легенда гласит, что в один из таких дней остановился недалеко от берега красивый корабль. Владел судном богатый турок по имени Бора, что в переводе с турецкого «Морской шторм». Он был сильным и могущественным, молодым и красивым. Покупая для своего удовольствия различную утварь, он с прислужниками забрел на невольничий рынок. Все расступились перед ним потому, что он самый богатый из присутствующих здесь. Он прошел и уселся на подставленный для него стул. В этот самый момент вывели невольницу. Она была хороша собой. Белые длинные волосы струились по плечам и ниспадали до самой земли, и синие как море глаза смотрели строго и холодно.

— Вот моя белая невеста, — произнес Бора. — Я покупаю её.

Девушка стояла и смотрела прямо в очи турку. И чем больше он вглядывался в глубину ее глаз, тем сильнее разгоралась любовь в сердце богача. Расставшись с большой суммой денег, Бора проводил свою «Белую невесточку» на корабль.

— Как зовут тебя жена? — спросил, сгорающий от страсти Бора.

— Марина, — отозвалась красавица.

В ту ночь Бора не посмел сделать Марину своей женой, его остановили холодные глаза горянки. Он привез ее к себе в дом и отвел в самые лучшие покои. Девушка жила в доме Бора уже месяц, и чахла от непонятной болезни.

— Что с тобой? — поинтересовался Бора, когда очередной лекарь вынес вердикт о скорой смерти Марины.

— Отвези меня к морю и разреши поплавать в нем, муж. Обещаю очень быстро выздороветь.

Бора так и сделал. Отвез Марину к морю и заставил всех отвернуться, чтобы никто не смел видеть его жену. Марина в море ожила настолько, что позвала Бора присоединиться к ней. С тех пор, они ежедневно плавали вдвоем до самого того момента пока не пришла пора рождению наследника. Марина родила прекрасного синеглазого малыша, которого называли, так же как и отца. Но мальчика сломала та же болезнь, что и его мать: он любил море. И вот однажды, когда мальчик стал подрастать приключилось странное событие. Бора пошел окунуть сына в воду. Когда он достал его, то увидел плавник, торчащий у него на спине. Бора

позвал свою жену, и каково было его удивление, когда и у нее из спины вырос плавник, похожий на дельфиний.

— Не бойся, муж мой. Мы люди из морских глубин. Мы живём там, куда не может попасть человек. Но мне дана возможность взять тебя с собой. Ты станешь одним из нас. Соглашайся. Уплывем далеко-далеко, в мой дом. Там будет расти наш сын. Мы будем счастливы с тобой там, также, как были счастливы здесь.

Бора смотрел на свою преобразившуюся жену и не узнавал. Ее кожа стала почти прозрачной, как вода, волосы напоминали морскую пену, обвившую ее стан. Сын оставался похожим на него, Бора, но всё равно уже мало напоминал человека с этим плавником на спине.

— Я не пойду за тобой, жена. Я — человек и утону.

— Нет, ты не утонешь, — возразила женщина. — Я сделаю тебя таким, как я. Я наследница древнего знания и могу сделать тебя другим.

Бора колебался, но так и не решился на превращение.

— Хорошо, я оставляю выбор за тобой, и когда захочешь, сможешь присоединиться к моему народу, — изрекла оскорблённая супруга. — Я оставлю тебе это. С помощью него, ты сможешь отправиться вслед за мной, когда пожелаешь.

Бора получил подарок, но остался жить на суше.

Экскурсовод закончил свое повествование, а я молчала, переваривая сказанное.

— Эти люди из моря существуют? — задала я глупый вопрос мужчинам.

— Только для тех, кто в них верит, — вступил в диалог Оскар. — Есть куча легенд о морских людях, которых называют «Морскими дьяволами» или «Морскими конями». Попадают менее романтичные истории, чем та, что ты услышала сейчас.

— Например? — приподнимая бровь спросила я.

— Обитатель глубин под название «Морской конь» выбирается на берег и превращается в соблазнительного мужчину. Он влюбляет в себя девушку и утаскивает на дно. Бедняжка захлёбывается, удовлетворяя его похоть, а он ищет новую жертву. Бывает, на берег выплывают и «морские кобылицы», только итог абсолютно такой же, насладившись женщиной, она утаскивает его на глубину и смотрит, как тот умирает. Поговаривают, их притягивает смерть, отражающаяся в глазах человека.

— Ну вот, что ты за человек такой, а? Такая красивая сказка, а ты все испортил. «Сама смерть отражающаяся в глазах человека...», — передразнила я друга и махнула на него рукой.

— Ладно тебе, Маринка. Давай купаться, — предложил примирительным тоном Оскар.

Я сердито заявила:

— Ага, сначала страшилок расскажешь, а потом купаться зовешь. Всё! Хочу загорать.

— Это твоё окончательное решение? — приподняв одну бровь приятель.

— Да.

— Лады, пойду топиться, — развернулся, и был таков, а мы с Юрой остались на палубе и принялись загорать.

Спустя некоторое время к нам присоединился Оскар. Лучи солнца ласково нагревали мою кожу, я ощутила странное чувство тоски. Оторвала голову от полотенца, на котором лежала и окинула взглядом морскую гладь. Взором натолкнулась на плавник. Он возвышался над волнами и поблёскивал, словно глянцевая вывеска. С того места исходил импульс ужасающей тоски и боли.

— Что там, смотри, — позвала я друга и для пущей убедительности постучала по руке. — Это дельфин?

— Да, похоже на дельфина, — сощурился Оскар.

По лицу парня пробежала тень злости. Странная перемена, если учесть, что мы собирались в ближайшее время отправиться в Дельфинарий.

— Мне почему-то кажется, что тому, кто с плавником больно, — озабоченно произнесла я.

— Впечатлительная ты Маринка, — отшутился Оскар и легонько щелкнул меня по кончику носа.

— Давай возвращаться, — предложила я и поднялась. — Окунись разок, чтоб тут некоторые не подтрунивали, и поплывем к берегу. Есть хочу.

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, — хохотнул закадычный друг.

Встала на самый край борта, и легко оттолкнувшись от него, вошла в морскую толщу. Вода была тёплая. Я плыла прочь от яхты до того момента, пока не почувствовала усталость в теле. Остановилась и распласталась, позволяя солёной жидкости удерживать меня. Неожиданно почувствовала какое-то движение возле своего туловища, а затем рука коснулась талии. Меня потянули в глубину, и поверхность воды сомкнулась над головой. Я стала отбиваться от чужих объятий. И тут случилось нечто странное. Мне подарили поцелуй. Он показался жадным и порывистым. Через него в мои лёгкие проникал воздух, я могла дышать свободно. Не тонула, а плыла. Неожиданно всё оборвалась. Чужие руки подталкивали меня вверх. Вынырнула и вытерла солёную воду с глаз. Оскар плыл на встречу, размашистыми гребками. Увидев меня на поверхности, друг помахал. Я ему ответила и поплыла.

В пансионат мы вернулись вечером. Остаток дня казался долгим и нудным. Я легла на кровать в своем номере и попыталась осознать то, что произошло в море. Любопытно, это были галлюцинации, навеянные рассказами о морских жителях? Или шутка Оскара? Не знала. Голова раскалывалась и решила поспать.

На следующий день шарахалась от морских глубин и плавала только у берега. Потом и вовсе перебралась в бассейн. Тоска, что преследовала меня, понемногу улеглась, и я задышала полной грудью. Но к вечеру уныние снова одолело, а тяга к морю стала болезненной. От встречи с Оскаром отказалась, сославшись на чрезмерное количество ультрафиолета на коже. Друг хохотнул и предложил намазать меня кремом. Я отшатнулась. Поплелась в номер и улеглась в кровать. Закрыла глаза и провалилась в дрему.

Перед моим взором открылись глубины, косяки рыб, затонувшие корабли. Я хотела туда и боялась. Мучавший меня с детства кошмар вернулся, но уже видоизмененным. Видела, себя плавающей в толще воды и улыбающейся солнцу. Волосы плавно струились вдоль тела. Я напоминала медузу, когда толкала тело вперед при заплыве. Очнулась и решила отправиться на пляж. При утренних посиделках меня застукал Оскар. Парень взял шезлонг, стоящий рядом с моим, придвинул ближе, и лег в него.

— Что-то не так, Марина? Поговори со мной, пожалуйста.

— Оскар, я сама не своя, — начала я, и оборвала фразу.

Поймет ли друг детства мои переживания? Стоило открывать душу?

— Я вижу, — вздохнул молодой человек. — А еще знаю, что это поправимо. Рассказать как?

— Поделишься? — обернувшись, задала я вопрос.

— Это государственная тайна, — подмигнув, улыбнулся Оскар.

— Ну, мне-то можно, хоть одним глазком, в пол-уха, — поддержала я его шутку.

— Если только одним глазком, — развеселился Оскар.

Оскар сел и развернулся ко мне. По выражению его лица, я поняла, что ему не до шуток.

— Выходи за меня замуж, — произнес парень.

Удивлению моему не было предела, а Оскар встал с шезлонга, и легко отодвинув его, опустился на одно колено. Затем достал из кармана джинсов маленькую коробочку и открыл ее. На дне покоилось красивое кольцо со сверкающим камнем.

— Оскар, я... — в горле пересохло и мне захотелось плакать. — Спасибо за предложение. Я...

— Соглашайся, Марина. Я люблю тебя с детских лет, но помимо всего прочего сейчас это необходимость.

— Хорошо, — кивнула я. — Но почему ты говоришь о необходимости?

— Со временем ты всё поймёшь, любимая. Просто прими это кольцо и всё.

— Какой редкий камень, где ты его достал? — рассматривая грани сверкающего чуда спросила я.

— Мужчина не должен раскрывать свои секреты, не так ли? — улыбаясь, задал вопрос Оскар.

— Так, Оскар, совершенно так.

***

Очарование южной ночи пленяло приезжающих на отдых. Парочки бродили до утра, держась за руки, и беседовали о разных пустяках. Я стояла на набережной, и ветер вяло колыхал мои волосы, перебирая пряди воздушными пальцами. Неожиданно нахлынула тоска. Пришлось вцепиться в бетон набережной, чтобы не сбегать на пляж, куда так неудержимо влекло. Ощутила чей-то пристальный взгляд. Он ощупывал меня. Съежилась и стала оглядываться по сторонам. Может мне показалась и это снова галлюцинации? Нет. Воздух наэлектризовался вокруг, и я была втянута в водоворот некоего пространства. Повинуясь кому-то неотрывно смотрела в одну точку, куда тянуло и откуда манило. Казалось, подними руки и полетишь в чернеющую даль. Все мысли превратились в мешанину и ясной стала только одна: «Мне надо туда, в море».

— Марина, что ты тут забыла? — тряс меня за плечи Оскар.

Слышала слова жениха, чувствовала его прикосновения, но не могла сбросить дурман. Оскар всё тряс и тряс меня за плечи, а я смотрела вглубь себя, и видела только манящий образ — «Море». Неожиданно все прошло. Это случилось также мгновенно как и нахлынуло. Глубоко вдохнула и заморгала. В глазах была сильная резь. Слезы проложили дорожки на щеках.

— Наконец-то ты очнулась, — произнес Оскар.

Он прижал меня к своей груди, стал успокаивающе поглаживать по спине и тихонько целовать в макушку.

— Я была сама не своя, — пожаловалась я. — Мне плохо.

— Пойдем, я провожу тебя в номер, — обняв за плечи, сказал парень.

— Нет, мне плохо, — захныкала я и поплелась рядом с женихом по мощеной набережной.

Утро. Открыла глаза, потянулась и села на кровати. Солнце заливало комнату светом. Вздохнула волосы и, закутавшись в простыню, прошла на террасу. Красота! Как же

здорово пахнет сосновой хвоей! Последнее время меня преследовал только дух моря, а сегодня он еле-еле уловим, зато хвоя и цветы слышались четко и ярко.

— Эй, я еще не готов вставать, — услышала я голос Оскара, донесшийся с кровати.

— Просыпайся соня-засоня, — подразнила жениха и улыбнулась. — Пора на завтрак.

— А утренний поцелуй? Это лучше завтрака, — весело произнёс парень.

Он сел на кровати потянулся, как и я несколько минут назад. Накинул простыню и прошлёпал босыми ногами на террасу. Оскар заключил меня в объятия и поцеловал. Только сейчас поняла, как правильно сделал Игорь, бросив меня. Я пропустила бы своё главное счастье в жизни.

***

Больничная палата, в которой пребываю уже второй день, относится к разряду «Улучшенной». Надо признать мои родители постарались, и притащи все необходимое для нормального существования до выписки. В начале недели я обреталась в реанимации погруженная в искусственную кому. События недельной давности вспоминать страшно.

В тот день мы с Оскаром всё-таки выбрались на завтрак. Подойдя к своему столику, обнаружила сидящим за ним Давида.

— Привет русалка, как спалось? — шурясь от яркого света, проникающего сквозь огромные окна столовой пансионата, спросил Давид.

— Она прекрасно спала, — ответил Оскар и встал за моей спиной.

— А мне не спалось, — закручинился Давид. — Ходил возле твоего корпуса, думал и гадал, не потревожу ли тебя своим присутствием? Могу ли предложить прогулку?

— Моя невеста теперь гуляет только со мной. Если хочешь пригласить ее, то придется сначала обратиться ко мне.

— Вот как? — глаза брюнета поползли на лоб. — И когда это произошло? Я имею в виду, когда вы стали женихом и невестой? — поинтересовался Давид.

Нервозность парня выдавала, дёргающейся на шее мышца. Я помню об этом с тех самых пор, как была подростком. Вот ведь незадача, имя забыла, а такую особенность, как дрожащая мышца, запомнила.

— Пару дней назад, — холодно сообщил Оскар. — Марина согласилась принять моё предложение, чему я несказанно рад.

— Поздравляю, значит, я в пролёте в этот раз?

Это был вопрос пустоте, которая по своему обыкновению промолчала, поглотив его слова.

— Уверен через десять лет, я возьму реванш, — пригрозил собеседник и поднялся с места. Кивнул мне на прощанье, а Оскара словно не заметил.

— Да, ершистый парень, боюсь, через десять лет отыграется, — смотря ему в след, произнес жених.

— Уверена, что к тому времени я буду мамой троих детей, толстой и ворчливой, — хохотнула я в ответ на его слова. — Сам будешь рад избавиться от меня.

— Нет, Марина, никому я тебя не отдам, даже если ты нарожаешь мне целый взвод детей. Реванша не будет и точка.

День мы провели весело, причем успели сообщить его и моим родителям, что определились с выбором и стали женихом и невестой. Обе семьи несказанно обрадовались и поздравили нас с предстоящими переменами в жизни.

Ночью мы с Оскаром заснули вдвоем в моем номере, а вот дальнейшие события я помню размыто, будто нужно продираться сквозь пелену воспоминаний.

«Девчонка, выросла и превратилась в красивую девушку. Я сразу вспомнил ее, потому что ждал. Я чувствовал ее запах везде, даже в океане, но к тому моменту, когда туда приплывал, ее не оказывалось. Мне оставалось довольствоваться малым, этими глупышками, которых много на пляжах мира. Надо всего лишь проявить немного ласки, и дурочки разных возрастов, сами соглашаются идти со мной. Я видел много глаз за то время, что не мог найти девчонку. Они были разного цвета. Во всех ужас смерти смешивался с желанием обладать мной. Это неповторимое ощущение, когда ты видишь, как страсть застывает на их лицах и глаза пустеют. Я охотился на девчонку десять долгих лет, и вот она тут и еще более желанна, чем раньше. Мне только остается позвать ее, но она сопротивляется. Удивительно, как она может сопротивляться моему зову? Мне надо сломить ее волю».

Поднялась с постели и направилась к входной двери. Шла, медленно огибая все преграды. В голове звучал голос, и всё время разговаривал со мной, а я не могла противиться.

«Я точно знаю, что ты другая, не такая, как остальные. Ты изменилась. Я сам бы изменил тебя, но это не в моей власти. Зато я могу увести тебя далеко-далеко, и ты проживёшь долгую жизнь в другом мире. Там нет войн, наши племена не нападают друг на друга. Там есть четкая иерархия и это служит правом обладать всей подводной красотой. Порядок и счастье, красота и покой. Ты будешь счастлива со мной в этой стране. Те глупышки, лиц которых я даже не помню, никогда не попали бы в мой дом. Они просто люди, а ты — иная. Я рад такой перемене в тебе. Жил бы с тобой в стране людей, если ты захотела, но никогда не смог бы показать свой дом. Теперь мы свободны. Иди ко мне, девчонка, иди».

Пересекла набережную и остановилась возле ее ограждения. Пыталась сбросить с себя дурман, и крепко вцепилась руками в перила. Всё тщетно голос звал и я подчинилась. Я медленно будто в забытии прошла вдоль ограждения набережной, и спустилась по отделанной гранитной плитой лестнице. Пляж был пуст. Остановилась, не решаясь следовать дальше.

«Ты прекрасна в свете луны. Ты волшебна, и достойна красоты, что ждет нас на дне. Иди ко мне. Море тебя примет, как и я. Иди».

Подняла руки и попыталась унять боль в висках, начав их растирать. Эти монотонные движения, возвращали к самой себе, и смогла ухватиться за мысль, противясь голосу внутри головы. Эта мысль была о смерти, что ждет в пучине. Я цеплялась за размышления, а они от меня ускользали. Зато яркими казались образы, вспыхивающие в уме. Будто снова окунулась в кошмар, мучавший десять лет. Зажмурилась и потрясла головой. Нет, так дело не пойдет, продолжая цепляться за собственные мысли. Мне казалось, если они будут, то этот голос внутри станет менее манящим. Я не ошиблась. Звук стал заглушаться и воздух становился менее наэлектризованным.

«Открой глаза, Марина. Я приказываю тебе открыть глаза. Иди сюда. Я жду».

Вместо того чтобы подчиниться, сильнее зажмурилась. Голос, в голове, превратился в монотонную звуковую линию. Сложилось ощущение, точно кто записал одну ноту, забыв про то, что есть еще шесть. Усилием воли смогла расслышать на этом фоне собственные мысли. Первое, что пришло в голову, это воспоминание об Оскаре. Я мысленно звала его на помощь. В одиночку не смогу вырваться из воронки, сотканной из чего-то плотного и

неошутимого одновременно.

Противостояние голосу велико, что ноги сами собой подкосились. Опустилась на холодную гальку пляжа. Это пытка, я больше не выдержу! Надо о чем-то подумать. Что не так в последних фразах, услышанных мной? Там это есть, только что? Конечно! Он обратился ко мне по имени. Он четко произнес: «Марина». Он знал меня, мы встречались с ним на берегу. Возможно, даже очень часто. Кто ты такой? Что ты такое? Оскар! Оскар! Я больше не могу, я сдаюсь!

«Нет, любимая, потерпи», — раздался в голове еле различимый шепот любимого. — «Я уже рядом, ты молодец, ты справляешься».

Оскар? Теплые руки обняли меня и поставили на ноги. По-прежнему держала глаза зажмуренными, но твёрдо знала кто рядом. Меня, словно ударило изнутри, и пришла картинка: я стою рядом с Оскаром лохматая в трикотажной футболке до колен и сдавливаю себе голову. Я распахнула веки и услышала оба голоса:

— «Ты моя, девчонка, не смей ускользать! Сделай шаг и я проведу тебя».

— «Останься со мной, Марина, я люблю тебя. Я здесь, не смотри туда». - отчетливо говорил Оскар.

Образы в голове вспыхивали один за другим. Словно смотрела фильм о самой себе.

— Марина, опомнись, прошу, — взывал Оскар, и тряс за плечи. — Уйдем сейчас, а завтра я тебе всё объясню, обещаю. Ты все поймешь, ведь ты прошла большую часть пути. Пойдем.

— Она никуда с тобой не пойдет, левут, — донесся до меня голос, такой бархатный и чистый, и такой знакомый. — Она останется со мной.

Я обернулась. Это Давид. Силилась хоть что-нибудь понять. Почему слышала его голос? Почему он появился из моря?

— Я ждал этого десять лет, левут, и теперь она моя, — холодно заявил парень.

— Нет, ошибаешься, — ответил жених. — Ты чуть не убил ее тогда, а сейчас предьявляешь на нее права? Так не пойдет.

— Еще как пойдет, — хохотнул Давид. — Она уже к этому готова.

Я смотрела на этих двух мужчин, так спокойно разговаривающих друг с другом, и силилась, понять их странную беседу. Неожиданно стало страшно. Мурашки побежали по коже, а порыв ветра с моря чуть не сбил с ног. Я обхватила себя руками, желая согреться. Это не помогло.

— Ты погубишь ее, — заявил Оскар. — Да она иная, но всё еще человек. Кости хрупкие и не вынесет давления морской глубины.

— Это правда? — нахмурил брови Давид.

— К сожалению, да. Отступишь от нее, а иначе... — пригрозил жених.

— Я готов, левут.

Зубы стучали. Сотрясение тела усилилось, и я сложилась пополам, а потом и вовсе присела на поверхность пляжа, подтянув к себе колени и обхватив их руками. Попыталась хоть немного успокоиться. Не получилось. Сил снова встать не было. Смотрела перед собой, будто ожидая чего-то. Вдруг всё изменилось. Нет, на пляже нас по-прежнему трое, но присутствие кого-то четвертого, не видимого, исходило с моря. Я коснулась лбом коленей и попыталась отстраниться от всего происходящего. Внутренности сжались в крутой узел. Плохо. Совсем никуда не годиться. Я подняла голову и взглянула на мужчин.

Давид изменился. Его лицо вытянулось, и нос со ртом стали занимать единый контур.

Улыбка превратилась в оскал и на месте красивых ровных человеческих зубов красовались довольно крупные клыки. Шея удлинилась. Руки удивительным образом остались прежними и плотно прижаты к туловищу. Но в следующий момент Давид резко поднял их в стороны. Между туловищем и рукой все пространство занимала кожаная перепонка, довольно тонкая, как будто сотканная из длинных лоскутов. Вид этой кожаной «тряпицы», полощущейся при каждом порыве ветра заставил мой желудок сжаться от спазма. Рвотный рефлекс не заставил себя долго ждать и через пару неприятных моментов, ужин вырвался из тела, и выплеснулся на галечную поверхность пляжа. Я отползла от содеянного и присела, рядом с шезлонгом. Взобраться на него сил не осталось. Положила голову на гладкую поверхность топчана и закрыла глаза. Холод пластика отрезвил меня. Пришло осознание: пора спасаться, время пришло.

Распахнула веки и новая измененная реальность встретила меня с распростёртыми объятьями. Оскар был другим. Полупрозрачный силуэт странно смотрелся в льняных шортах и белой футболке. Одежда разорвалась и в образовавшейся дыре торчал плавник.

Мужчины молча взирали друг на друга и только плеск моря слышался отчетливо. Неожиданно всё пришло в движение. Статика уступила место динамике. Давид сделал выпад и небольшой разряд прошел по его перепонкам. Оскар уклонился, подбежал к Давиду, обхватил руками, оставаясь за его спиной, сковал движения зачинщика. Давид вывернул удлиненную шею и, изловчившись, укусил противника. Челюсти сомкнулись на плече Оскара, но плоть вытекла через промежутки между зубами напавшего, как будто вода.

Тем временем мой изменившийся жених сделал захват, и шея Давида чуть ниже подбородка была полностью зажата в согнутой в локте руке. Удушье, вот как называется тот прием, что сейчас демонстрировал Оскар. Глаза Давида округлились. Ему явно не хватало воздуха, и он предпринял спасительный приём. Изогнувшись, он обхватил Оскара обеими руками за голову, стоя при этом по-прежнему к нему спиной и найдя глаза, начал большими пальцами вдавливать белки в прозрачный череп. Возлюбленный взвыл и ослабил хватку. Давид вывернулся повернулся лицом к Оскару. Оба учащенно дышали.

— Отступись, — ревел Оскар, — ты погубишь ее.

— Нет, левут пусть лучше умрёт, — отвечал ему в той же манере Давид.

Осознание пришло мгновенно и оно подталкивало меня. Опираясь на шезлонг, тяжело встала и поплелась к морю. Преодолеть необходимо три-четыре метра, но они показались самым тяжелым расстоянием в жизни. Шаг, еще шаг. Вот так, я молодец. Окунулась в теплую воду и море сделало мое тело легким. Могу управлять им, силы есть. Надо доплыть до камней возвышающихся недалеко от берега. Я точно знала, что там начало дикого пляжа, и возможность отлежаться. По суши не смогу преодолеть такое расстояние, в плотной соленой толще двигаться проще.

Плыла, экономя силы и тяжело дыша. Камни черными силуэтами возвышались на пути. Нужно сделать еще несколько гребков, витали в голове успокаивающие мысли. Дно в валунах, и я зацепилась за них. Руки соскользнули, волна втянула в водный простор и подбросила с ускорением вперед. Ухватила за обрубок скалы. Водоросли щекотали руки и ступни. Ползла, перенося тело с одного камня на другой. Вал все сильнее и сильнее подталкивал меня к берегу. Немного осталось. Совсем чуть-чуть.

Вдруг лодыжку обвили чьи-то пальцы. Я завизжала, как сумасшедшая и уцепилась за валун. Руки скользят, и нет опоры. Кто-то потащил меня прочь от берега в море. Перевернулась на спину и ударила несколько раз свободной ногой. На удивление легко

удерживать равновесие на поверхности соленой толщи. Так раньше не было. Ударила пяткой и попала по чему-то твёрдому. Захват на лодыжке ослаб, но появился прочный захват на талии. Я пыталась освободиться из кольца рук. Паника. Противник силён, и он увлекал меня на глубину. Выскользнула из объятий неизвестного. Глаза у меня закрыты, но образ всплыл в моей голове, как ослепляющая вспышка.

«Волосы пляшут вокруг гибкого девичьего тела. Красота и недоступность сочетаются в человеке. Это привлекает и отталкивает. Девушка теперь чужая, не его».

Я открыла глаза и увидела очи Давида. Он смотрел на меня, словно прощаясь.

«Последний поцелуй», — услышала в своем сознании голос парня.

Внезапно, почувствовала, что больше нет того тяжелого и ломающего волю зова. Словно освободилась из душного плена и воспарила над собой и окружающим миром. Тело абсолютно подвластно мне. Оно сильное и гибкое.

Давид не отрываясь взирал на меня и ждал ответ. Я кивнула. Воздуха в легких осталось совсем немного, но готова отдать его вместе с последним поцелуем. Парень страстно приник к губам. Это показалось больше чем лобзание, скорее — предложение. Он умолял пойти с ним, готов на всё, чтобы быть со мной. Его мысленные образы лились, формируясь в фильм о будущем.

В легких не осталось больше кислорода. Пришел конец моей человеческой жизни. Я умирала. Вдруг произошло нечто внутри меня, как будто взорвался вулкан, и мир открылся с новой грани. Раньше не ощущала его таким. Слышала, как на глубине проплывал косяк рыб, и знала куда они направлялись. Вдалеке перекликались дельфины и обсуждали, куда им стоит следовать. Море было сродни огромному мегаполису с его постоянным хаосом. Я осознала это, здесь и сейчас. К тому же поняла, что хорошо вижу в темноте глубины и могла дышать в ее утробе. Теперь много что могу. Силы заполнили каждую клеточку организма.

Я отстранилась от Давида и внимательно посмотрела ему в лицо. Он понял — прощальный поцелуй окончен. Парень посверлил меня взглядом и пришел новый образ: пляж бассейна, солнце и я спящая в шезлонге. Покачала головой. На этом всё! Надоело! Где Оскар?

Давид разозлился и схватил меня за руку. Больно, но терпимо. Он потащил меня с необычайной скоростью. Видела, куда мы двигались, приходит этот образ. Расщелина в скалистом дне, и понимала, что осталось не долго. В самый последний момент, Давид выбросил мое тело вперед себя и темнота начала затягивать. Водоворот. Как может быть водоворот внутри моря? Некогда раздумывать, уцепилась за камни, но затягивало вместе с ними. Руки устали, силы покидали меня. Собиралась с мыслями и вспомнила об Оскаре. Попыталась мысленно передать ему всё, что увидела.

«Я слышу тебя, плыву», — раздался голос возлюбленного у меня в голове.

Радоваться рано, но слова Оскара вселили надежду. Яростнее стала сопротивляться водовороту. Давид смотрел на мои потуги, не протягивал руку и не пытался вытащить. Отчётливо слышала его мысли, они пугали меня. Все сводилось к тому, что у спасителя будет трудная задача. Ему придется бороться с Давидом, и видеть, как погибаю я.

Скорее почувствовала, чем увидела Оскара. Он почти неразличим в воде. Возлюбленный ворвался и набросился на Давида. Тот обвил тело жениха руками, и перепонка укрыла плечи Оскара точно плащ. Электрические разряды пронзили Оскара. Его боль восприняла, как свою. Силы покидали меня, оставалось только разжать скрюченные пальцы и улететь в расщелину, на свидание со смертью.

Неожиданно пришел совсем иной образ. Обернулась на источник и увидела таких же прозрачных телом, как и Оскар. Их было трое. Левуты. Они спешили на помощь. Один из них подплыл ко мне и схватил за кисть, рванул на себя, но я по-прежнему болталась внутри всасывающей воронки. Двое других зависли рядом со спасителем и принялись помогать ему. Меня как никчемный сорняк выбросило из водоворота. Отлетела к скале напротив, ударилась головой и плечом. Кровь в такой толще воды не видна, но море сразу приняло этот элемент и впитало в себя. Плечо болело нестерпимо. Нужно закрыть глаза и все пройдет. Надо заснуть. Часто так делала в детстве. Веки отяжелели, и глаза стали закрываться. Последнее что осталось в памяти: разъяренное лицо любимого отрывающего голову Давиду.

Пришла в себя в реанимационной палате семь дней спустя. Доктора держали меня в искусственной коме, долгое время. Повреждения получила значительные, и проваляться в постели пришлось довольно долго.

Перевод в обычную палату обрушил на меня заботу и переживания родителей и родственников Оскара. Пришлось терпеть. Не скажу, что это так уж неприятно. От них узнала о произошедшем со мной. Им поведал Оскар и с его слов мы опьяненные любовью друг к другу и вином, пошли купаться ночью. Во время купания нас волнами прибило к дикому пляжу, где я ударилась о камни и потеряла сознание. Оскар меня вытащил на берег и вызвал «Скорую помощь».

Я находилась в больнице еще пару недель после пробуждения из комы, а потом родители увезли меня домой. Не терпелось оказаться быстрее у компьютера и связаться с Оскаром. Во время пребывания в больнице мы созванивались с возлюбленным, но разговор витал только вокруг моего здоровья. Перед выпиской Оскар сообщил, что написал письмо на электронную почту и просил отнестись к нему очень серьезно.

Проведя весь день в хлопотах, и обживаясь дома после своеобразного отпуска, открыла ноутбук и вошла на нужную страницу поисковой системы. Набрал адрес и пароль, дождалась открытия своего почтового ящика. Бегло просмотрела список адресатов. Писем оказалось больше ста. В основном строчили друзья, делясь впечатлениями об их отпусках. Были там и пара писем от Игоря. Решила ознакомиться с этим потом. Отыскала самое долгожданное. Нажала на прочтение, и немного подождала, когда откроется. Пробежав по первым строчкам глазами, заулыбалась.

«Здравствуй, моя ненаглядная, Мариночка!

Очень хочу тебя видеть. Соскучился. В моей жизни, родная, сейчас представился трудный выбор и самое ужасное, что этот выбор не мой. Я полностью завишу от тебя и от твоей реакции на то, что написано ниже. Конечно, желаю чтобы выбор был сделан в мою пользу. Но если этого не случится знай: я всегда буду тебя ждать. Когда первый раз тебя увидел, осознал, что ты единственная женщина для меня.

Хочу донести до тебя всю сложность ситуации. Поверь, мне это нелегко дается. Я не могу предугадать твою реакцию и предпочел бы лично объясниться. Увы, в данный момент времени это не представляется возможным. Сложности на работе. Приходится довериться письму. Не знаю с чего начать и потому попробую с конца.

Помнишь, легенду «Белой невесточке», той горянке, которую купил турок по имени Бора на невольничьем рынке? Так вот, это не сказка, а быль. Полулюди, рожденные от двух рас, существуют, и я прямое тому доказательство. Да-да, это не бред. Я узнал, что «иной» будучи еще совсем мальчишкой. У меня неожиданно вырос плавник на спине. К тому же, мог часами сидеть под водой и дышать воздухом. Мне нравилось забираться на самое дно и

собирать всякие обрывки человеческой цивилизации. Мама и папа знали мой секрет. В нашем роду таких пятеро. Получается, я шестой. Этот странный вирус «иногo» передается не как обычные генные проблемы, он будто избирает себе носителя. В этом веке носителем стал я.

По мере взросления появилось желание узнать корни появления полулюдей. Однажды наткнулся на легенду, которая фантастическим образом привязала меня к прошлому, давая надежду на будущее.

В то лето, когда мне исполнилось четырнадцать, понял что люблю тебя, и эта любовь отнюдь не братская. Ты ответила взаимностью и это здорово. Тогда же осознал, что моё тело умеет меняться и становиться почти прозрачным. Лето открытий и неприятных потрясений. Почему открытий? Думаю, понятно. Почему потрясений? Придется объяснить.

Тогда одиннадцать лет назад, мы плескались с тобой в море, когда приплыл Он. Я почувствовал его сразу, но не стал обращать внимание, чтобы не напугать тебя. Мы продолжили плескаться, и это было моей ошибкой. Роковой ошибкой! Хотя считаю счастьем! Он подплыл быстро и уволок тебя в море. Я растерялся, звал, но всё напрасно. Понимал, что случилось непоправимое и моментально трансформировавшись, нырнул на поиски. Дорого было каждое мгновение.

Нашел вас далеко от берега. Даже не мог предположить, что этот Ворт так быстро плавает. Чувствовал существование других, таких же, как я, но никогда не встречался с ними. Они часто подплывали к берегу и вступали в контакт с обычными людьми, но в море видел их первый раз.

Он целовал тебя, высасывая последние мгновенья жизни. Ворт хотел видеть твои глаза, ведь для них это главное. Он ждал, а ты не сдавалась. Я понял, что нельзя терять ни минуты. Незаметно подплыл, пока он был увлечен своей новой забавой и укусил тебя за ногу. Мой вирус проник в рану и моментально распространился по организму. Ворт ждал, а ты взяла и поцеловала его. Он растерялся, и я застал его врасплох. Напал на него и сумел отогнать. Ворт не сопротивлялся, так и остался висеть в море, пока я уносил тебя. Видел, что вирус не может сразу переродить тебя и поцеловал, передавая тебе воздух.

Мы смогли добраться до берега. Сидя над твоим телом, я осмысливал, что не смогу жить без тебя. Наклонился и поцеловал, даря воздух твоим лёгким. Ты пришла в себя.

История на этом не закончилась. Наш роман в то лето продолжался, а Ворт — следил. Знал, что он не отступится. Меня ему выследить легко, живём на одном уровне звучания. А там где я, там будешь и ты. Пришлось от тебя отказаться, и следующий год провел в одиночестве. Ворт оказался хитрее и подружился с тобой, преобразившись в человека. Его, оказывается, звали Давид, а я и не знал.

Очень испугался за тебя, и попросил твоих родителей показать тебе другие моря. Они так и поступили, увезя на десять долгих лет.

Сейчас ты одна из нас, из морского народа, и тебе не стать другой никогда. Ты можешь жить обычной жизнью среди людей, но по морю, будешь тосковать. Твое превращение произошло недавно, после того, как ты стала моей невестой. Так у нас у левутов заведено, мы ищем свои пары среди людей и уводим их с собой в наш дом путем изменения их. Ты сама перешла в новую сущность, призвав меня, когда Ворт вогнал тебя в транс. Надо признать, что зову ворта может сопротивляться только один из ста. Долго объяснять, но поверь это так. Ворты приплывают и забавляются с людьми. Без зова им не утащить жертву. Ты молодец, что устояла, и позвала меня мысленно, тем самым закрепив вирусную связь.

Сейчас ты в безопасности и моя пара навсегда. Для меня это так. Я люблю тебя.

Теперь знаешь всё и выбор за тобой. Ты можешь выйти замуж за другого, родить ему детей, но измениться не сможешь. И когда-нибудь ты придешь к берегу моря и позовёшь меня. Я буду ждать. Я приплыву.

Не подталкиваю тебя к выбору, просто буду ждать столько, сколько потребуется.

Целую тебя. Твой Оскар».

Я таращилась на монитор компьютера и не могла пошевелиться. Дело не в выборе, о котором просил меня Оскар, дело в том, что не была уверена, есть ли между нами любовь. Себя имею в виду. Может, это «зов крови»? Или можно назвать более романтично: «зов моря». Но как не окрестить, это существует. Меня поместили, будто самку и провели через жернова два представителя морского народа. Ужасно! Я захлопнула ноутбук и улеглась в постель. Сон лучшее лекарство и сейчас он нужен больше всего, душа изранена. Кто мог подумать, что любимый человек нанесет такой удар в спину?

Утро следующего дня началось ужасно. Разлепив веки почувствовала сладковатый аромат блинчиков, которые пекла мама. Желудок скрутило и я бросилась в туалет. Тошнота и рези в животе прекратились только через полчаса. Прошла в ванную, умылась холодной водой, посмотрела в зеркало. Из него на меня взирала бледная белокурая девушка с темными кругами под глазами. Мысль озарила меня и я бросилась к шкафчику стоящем в углу ванной. Отыскала коробочку с тестом на беременность и вскрыла ее. Дождавшись нужное время посмотрела результат. Две полоски.

***

Мой трёхмесячный малыш спит в кроватке и я могу немного отдохнуть. Сын родился в апреле. Назвала его Егором. Егор Оскарович — звучит странно, но мне по душе. А больше всего мне нравится сын. Он такой пухленький и шустрый. Глазки умненькие и весёлые. Похож на своего отца.

С бывшим женихом так и не общалась, но кольцо по-прежнему сверкает на моем пальце. Уверенность, в том, что Оскар знает о нашем сыне, стопроцентная. Иногда ужасно хочется позвать его, и я точно знаю, он примчится.

Спустя год вся эта история выглядит странной и запутанной. На многое теперь смотрю спокойно и пытаюсь найти логику в действиях каждого. Другое дело, могу ли я принять ту действительность, что навязали мне обстоятельства? Нет, пока не могу, пока...

Парадокс Стратим

Аннотация: Обладать необычным талантом мечтают многие. Но если вдуматься, наличие дара не страхует от неправильных поступков. Виктория, предприимчиво решила воспользоваться тем, что подарила ей природа, только не подумала о расплате.

Совещание длилось два часа. Слушать доклады скучно и потому рассматривала обстановку кабинета. Он достаточно просторный и залит солнечным светом, проникающим внутрь через пластиковое окно. Голубоватых тонов стены завешаны черно-белыми фотографиями в серебряных рамках. Светлая мебель, бежево-серого тона искусственно состаренный пол в безусловных традициях современного дизайна. Мысленно ухмыльнулась над совместимостью слов: «традиция» и «современность». Особенно насмешливо мной воспринимались эти сочетания букв, когда что-то касалось распространённых находок дизайнеров нынешнего века.

Мне всегда нравились исторические фильмы. В них бутафорские комоды и шкафы фиксировали определённый период времени, в рамки которого, вписывалась сюжетная линия. С другой стороны в те далёкие времена, наверное, дизайнерские находки хозяев поместий тоже считались «традиционными» и «современными».

Я взглянула на окно и непроизвольно улыбнулась. За этой пластиковой преградой во всей красе и зное полыхало лето. Самое любимое мною время года. До того как очутиться здесь, в «Центре необычных явлений», каждый сезон на несколько дней старалась выбраться на черноморское побережье. Валялась на пляже и пропитывалась горячими лучами великого светила. От воспоминаний в душе поднялась тёплая волна. Из блаженного потока мыслей меня вырвала фраза:

Это определено не знает границ! вещал седой старичок в мятом пиджаке.

Это Петр Анисимович, и он большая «шишка» среди здешних господ-ученых. Жизнь щедро расписала его лицо глубокими морщинами, но глаза остались яркими и светящимися, как у ребенка. Про таких, как он говорят: «в нем есть жажда жизни». Наверное, это так. Не первый день наблюдала за пожилым мужчиной. Он с энтузиазмом озвучивал свои заключения и яростно отстаивал собственную точку зрения.

Только представьте, — тряс рукой в воздухе старичок, — что может получиться, если назначить правильный тренинг, и...

Окинула взглядом собравшихся в кабинете людей. Все внимательно слушали Петра Анисимовича. Взор задержался на парне, чуть старше меня с очами цвета моря. Я видела его несколько раз в коридоре Центра, когда шагала на очередной тест. Сегодня утром перед совещанием довелось познакомиться с остальными членами здешнего сообщества. Среди них был этот парень. Зовут его Оскар. Парень перехватил мой взгляд, и сердце бешено заколотилось о ребра, извещая о приближающейся панике. Пришлось отвести взор и пару раз сделать глубокий вдох. С недавних пор не любила, когда на меня смотрели в упор.

— Значит, нас можно поздравить? — поинтересовалась брюнетка, сидящая рядом с Оскаром.

Ее звали Ада, и мы виделись с ней довольно часто. К тому же, пару тестов прошли вместе. Её имя всё время словно таяло у меня на языке, и не могла его ухватить, чтобы запомнить.

— Да! И еще раз — да! — порадовал Пётр Анисимович ответом. — Мы имеем дело с шестым случаем проявления этого феномена в истории. Господа, разрешите еще раз представить, Виктория — наследница дара Борея.

Докладчик поперхнулся, откашлялся в кулачок и продолжил:

— Древнегреческого божества, олицетворяющего воздушные силы природы.

Все посмотрели на меня. Паника усилилась, захотелось покинуть собрание. Сжав кулаки, передернула плечами.

— Борей, Стрибог — в древнерусском язычестве, Шу — в античном Египте, Ваю — в Индии. Перечислять можно много, — встрял в разговор худощавый молодой человек со спутанными локонами.

Его волосы торчали в разные стороны, и это делало его похожим на ежа. Парень улыбнулся мне и подмигнул. Сделав короткую паузу, продолжил:

— Они все мужчины. В целом, это мужской дар. Странно, что достался такой привлекательной девушке, — развеселился говоривший. — Меня Иваном зовут, кстати.

Сотрудники хитро улыбнулись, а я посмотрела на Петра Анисимовича. Старичок о чем-то размышлял, так и не присев после доклада.

Богиня. Я мысленно усмехнулась. С моими грехами только на Олимп и карабкаться. Жутко становилось, когда эксплуатировала память и выуживала из нее не только самые крупные проступки, но и подсчитывала мелочи. Пожила на «широкую ногу», десять долгих лет. Теперь домой путь заказан. Нет-нет, почему столько пессимистично? Всё закончится, и смогу уехать ненадолго.

Смотря перед собой, задумалась. Тени прошлого почувствовали внутреннее смятение, и вылезли из всех щелей, выстроившись за спиной. Мои демоны всегда со мной...

***

была совсем крохой, когда поняла, что мир для людей выглядит иначе, чем для меня. Мы с мамой пошли выбирать подарок на мое трехлетие. Лето. Зной клубился по асфальту, словно прозрачное марево. Родительница надела на меня легкое платьице и белую шляпку. В новом наряде манерничала и строила глазки прохожим. Они щедро одаривали меня улыбками и над их головами вспыхивали чудесные оранжевые блики. Нечто подобное всегда витало в воздухе вокруг мамы, когда она смотрела на меня.

Мы зашли в магазин, и направились к отделу игрушек. Давно хотела иметь в друзьях маленького белого мишку. Своего мягкого приятеля увидела сразу, и побежала со всей скоростью, на которую была способна. Когда заветный дружок находился на расстоянии вытянутой руки, остановилась, чтобы взять его, как можно бережнее. Не преуспела, меня опередили. С полки пушистого медведя сняли тонкие женские руки, по всей длине которых змеились выпирающие вены.

— Это мой медведь, — растерянно сказала я.

Оторвав взгляд от безобразных конечностей, увидела перед собой ухоженное лицо. Вокруг головы дамы, держащей моего медведя, витали черно-фиолетовые блики и лучами расходились размытые зеленые полосы. Она пристально посмотрела на меня, а потом, не удостоив ответом, направилась в сторону кассы. Игрушка удалялась с каждым шагом, а злость в моей душе росла, впитываясь в каждую клеточку тела. Я стояла и смотрела на

прямую спину незнакомки и слёзы жгли глаза. Хотела одного: вернуть белого друга.

Женщина шла, нанизывая слои воздуха на свое тело. Они клубились и пытались прийти в равновесие подпитываемые более свежими потоками, струящимися через витрины и щели магазина. Воздух облагораживал себя, вытесняя из плоти удушающий аромат духов той злой дамы. Тогда твердо решила, что мишку не отдам, и наклонилась, ухватив самый нижний слой воздуха. Он показался очень тяжелым, плотным и не поддавался мне. Детских сил на него могло и не хватить. Но я присев, схватила слой двумя руками. Уперев ноги в пол, рванула невидимую ткань на себя, и она накрыла меня с головой. Видела сквозь прозрачную вуаль, как женщина, покачнувшись и упала на пол. По залу пронесся глухой звук, а дама осталась лежать на полу.

Покинув своё воздушное укрытие, я стряхнула с себя куски разорванного полотна других слоев и подошла к женщине с некрасивыми руками. Встала возле нее и вгляделась в черные как смоль глаза, с густо накрашенными ресницами. Мой белый друг валялся на полу рядом с ее распластанным телом. Я наклонилась и подняла его. После чего обхватив обеими руками, прижала к себе очень крепко. Женщина смотрела на меня и блики вокруг ее головы были черными с включением красных пятен. Я наклонилась к той, что чуть не унесла с собой моё чудо и произнесла:

— Не надо было забирать моего друга.

Женщина прикрыла глаза и потом снова их распахнула. Я скорее почувствовала, чем услышала ее просьбу наклониться к ней. Опустилась на колени и подставила ухо. Слова злоке давались тяжело и сквозь хрип смогла расслышать:

— Ты. Однажды. Пожалеешь.

Потом ею занялись подоспевшие врачи. Их вызвала мама, а медведь мне достался бесплатно потому, что женщина уже успела за него расплатиться. В такой суете никто на это не обратил внимания. Мама и я сопровождали даму в больницу, забравшись в карету «Скорой помощи». Пострадавшей делали уколы, пытаюсь снять боль.

Как только каталка с женщиной скрылась за белыми дверьми, которыми оканчивался коридор, родительница опустилась на стул и обхватила лицо руками. Сумочка той холеной злой дамы была в маминой руке.

— Это тётин сумочка? — задала я вопрос, хоть и знала ответ наверняка.

Мама бросила на меня быстрый взгляд и произнесла:

— Ты умница Вика, надо сообщить близким людям этой бедняжки о том, что произошло.

Раскрыв элегантный аксессуар, мама высыпала содержимое на сиденье. Там было столько всего красивого и женского, что я испытала настоящий восторг от увиденного. Среди великолепия обнаружилась красненькая книжица, небольшого размера. Паспорт. Родительница прочитала адрес, и мы уехали из лечебного заведения.

Дом, к которому мы подъехали, выглядел роскошно и был похож на огромный замок со множеством окон. Вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. Нужная дверь оказалась первой от лестницы и мама нажала на звонок. Открыла нам дверь пожилая дама с мягким взглядом и доброй улыбкой. Вокруг ее головы блестели большие пятна оранжевого цвета и небольшое количество серых полос. По всей видимости, она чем-то болела.

— Здравствуйте, — начала разговор родительница, а женщина, улыбнувшись ей обратила свой взор на меня. — Простите, но Эвелина Артуровна здесь живет?

— Да, это моя хозяйка. А что случилось? — озабоченно спросила пожилая дама, снова

переведа взгляд на мою маму.

— Мы сегодня были в магазине игрушек, и там произошло несчастье с одной покупательницей. Эта сумка принадлежит ей. Я открыла её, чтобы узнать адрес, где она проживает.

Мама кратко рассказала о произошедшем, и объяснила, где можно найти потерпевшую. Потом мы повернулись и ушли. На этом суматошный день закончился, но не закончились мои эксперименты с воздушными слоями. Мне нравилось с ними играть, и чем старше становилась, тем острее чувствовала необычный дар. Знала силу и возможности каждого потока или воздушного пятна. Точно могла определить срок, сколько воздух заперт в том или ином помещении. Стала ненавидеть закрытые двери, ведь моему любимому новому другу, воздуху, негде было гулять.

***

Мне исполнилось десять, когда отец ушел жить в другую семью. Соперницу звали Света, и она из тех самых, что называли: «молодая да ранняя». Сказать, что очень страдала от его отсутствия родителя, не могла. Он всю жизнь пребывал в командировках, и моим воспитанием всецело занималась мама. Папа так и называл меня: «мамина дочка», когда ненадолго приезжал домой. Я сторонилась его и липла к родительнице. Было заметно, как его это коробило, но быстро справлялся с ситуацией и одаривал очередными безделушками.

Перемену в бюджете семьи после ухода папы мы с мамой ощутили не сразу. На столе по-прежнему не залеживались всякие вкусности, а безделушки теперь доставлялись по почте. Однажды, придя из школы и пробежав по обыкновению на кухню, застала маму плачущей над кастрюлей с супом.

— Что случилось? У тебя что-то болит? — обеспокоенная слезами дорогого мне человека, спросила я.

— Нет, дочка, не болит, — произнесла мама, вытерла соленую дорожку на щеке.

Возникла пауза, во время которой сердце стучало о ребра, будто сумасшедшее. Продолжая помешивать закипающий суп, мама вздохнула и сказала:

— У тебя родились братья. Папа звонил.

— Братья? Это Света родила? Да? — допытывалась я.

— Да, Света родила. Вас теперь трое родных людей.

На этом разговор и закончился. Позже съездила пару раз к отцу в его новую квартиру, посмотрела на братьев. Их называли Мишей и Павликом.

К тому моменту в нашем семейном бюджете наметились перемены. Нечастыми гостями в холодильнике стали деликатесы, потом мясо. На смену им пришли каши, грибы, и макароны. Мы с мамой улыбались и подбадривали друг друга.

Через год родительница устроилась уборщицей в местное ремонтное управление, а я стала ей помогать. Мама брала всё больше и больше участков работы, и мы уже не справлялись вдвоем. Колоссальную часть бюджета высасывали коммунальные платежи. В итоге, сдали нашу четырёхкомнатную квартиру внаём, а сами переехали в «однушку» рядом, сняв ее у соседей по площадке.

Заселилась в нашу квартиру чета «новых русских». Мне всегда казалось, что бизнесом должны заниматься люди, у которых на лицах написано «три высших образования» и мудрость в глазах. У наших арендаторов на физиономиях было выгравировано совсем иное, то, от чего мороз по коже.

Сначала оплата за квартиру вносилась ими вовремя. Постепенно стали происходить

задержки, недоплаты, и под конец вовсе неуплаты за аренду. Мама пыталась через районного полицейского разобраться с происходящим, но всё кончилось угрозами в наш адрес со стороны проживающих, и недовольством «участкового». Так мы и остались жить в «однушке». Денег резко стало не хватать, а мама набирала дополнительные участки работы. Хорошо помню тот день, когда Судьба решила устроить мне кастинг, на место баловня. Видимо в тот момент оно оказалось вакантным.

Я сидела по своему обыкновению во дворе и ждала, когда родительница домоет очередной подъезд. До этого убралась в двух девятиэтажных домах и, выдохнувшись, оставила маме трёхподъездную пятиэтажку. Спину и руки ломило, а живот скрутило так, что пришлось согнуться пополам.

— Эй, малая, — позвал хриловатый мужской голос. — Ты как?

Подняв голову, увидела рядом с собой темноволосого парня немногим старше меня. Одет он был куртку «косуху» и джинсы. Вокруг его головы светился ореол всех цветов радуги. В своей жизни видела такое впервые.

— Нормально, — отозвалась я.

Сделала попытку улыбнуться. Получилось «на троечку».

— Сейчас полвторого ночи, детка. Пора домой, — ласково произнёс юноша и наклонился, чтобы взять меня за локоток.

Одернула руку и нехотя пояснила:

— Мама моет лестницу в этом подъезде, и я ее жду.

Не в моей привычке что-то объяснять незнакомым людям, но почувствовала, что если это не сделать, то парень не отстанет.

Тишина двора изредка нарушалась шорохом шин проезжающих автомобилей. Неожиданный собеседник внимательно вглядывался в мою физиономию.

— А-а-а. Ничего если я проверю? — задал вопрос незнакомец, а я только рукой махнула, приглашая его войти в подъезд.

— Понятно, — кивнул юноша. — Маму твою как звать?

— Мария Михайловна. Сейчас выйдет, познакомлю, — парировала я.

Недоверие раздражало, но пришлось смириться. Человек добра хотел и невольный порыв должен умилять, а не злить. Боль понемногу улеглась, и я могла дышать полной грудью.

— Ты не против, если я тут постою, рядышком. Мало-ли что... Меня Вадимом зовут. Можно просто Вадя, для друзей, а тебя как?

— Виктория, можно просто Вика, — весело представилась я.

Вот так просто и без затей начался новый этап моей паршивой жизни. Не берусь судить сама себя, но даже на непредвзятый взгляд существование покатила под откос. Мы — всё то, что успели сделать или не сделать. Люди сотканы из противоречий, желаний, глупостей и мелких радостей. А еще: ненависти и любви, страхов и безрассудств.

Вадя заходил за мной по вечерам, и мы шли прогуляться, романтично взявшись за руки. Жаль только, что на самом деле это лишь прикрытие. Нас влекло приключение, которое находили в ближайшем магазине.

Бродили между рядов и пытались приметить камеры и посты охраны. Вадя прекрасно справлялся с разработкой плана по похищению ряда продуктов, а на мне оставалось исполнение. Почему на мне? В момент знакомства с Вадей мне исполнилось тринадцати лет, и в тюрьму, если поймают, никто не посадит. Соратнику стукнуло шестнадцать, за

которые он успел нажать солидный багаж приводов в полицию. Короче говоря, воплотить задуманное мог кто угодно, только не он. Я и воплощала, да так виртуозно, что в первый же день ушли с большим кушем награбленной снеди. В подъезде разделили добычу поровну и договорились продолжить и далее наши «подвиги». Мама удивилась подаркам, и начала задавать вопросы. Кое-как отмахнувшись, побрела поглощать знания из учебников.

Через некоторое время полностью доверила свою тайну Вадиму, и тот хоть и удивился, но после демонстрации таланта моментально придумал, как этим можно пользоваться. Для успешного выполнения наших планов необходима хорошая физическая подготовка, и мы стали бегать вместе по утрам в городском парке.

Наши с Вадей «бандитские будни» продолжались около года. За все время, что работали в паре, поняла одну вещь: Вадя самый надёжный компаньон.

Жизнь шла своим чередом, но госпоже Судьбе стало скучно, и она решила опустить меня на самое дно.

***

Был прекрасный летний вечер, и мы с Вадимом сидели в парке, отмечали сданные им экзамены. На лавочке, которой обретались, виселась груда пакетов с чипсами, стояли пластиковые бутылки с газировкой. Впереди у друга маячил «школьный выпускной» и он живо рассказывал о планах на будущее.

«Будущее» — странно звучит. Вспоминая все обстоятельства жизни, следовало разложить это слова на два: «будет» и «еще». В нашем с Вадей случае уместнее некий калейдоскоп понятий, которые не подавались объяснению тогда, и невозможно понять сейчас, спустя годы. Если бы Рок решил изменить свое отношение к нашим персонам, то два слова придется переставить местами. В довершении словарной преснятины поставить жирный вопросительный знак и с этим вопросом обратиться к высшим силам: «Еще будет?»

Итак, полуденное солнце одаривало собой мир и заставляло прохожих жаться ближе к деревьям, где на них снисходила прохлада, рождаемая кронами деревьев. Мы с другом сидели на скамейке под самым солнцепёком. Вадим обливался потом, но продолжал увлеченно повествовать о днях последующих, а я млела от количества витамина «Д» впивающегося в кожу.

— Привет детки, — раздался у нас за спинами мужской голос. — Погодке радуетесь?

Мы обернулись, прервав свою беседу на полуслове. Это был Макс по кличке Змей — местная знаменитость. Он известен незаконными делишкам и родством с криминальным авторитетом местного пошиба. В меру красивый, с хорошей спортивной фигурой и тщательно подобранной одеждой, производил впечатление парня, у которого всё в «шоколаде». Вполне возможно так и было, хотя по слухам в наших мелко-бандитских кругах в последнее время, что-то в их группировке не ладилось. Вроде как, его родственничек попал в немилость к одному очень влиятельному человеку, на которого собственно и работал, не жалея живота своего. Вот ведь жизнь, живешь себе, живешь, «шестеришь» понемногу, пресмыкаешься ради дополнительных грошей, что оседают в карманах, а потом щелк — немилость. Стало любопытно, что Змею понадобилось от нас, но от вопросов воздержалась. Вместо меня заговорил Вадя:

— Привет Змей. Погодка блеск, раз даже тебя заставила прогуляться.

— Хм. А ты парнишка язвительный, — заметил Макс и доброжелательно улыбнулся. — Мне такие не нравятся. Я их наказываю, но сегодня ради такого солнышка готов сделать исключение.

Мы с Вадимом молча, смотрели на бандита, выжидая продолжения, а местный «браток» все не начинал разговор. В одном прекрасном произведении было сказано: «Главное-это умение держать паузу, чем больше артист — тем больше у него пауза»*. Вполне возможно, Макс пожелал добиться театрального эффекта, потому замер, вглядываясь в нас. А может, по какой другой причине?

Мне порядком надоело молчание, и потому развернулась к Максиму спиной. Принялась за газировку.

— Смелая, значит? — выдавил сквозь зубы Змей. — Ну-ну...

— Есть что сказать, говори, — предложила я. — Нет? Тогда иди себе по вектору, нечего своей физиономией людям вечер портить.

Не поворачивая голову в сторону местечкового криминалитета, продолжила глотать сладкую воду и закусывать ее соленым картофелем.

— Ты это...аккуратнее, а то ведь я... — стал мямлить молодой человек.

— Тронешь ее, не посмотрю что «уважаемый», прибью, — вступился за меня Вадим. — В больничке окажешься.

— Да, я слышал ты парень горячий, и вроде пацаны тобой довольны, — перешел на примирительный тон склочник. — Вадим, я искал тебя и твою малолетку. Тут ребята подсказали, где вас можно найти. Дело у меня к вам на хорошие деньги.

— Дело говоришь? Сразу скажу: «нет», — отрезал мой друг. — Я и Вика с наркотой не связываемся. Всё остальное, пожалуйста, но на это — табу,

Объяснения Змея не воодушевили, но он проглотил их, как и мой кивок. По-прежнему не поворачивала голову в сторону бандита и рассматривала ближайшие деревья.

— Нет-нет, — суетливо начал Макс, — дело в другом. Надо выкрасть документы, из сейфа одного полицейского. Это очень важные бумаги... На самом деле один листочек.

Спокойный тихий голос бандита насторожил, но любопытно, что ему нужно? В любой момент можно соскочить, если договоренности не понравятся.

— Ладно, — бросила я через плечо согласие, словно это подачка. — Расскажи в чем дело?

— Ты догадываешься, наверное... — замялся Максим. — Это Некрасов. Сейчас ведется следствие. Короче, если бумажка окажется в деле, то...

Сразу стало понятно, с какими силами предстояло связаться. Не нравилось мне предложение, но несчастный документ похоже, на вес золота. Интересный поворот в нашей с Вадей судьбе...

— Мне тут порекомендовали... — тем временем говорил Змей.

— Нас?.. — брови Вади полезли на лоб.

— Да. Если кто-то посерьезнее сунется, хана. Вы шпана, и можете отделаться легко. Даже если придется на отсидку согласиться — поможем. Адвокаты, то-сё...

— Цена? — спросил Вадим.

— Просьба, — сказала я. — Пусть твой благодетель выполнит просьбу, любую.

Друг смотрел мне в глаза и пытался найти ответ. Так ничего не обнаружив, сдался.

— Отлично, — кивнул Вадим. — Ради разнообразия пусть будет просьба. Можно по просьбе от каждого или только одну на двоих?

— Одну на двоих, зато наверняка, — хмыкнул бандит. — Попросите луну с неба, и она у вас будет.

— Сколько времени на подготовку? — поинтересовался Вадя у «работодателя».

— На всё про всё неделя, ребятки. Уложитесь?

— Не впервой, — заверил друг. — Нужны данные и, как можно больше.

— Сегодня вечером на «мыле» прочтёшь. Я тебе скину. Бывайте детки.

Змей стремительно нас покинул, пройдя через газон парка и перешагнув небольшой забор сел в свою машину и был таков.

— Может ты объяснишь, Вика, что это будет за просьба? — спросил Вадик после того, как мы остались одни.

— Мало-ли что в жизни может случиться? Тут не угадаешь... — уклончиво ответила я.

На подготовку у нас ушло пять дней. Решили не откладывать «операцию» на потом. Погода в этот день выдалась пасмурная. Ветер гнал тяжелые облака по небу, пытаюсь укутать ими всё свободное пространство голубого купола. Трудился бродяга-вихрь над этим уже неделю. Всё шло к тому, что усилия его не пропадут даром и атмосфера разродится ливнем.

Я караулила полицейского неподалёку от дверей РУВД. По договоренности с Вадей при приближении «объекта», на телефоне должен был раздаваться звонок. Нужно сбросить его, имитировать разговор. Когда полицейский поравняется со мной Вадик, пробегая мимо, вырвет мобильник из рук. Дальше слёзы, заявление в полицию от «пострадавшей», и возможность подобраться к сейфу.

Так всё и произошло. При мне сейф следователь открыл, а испариться из кабинета не пожелал. Тут Судьба решила мне подыграть, видимо поняла, что дала заведомо проигрышные карты.

Я сидела за столом дознавателя и лила слёзы. Неожиданно спазм в животе ударил острой болью изнутри, и скрутил в тугий узел, не дав возможности распрямиться. Стало трудно дышать, в глазах потемнело. Озноб завершил картину моего приступа. Полицейский засуетился вызывал карету «Скорой помощи» и побежал на пост, скорее всего за аптечкой.

Приступ не унимался. Стало обидно, ведь обстоятельства сложились, как нельзя лучше. Путь к открытому железному ящику свободен, а я даже дышать толком не могла. Вторичный спазм разогнул мое тело и заставил лечь на стоящий рядом стул. Я увидела ее... Она смотрела на меня своим механическим холодным «глазом» и передавала мои мучения на компьютер. Видеокамера. Вадим не знал про ее существование, потому и замыслил этот простой план. Получалось, если пробовать стащить документ, то единственная просьба к Некрасову, была бы свобода. Хитро продумано, ничего не скажешь. Причем Змей об этом говорил, а я дураха не поверила. Помнится, от него последовал даже намек на адвоката и какое-то «то-сё». Вадика не сдала бы, и загремела «под фанфары» за решетку «в сырую темницу». Не веселая получалась обстановка.

Резкая боль заставила свернуться калачиком лежа на двух стульях. Перед глазами стали расплываться темные пятна. Они постепенно разрастались. Разум заволакивало. Находилась в пограничном состоянии между сознанием и обмороком. Вдруг мягкий свет из окна от фар проезжающей машины, выхватил на долю секунды несколько пылинок, что висели в воздухе. Они покоились на толстом воздушном слое. Протянув руку, коснулась пальцем «ленты». Она извивалась, как новогодний серпантин. Я, зажав узкий воздушный поток в кулак, встряхнула его. По ощущениям это скользкая гладкая кожаная тряпица. Осталось правильно ее направить и задание будет выполнено.

Собрав остатки сил, сосредоточилась на потоке у меня в руках. Почувствовала, как из-под волос на висок скатилась капля пота. Нужно торопиться, ведь провалиться в обморок могла в любую минуту. Необходим один плотный слой, чтобы переплести его с тем, который

зажат в кулаке.

Опустив руку, смогла ухватить плотный дырявый, словно кусок сыра, пласт. Его неоднородность — минус для задуманного мной, но ждать, когда подплывёт другой, нет времени. Я подтолкнула поток вверх. Поравнявшись с линией моего рта, он завис на долю секунды. Выдохнула. Струйка воздуха изо рта узкая, но достаточная, чтобы заставить задуманному осуществиться.

Слой начал собирать потоки вокруг себя. У меня получился обычный сквозняк, и вихрь на большой скорости врезался в дверь сейфа, распахнул ее. Оставалось подсечь нужную бумагу. На моё счастье она там лежала в одиночестве.

Ухватив ленту за один конец, я резко выкинула руку вперед. Подсечка. Бумага зацепилась за поток. Подхваченный воздухом злосчастный клочок бумаги, полетел ко мне. Свернула документ и убрала в карман. То, что происходило дальше, не волновало, ведь провалилась в глубокий обморок.

***

Через три недели меня выписали из больницы. Выходя из дверей корпуса, я не ожидала, что будут встречать трое: мама, Вадим и тот полицейский. Мама кинулась ко мне на шею и, удерживая слезы, начала посыпать поцелуями лицо. Полицейский стоял рядом. Когда родительница отпустила, он неожиданно обнял и прижал к себе. Я была готова ко всему, но только не к этому.

— Ну и напугала ты меня девочка! Хорошо успели вызвать «Скорую».

Отстранилась и посмотрела на него внимательно. Надо же какие у него добрые отеческие глаза. Никогда не видела, чтобы мужчина так улыбался. Столько света в очах. Я невольно засунула руку в карман джинсов и нащупала сложенный в несколько раз лист бумаги. Значит, он меня не заподозрил.

— Я больше так не буду, — проговорила я, имея в виду свой поступок. — Обещаю. Это стечение обстоятельств.

— Больше и не надо, — встряла в разговор мама. — Ведь аппендицит тебе вырезали. Надо сказать, что вовремя, иначе он лопнул бы внутри тебя. Перетонит — это опасно.

— Ну и напугала ты нас, Вика, — не остался в стороне Вадим.

Я посмотрела на счастливую маму и на глаза навернулись слезы. Раньше не задумывалась над отношениями с другими людьми. Просто жила и принимала их присутствие рядом со мной, как нечто само собой разумеющееся. В быту, все чувства притупляются, становятся неважными, пустыми. Вероятно, потому высшие силы создали для человечества беды и несчастья, чтобы мы могли оглядеться вокруг, почувствовать на острие проблемы боль и переживания близких людей. Уметь задуматься о том, насколько великое чувство любовь и каково оно в купе с сопереживанием.

В круге страха и отчаянья перестаешь быть ориентированным на внешние интервенции добра и зла, а сосредотачиваешься на маленьком мирке под названием семья. Это полезный опыт для любого человека, ощутить свой тыл и понять насколько он крепок. Тебя любят просто так, потому, что ты существуешь. Тебя благодарят за это, хоть порой воюя за себя с внешним миром, ты не обращаешь на это внимание.

Я, как и все порой забывала об элементарном проявлении чувства, которое испытывала к маме. За красивыми словами о долге, обязательствах, возможностях трудно говорить простое слово «люблю». Куда там! Любовь — это так банально. В непростых

обстоятельствах, в которых с мамой оказались, это звучало почти капитуляцией. Почему я избегала говорить об этом? Почему считала слабостью? Видя глаза мамы, наполненные слезами радости готова упасть на колени перед ней, вымаливать прощение за бездарно потерянное время.

Вадим мялся рядом, стараясь проявлять сдержанность. Но я знала, что друг переживал за меня. Чего стоили его проникновения в палату реанимации после того, как закончилась операция, понятно мне одной. Придя в чувство после наркоза, ощутила, что кто-то держит за пальцы. С трудом разлепив веки, увидела своего закадычного приятеля. Он, сгорбившись, сидел на полу палаты и смотрел на меня. Спать очень хотелось и потому, сказав ему: «Привет», снова провалилась в дрему. Очнувшись утром посчитала, что это все пригрезилось. Приближение ночи доказало обратное. Вадим, вполне материальный, проник в палату и всю ночь развлекал историями.

Приятно оказаться за стенами больницы, о чем и сказала своим близким. Затем предложила поскорее удалиться. Всей компанией двинулись в машину дознавателя и с ветерком доехали до нашего дома.

Припарковаться во дворе сложно и полицейский проехал немного вперед, предварительно высадив нас у подъезда. Мы стояли рядом с Вадей и он, обняв меня за плечи и прижав к себе, рассматривал свои кроссовки. Я догадывалась, о чём он думал, и не мешала. Мама стояла немного в сторонке и с радостью взирала на нас.

***

Я часто вспоминала тот день, после выписки из больницы. Именно тогда в наш дом, наконец, пришло счастье и покой. Антон Борисович, так звали полицейского, решил вопрос с квартирой. Помог маме вернуться на законную территорию. Для меня стало приятным сюрпризом, когда вместо соседской «однушки» мы открыли дверь собственной квартиры. Устроившись на кухне, и расставляя приборы для чаепития, мама кратко поведала историю возвращения собственности. Антон Борисович, скромно улыбался и поглядывал на родительницу влюбленным глазами.

На следующий день ко мне домой наведалься Змей и, получив долгожданный документ, недоверчиво посмотрел. Он не удосужился ее развернуть, просто стоял и разглядывал.

— Что? — не выдержала я. — Говори уже или проваливай.

— Как только дело решится, так просьба будет исполнена, — холодно оповестил Макс.

— Я приберегу просьбу для крайнего случая.

— Запасливая девочка, уважаю, — ухмыльнувшись, заметил молодой человек, а потом развернулся и ушел.

***

Приглашение от Некрасова поступило через три дня после того как с него сняли все обвинения. Случилось это в канун Новогодних праздников. Мне жаль Антона Борисовича, ведь он так и не смог засадить в тюрьму проходимца. Но такова цена моей ошибки, а расплатилась я за нее чужими эмоциями. О чем тогда думала?

Звонок в дверь. На пороге появился дюжий молодец и напомнил о некоем событии. Дальше последовало настойчивое предложение сопроводить меня в гости к высокопоставленному господину. Я вздохнула и вовремя вспомнила о жребии, который может быть жестоким. Но перечить не стала и, утеплившись, последовала за незнакомцем.

Вечер того дня предполагала провести за книгой в тёплой постели. Вьюга и мороз полностью отвратили от встречи с другом и соратником Вадей, что я не преминула ему

сообщить в телефонном разговоре. Тот поканючил и на этом успокоился. Мы еще немного поболтали и распрощались весьма довольные друг другом.

Влезая в присланную Некрасовым машину, и обнаружив там Вадика, я вдруг осознала, что мы с другом попали в передрагу. Но было поздно. Машина тронулась с места и плавно покатила в направлении области.

Всю дорогу мы с компаньоном молчали, изредка бросая друг на друга быстрые взгляды. Нам не нужны слова, и так знали, что попробуем выбраться из ситуации.

Нас подвезли к роскошному особняку за городом и проводили в кабинет Некрасова. Владелец недвижимости оказался мужчиной лет пятидесяти с хищным взглядом и неприятной ухмылкой. Не слишком высокого роста, с темными волосами без намека на седину. Он поздоровался и предложил присесть в мягкие кресла. Холодные улыбки и ничего не значащий диалог с хозяином дома продолжался не долго. В комнату вошел симпатичный парень со светлыми волосами и карими глазами. Он присел в кресло рядом с Некрасовым.

— Ребятки, — начал хозяин кабинета, — я человек прямой и разговаривать с вами намёками не собираюсь. Я пригласил вас сюда, чтобы предложить работать в моей команде.

Мы с Вадимом переглянулись. Ответить за нас решился Вадим, а я уставилась на парня, что сидел напротив меня. Не знаю, что должна чувствовать девушка моего возраста рядом с таким красавцем, но мне стало не уютно. Интуитивно попыталась увеличить расстояние между нами и села глубже в кресло. Парень ухмыльнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я — студент, Вика — школьница. Чем можем помочь?

— Все так. Но притормози парень. Отказать успеешь. Моё предложение о сотрудничестве вполне легальное. Вы получите покровительство, работу с официальным жалованьем. Только задания для выполнения будут неординарными.

— Столько мёда, а где будут пчёлы? — встряла в разговор я.

— Правильнее сказать: «когда будут пчёлы», — поправил меня Некрасов. — Над твоей речью и произношением мы еще поработаем, а пока советую принять моё предложение. Сколько вам еще воровать по магазинам и исполнять мелкие поручения? Пора выходить на другие рубежи. Назовём это карьерным ростом.

— Я так понимаю вариантов ответов у нас не много, только: «да»? — поинтересовался Вадим.

— Совершенно верно. Я хочу представить вам своего сына. Мирослав. Он будет корректором ваших заданий. Ему проще будет с вами связаться, ведь вы все примерно одного возраста.

— Это всё? — задала я вопрос, потому как дальше разговор мог бы и не сложиться.

С такими людьми, как Некрасов, лучше не спорить.

— Да это всё. Вас отвезут. Все формальности будут внесены сразу после новогодних праздников. Хороших выходных.

Мы покинули дом в том же составе, в каком и прибыли на встречу. Уже в машине Вадим взял меня за руку и крепко ее сжал. Он всегда так делал, когда предстояли нелёгкие дни.

— Тебе надо будет записаться в спортивный клуб на боевые искусства, — поведал мне Вадим, а я кивнула.

Так начался новый этап в судьбе. Даже сейчас, вспоминая события, произошедшие в моем бытие, я не готова признать, что именно в этот момент достигла «дна». Те годы

казались счастливыми для меня, ведь человек всегда доволен, когда имеет сытую свободную жизнь. А как же совесть? С ней можно договориться.

Первое задание мы с Вадимом получили спустя четыре месяца после встречи с работодателем. Всё это время он исправно платил нам заработную плату. Надо признать она оказалась весьма приличная не только для студента и школьницы, но даже и для многопрофильного специалиста.

В начале апреля к нам явился Мирослав и, усевшись на стул на кухоньке Вадима, объяснил детали предстоящего дела. Нужно выкрасть документ, который по нелепой случайности выкуплен одним господином. По его милости бизнес нашего работодателя мог оказаться под угрозой. Этот самый мужчина — большой пройдоха. Решил перепродать перспективный документик конкуренту Некрасову, некоему господину Полякову. Конечно, фигура Полякова также известна в нашем городе, как и Некрасова. То, что они сошлись на одном поле, вполне естественно. Со стороны это выглядело так, будто за одним карточным столом встретились два шулера и пытались друг друга обыграть в карточной партии. Первый свой козырь в рукаве вытащил Поляков, желая перекупить важную бумажку, теперь ход за Некрасовым.

Как объяснил нам Мирослав, встреча должна состояться на следующий день, на загородном шоссе в двадцати километрах от города.

— Вот и всё. Крутитесь, — закончил Некрасов-младший.

Он холодно посмотрел на нас, ожидая вопросов. Я густо покраснела, как это стало заведено каждую нашу встречу. Мой друг, покосившись на меня, а потом, воззрившись на собеседника, утвердительно кивнул. Он попросил перечислить две тысячи долларов на счет в банке для приобретения снаряжения.

— Как я смогу получить документ? — задал вопрос Мирослав, после озвучивания финансовой стороны вопроса.

— Ты должен будешь выехать из деревни «Сосновка» в момент совершения сделки и двигаться по шоссе в сторону города со скоростью сто километров в час. Окна в машине держи открытыми. Это обязательное условие. Когда на колени упадёт документ, ты продолжишь просто ехать в направлении города.

— Я не знаю, что вы задумали, но я там окажусь, — ухмыльнулся Мирослав и поднялся со стула.

Похоже, что аудиенция закончена, а значит, увидеть я этого красавчика смогу только во время следующей встречи. Она состоится, как по расписанию, через две недели. По официальной версии Мирослав лично привозил нам работу на дом. В фирму мы устроились к его отцу, ведь парень похлопотал за нас. Хорошая версия, не придерешься.

В тот день я проснулась рано и вышла на ежедневную пробежку по парку. Весеннее солнце решило поднять мне настроение и выкатилось из-за туч, что накануне нагнал порывистый ветер. Пахло талым снегом и мокрой корой деревьев. Вдохнув прохладный воздух, я побежала к парку. Там, как обычно, присоединился Вадим. Его задача состояла в том, чтобы посвятить меня в детали операции.

Асфальтовые дорожки серыми лентами петляли между деревьев. Они были сухими, и пробежка обещала доставить массу удовольствия.

— Ну что, старушка, готова к испытаниям? — весело подтрунивал надо мной компаньон.

— Всегда готова, старичок, — ответила я в той же манере.

— У тебя есть шанс произвести впечатление на своего «принца холодного образа», — продолжал с ехидством Вадим.

Остановившись на тротуаре возле ворот парка, он принялся выполнять разминку.

— Эй, хватит! — толкнула я рукой друга и тоже принялась выполнять зарядку. — Ты же знаешь, что я его недолюбливаю.

— Представь себе, как это будет эффектно выглядеть, когда ты положишь ему прямо колени украденный документ.

— Ты специально попросил его ехать на машине?

— Что не сделаешь ради...ненависти, — хохотнул Вадим и щелкнул меня по носу.

Он всегда так делал когда подсмеивался надо мной.

— Поймай ветер, детка!

— Ладно! Ты всё рассчитал?

— Обижаешь, старушка.

Кивнув на прощание, мы разбежались по домам.

В расчётное время двое молодых людей весело и с ветерком мчались по загородному шоссе в сторону области. На подъезде к месту сделки Вадим слегка притормозил, давая мне возможность рассмотреть необходимые воздушные слои.

Мимо нас на полной скорости проехала фура, и след разорванных ею слоев болтался на крыше и по бокам грузового отсека. Я потянулась и ухватила один, после чего постучала по плечу Вадима. Это был условный сигнал для продолжения движения на расчётной скорости. Я держала пойманный воздушный поток над головой двумя руками, и он развивался, точно знамя.

Увидев две машины на обочине, в назначенной точке я, не раздумывая швырнула воздушный поток на стоящего в светлом плаще мужчину с папкой в руках. Представляла себя в этот момент тореадором, играющим плащом перед мордой разъяренного быка. Папка раскрылась, а лежащий в ней лист бумаги, скользнул по плотной глянцевой поверхности воздушной ткани. Сделав подсечку, я зацепила лист за край потока. Мы мчались на огромной скорости по трассе, а лист бумаги, летел за нами следом.

Вадим коснулся моей руки, и я присел, поняв, что машина Мирослава находится в поле видимости. Поток начал рассеиваться, от проезжающих мимо машин, несущих на себе ветровые вихри и бумажный листок мог упасть с него в любой момент. Я изловчилась и стегнула поток вперед, а затем резко выдернула его обратно и отпустила на волю. Лист украденного документа медленно залетел в раскрытое окно и лег на колени водителя. Я издала победный клич: «Й-о-хо!», и крепче обняла своего компаньона за талию. Дело сделано.

На следующий день эсэмэс, присланное на мой мобильный телефон из банка сообщало, что на расчётный счет поступила кругленькая сумма денег. Сомнений не было, моему другу было прислано, точно такое же сообщение.

Заданий подобных этому за четыре года накопилось достаточно, чтобы купить собственную квартиру и машину. Окончив школу, я поступила в престижный университет, на не менее престижный факультет. Хотела стать управленцем и моя мечта потихоньку сбывалась.

***

Вадим учился на последнем курсе, а я перешла на третий, когда произошло то, что госпожа Судьба не сумела предотвратить. А может это был ее план?

Погожий весенний денёк. Я гнала по трассе в направлении Тулы машину, перестраиваясь на ходу из одного ряда в другой. Черного цвета «БМВ» резко вырвался из общего потока и пристроился в мою колею, сохраняя расстояние.

— Не к добру это, — бросила в пустоту я.

Видя перестановку машин на дороге в зеркало заднего вида, сильнее нажала на педаль газа. Преследовавший автомобиль по-прежнему висела «на хвосте» будто приклеенный. Поток начал редеть. Я забеспокоилась и попыталась вспомнить населенные пункты по пути следования. Всё тщетно. Страх туманил голову, заставляя мысли пугаться.

Все что смогла сделать — прибавила скорость. Главное продержаться до деревни «Овсянки», о которой неожиданно вспомнила. Там пост дорожного патруля. Расчёт прост: привлечь внимание полиции, заставить их следовать за мной. Всё остальное по ситуации. Основное выиграть время и успеть сделать звонок Некрасову. До деревни около пятидесяти километров, и при скромном умении добраться до неё не проблема. Умение моё более чем превосходно, и потому сильнее нажала на педаль газа.

«БМВ» так и болтался у меня на «хвосте», и агрессию пока не проявлял. Основное чтобы пассажиры и водитель легковушки не смекнули, о плане и не попытались купировать его.

— Скоростной режим. Скоростной режим. Соблюдай. Не вырывайся вперед. Не нервничай, — говорила я себе вслух.

Мелодия мобильного телефона, раздавшаяся в салоне, заставила вздрогнуть. Машина дала сильный крен, и принялась вилять по шоссе. Необходимо оставаться в зоне движения во что бы то ни стало. Схватившись сильнее за руль, я всем корпусом наклонилась вправо. Руль пытался вырваться, но я, стиснув зубы, удерживала его в нужном положении. Телефон надрывался, призывая ответить абоненту. После того, как машина поехала ровно, и я прибавила газа, нажала на ушную гарнитуру.

— Алло! Кто там, твою...

— Вика, это Мирослав. Ты где? Мы полчаса тебя дожидаемся, — холодно проговорил Некрасов-младший.

Не удивлюсь если он еще и губы поджал от досады, что мелкая сошка вроде меня заставляет его ждать.

— Я на трассе, еду в сторону деревни «Овсянки». Меня преследует «БМВ», — быстро отчиталась я.

Прибавила еще немного газа. Спидометр отреагировал немедленно. Так «с ветерком» я еще не ездила.

— Можешь посмотреть номера? — обеспокоенно спросил Мирослав.

Я ушам своим не поверила, когда услышала подобные нотки в его голосе.

— Нет, номера залапаны грязью. Попытаюсь дотянуть до поста. Привлеку внимание дорожной службы, а там «куда кривая вывезет».

— Я буду в «Овсянке» через полчаса. После деревни сбавь скорость и сдайся патрулю.

— Да.

Сосредоточилась на дороге, нервно поглядывая на преследовавшую машину. До развилки оставалось несколько километров, и пока мой план оставался тайной для водителя «БМВ». После развилки он догадается, в чем дело. Что предпримет тогда мне неизвестно, но не просто же так он едет следом столько времени?

Не сбавляя скорости, пролетела перекрёсток, не обращая внимания на то, что машина,

двигающаяся перпендикулярно моему движению чуть не врезалась в мой автомобиль. Вот тут случилось то, что случилось...

Преследовавшая легковушка стала набирать скорость. Поравнявшись с моей, «БМВ» начал прижиматься к корпусу, сталкивая тем самым в обочину. Я приготовилась к манёврам и вынырнула вперед. «БМВ» ускорился и вновь стал теснить к обочине. Я сбавила скорость, а потом на полном ходу развернула машину, посчитав за благо, что обе полосы дороги свободны. Оставив черный дугообразный след на областном асфальте, я на секунду остановилась и установила рычаг переключения скоростей в нужный режим. Мне не хватило доли секунды, чтобы пуститься в обратный путь по шоссе. Реакция водителя «БМВ» оказалась быстрее. Развернувшись, лакированная машина подъехала ко мне, и преградила путь. Я выключила мотор и стала ждать. Двери джипа распахнулись. Из них выпрыгнули четверо мужчин спортивного телосложения и направились ко мне.

— Выходи, красавица, — предложил самый молодой из парней.

На вид ему столько же лет сколько и мне. Черные волосы, зеленые глаза с насмешкой смотрели на меня.

— Выходи, кому говорю? — прикрикнул брюнет, и навёл на меня пистолет.

Хлопок и окно в двери со стороны водителя разлетелось на мелкие кусочки.

— Не-а, — спокойно сказала я, стряхивая осколки битого стекла с одежды.

Моя сдержанность для меня самой было загадкой. Вполне возможно, сказывалось большое количество адреналина поступившего в кровь во время погони.

— Хорошо, можно и так поговорить, только мне не очень хочется. Не уважительно как-то.

— Ты кто такой?

— Я — Виктор Поляков. Сын того самого Полякова, которого твой работодатель загнал в угол.

— Это ваши дела, я тут не причем, — огрызнулась я и поправила причёску.

Зачем это сделала не знаю. Еще бы помаду на губах поправила. Да, что с людьми опасность творит? Со мной, так вообще, не понятно.

— Не согласен. Прежде всего, это твои дела, а точнее твои и твоего друга, Вадима.

— С чего ты взял?

— Я просто, сопоставил мелкие хулиганства и административные штрафы с сорванными сделками. И вот что у меня получилось: происходили они в одно и тоже время, в одном и том же месте. Во всех этих случаях фигурируют только два человека. Это ты, красавица, и твой друг Вадим.

— Совпадение. У меня таких «хулиганств» хватит на всех бизнесменов по отдельности и вместе взятых.

— Да, ты не ангел, хоть внешность у тебя, закачаешься. Я приглашаю тебя погостить у нас с отцом. Поживёшь, освоишься... Скрывать не буду, у отца намечается сделка, кое с кем, и мне совсем не хочется, чтобы она сорвалась.

Он не шутил, это я поняла сразу. Вокруг его головы расцвели синие и малиновые блики, а это означало решительность в действиях, и желание настоять на своём.

Случившееся дальше ужасно настолько, что даже спустя год тяжело дается моему пониманию. Психолог говорит, что когда моё сознание переварит или хотя бы примирит ситуацию с действительностью, я научусь вспоминать это. Не получается пока...

Меня выволокли из машины и грубо усадили в «БМВ». После того как машина

тронулась с места на голову надели мешок и связали сзади руки. Всё происходило, как во второсортном боевике. Зброшенный дом, подвал, железная кровать со старым матрацем, темнота. Мне удалось уснуть и даже увидеть сон. В какой-то момент меня растолкали. Пришлось выныривать из дремы. Это последний нормальный день в моей последующей трехмесячной жизни.

Яркий свет прожектора направленный мне в лицо, и красный глазок видеокамеры. Отчетливо помню, как поставили на ноги, и позволили умыться из поднесенного тазика. А потом...Первый удар в челюсть нанесенным огромным детиной, заставил скрикнуть. Я отшатнулась, и голова под напором чужого кулака повернулась в сторону плеча. Выровняла положение, потирая ушибленное место, и посмотрела на своего обидчика. Холодные глаза, тонкие губы, узкое лицо. Затем последовал второй удар, третий... Голова гудела, а удары сыпались, будто из «рога изобилия». Если я не могла встать сама, меня поднимали за волосы и снова били. Живот, рука, снова живот, челюсть, живот, и еще раз живот. От боли только стонала, потому что кричать уже не было сил. И в какой-то момент всё прекратилось, точно по мановению волшебной палочки, а точнее невидимого режиссёра, что снимал фильм об избиении.

Меня бросили на кровать и включили верхний свет. «Времянка», кажется, так называется одинокая лампочка, свисающая при ремонте. Именно она и была прикручена к потолку и дарила тусклый желтый свет. Перед уходом, мучитель оставил на столе половину пластинки с обезболивающим, и стакан воды. В полусне подошла к нехитрому предмету мебели, раскрыла таблетки и запила их водой. Скорее всего, я потеряла сознание потому, что ничего не чувствовала некоторое время. А потом всё повторилось заново, вплоть до оставленных на столе таблеток. Только в этот раз точно знала, что обморок меня настиг около стола.

В следующий раз, стало еще хуже. Меня не только били, но и заставляли ползти от угла до угла небольшой комнаты на четвереньках и при этом издавать звуки, подобные голосам домашних животных. Если качественно выполню задание, то будет поблажка, и дадут пощечину вместо удара в живот. И я ползла, бляяла, мычала, выла, кукарекала. Делала всё, чтобы заслужить пощечину. Голова гудела и лицо, скорее всего, опухло. На четвёртый день мне принесли поесть, но я не смогла, потому что челюсть болела даже при приёме обезболивающего. Только пила, и то маленькими глотками.

А потом я потеряла счет дням. Кто-то приходил, заставлял меня ползать, гавкать, танцевать, скакать и, надавав мне пощечин, уходил, а я снова проваливалась в забытьё. В какой-то момент не смогла встать, и меня таскали по полу. Я тихо постанывала, вглядываясь в окружающую темноту слипшимися гнойными глазами. Затем снова впадала в спасительную темноту обморока.

***

Очнулась я спустя месяц в одноместной больничной палате. Рядом с постелью на стуле сидела блондинка в белом халате и внимательно наблюдала за мной. Как только мне удалось полностью открыть глаза, она встала и, наклонившись надо мной, растянула губы в улыбке:

— Гутен таг, фрау Марта*

Женщина потянулась к панели над моей головой, нажала кнопку и снова села на место. Через несколько минут в палату вошли пятеро мужчин. Двоих я знала. Это были Некрасовы — отец и сын. Мирослав подошел к кровати и присел на корточки.

— Марта, милая, — начал Мирослав, но закончить не смог. Он уткнулся лицом в

подушку, и заплакал.

Сумасшедший дом! Почему Марата? Что не так?

— Как состояние пациентки? — задал вопрос Некрасов-старший.

Молодой человек рядом с ним заговорил по-немецки. Значит, это переводчик. Двое других начали что-то отвечать, периодически поглядывая на меня, и сдержанно жестикулируя. Я закрыла очи и попыталась заснуть. Получилось.

В следующий раз, когда я открыла глаза, была глубокая ночь. Палату освещала одинокая настольная лампа. На стуле возле кровати сидел Мирослав и смотрел на меня болезненным взглядом.

— Доброй ночи, Вика, — тихо сказал мой работодатель и наклонился вперед. — Тебя сейчас зовут Марта, и для всех ты моя невеста. Прошу тебя не выдай эту тайну. А сейчас попробуй заснуть. Тебе сейчас надо много отдыхать, так ты быстрее выздоровеешь.

Я послушалась тихого голоса и задремала.

С тех пор каждый раз, как разлепляла веки, передо мной был Мирослав с его спокойным взглядом и тихим успокаивающим голосом.

Спустя месяц я уже могла сама садиться на постели и кушать жидкую еду. Мирослав всё время был рядом, хлопоча возле меня. По вечерам он читал вслух книги, рассказывал, как обстоят дела на улице, и протекает жизнь в мире. Еще через некоторое время в моей палате повесили на стену телевизор. Спустя еще некоторое время Некрасов-младший решился объясниться со мной:

— Я давно хотел рассказать тебе то, что случилось давно, но сначала поговорим о другом. Не знаю, как ты отреагируешь на мой рассказ, поэтому начну с главного для меня. Я безумно люблю тебя. Сейчас ты не готова к решениям, и прошу ответить позже. Ну а теперь мой долг тебе всё объяснить.

Началась эта история давно, еще до моего рождения. Отец и Поляков были друзьями и вели один бизнес на двоих. Всё складывалось как нельзя лучше, и они стали монополистами в своей области. Как говорится у французов: «ищите женщину», вот она и нашла, сама пришла и устроилась к ним в фирму.

Компаньоны влюбились в эту девушку. Её звали Эвелина. Сердце барышни выбрало моего отца, и вскоре произошли сразу два важных события: первое — компаньоны стали бывшими, и второе — состоялась пышная свадьба.

Вскоре родился я, и в семье воцарилось счастье. Мне исполнилось три года, когда бизнес отца без Полякова начал дрейфовать. В какой-то момент ситуация сложилась так, что фирму папы могли объявить банкротом. Именно тогда в жизни мамы снова объявился Поляков.

Отец стал дерганым и всё время пропадал на работе, пытаюсь залатать «образовавшиеся дыры» в бизнесе. Мама чувствовала себя несчастной, и у них с Поляковым случился роман, который закончился ее уходом от отца и рождением Виктора.

Мне было пять, когда мама вернулась домой. Перед этим произошло несчастье. Она пошла выбирать для меня подарок и, поскользнувшись, упала в магазине. Женщина с маленькой девочкой, что сопровождали ее до больницы приехали сообщить об этом случае по месту прописки мамы. Родители так и не развелись, и папа этим воспользовался. Он сделал всё, чтобы она выздоровела, и очень многое, чтобы отсудить Виктора у Полякова. К большому сожалению, с последним ничего не вышло. К тому же отец Виктора запретил ему общаться с мамой и полностью взял его воспитание под свой контроль.

То, что произошло с тобой, это месть Виктора мне за мою сложившуюся жизнь. К тому же неудачи Виктора, еще больше подстегнули его, и он сделал то, что сделал. Когда я увидел то видео...этот человек... и услышал комментарии произносимые Виктором за кадром, я...

Я думал...Короче папа меня остановил и связался с тем полицейским, который тогда чуть не посадил его в тюрьму. Записи стали приходить ежедневно, и у нас были доказательства. Оставалось только отыскать место, где они держат тебя.

Оказывается, найти человека очень сложно, но помог твой друг Вадик. Он по своим каналам отыскал след, точнее намёк на твоё присутствие по одному адресу. Оставалось только всё это раскрутить. Прости, что на это ушло десять дней. Ты была вся избита, а твоё лицо...

Тебе пришлось сделать пластическую операцию. Искать здесь тебя не будут потому, что уже три года я встречаюсь с несуществующей девушкой Мартой Кляйн из Германии, которая попала в автомобильную катастрофу. Три года назад я купил для тебя документы, хоть и надеялся, что они не потребуются. Ты теперь Марта Кляйн, моя невеста. Вот так, всё и случилось. Через неделю снимут бинты и гипс, и ты сможешь взглянуть на себя в зеркало.

— Я...я хочу...попросить, — медленно произнесла я.

Это были первые слова, сказанные за два месяца, что находилась в больнице.

— Всё что угодно, любимая, — поспешно произнес Мирослав и наклонился к моему лицу. — Неужели ты...психиатр говорил...я счастлив.

— Просьба, — выдохнула я и снова замолчала.

Мне предстояла нелёгкая работа объяснить свои требования. Голосовой аппарат, данный природой при рождении, отказывался меня слушаться.

— Всё, что угодно.

— Отец. Твой. Он обещал. Просьбу. Хочу. Его. Видеть.

Через три часа господин Некрасов-старший восседал на стуле возле кровати и внимательно слушал меня.

— Вы обещали исполнить желание. Когда мы с Вадимом выкрали тот документ.

— Я обещал и я исполню. Проси.

— Я хочу, чтобы Вадик жил долго и счастливо, и ему ничего не угрожало. Я хочу однажды встретить его и порадоваться, что он стал дедушкой, и у него есть семья.

— Почему ты решила попросить за него?

— Ему угрожает опасность, я не хочу подвергать его риску. Вы обещали исполнить желание. Всё в ваших руках.

— С твоим другом пока всё в порядке. Чтобы и дальше так было, я об этом позабочусь, — по-деловому сказал Некрасов.

— Мне можно будет с ним связаться и поговорить?

— Да, это в наших силах. Думаю к твоей выписке, всё устроиться. Не волнуйся.

На этом все бы и кончилось, но Судьба решила дать мне шанс всплыть со дна.

После того, как я снова заговорила, со мной много и долго работали психологи, специально выписанные для этой цели из России. Я быстро шла на поправку, и даже начала привыкать к новой внешности, которая оказалась привлекательнее, моей прежней. Мирослав по-прежнему находился всё время рядом, с той только разницей, что на ночь он стал уезжать.

В один из дней, Мирослав привёз мне ноутбук и, включив его, позволил увидеть родное лицо моего друга с экрана в режиме онлайн. Я попросила оставить меня наедине с Вадимом

и Мирослав, улыбаясь, вышел из палаты.

— Привет, старушка, — в своей обычной манере поздоровался Вадим.

— Привет, дружище.

— Тебя не узнать. Так похорошела! У тебя всё нормально?

— Да, я в полном порядке. Ты как? Где ты? Я за тебя переживаю.

Сказала расхожую, и ничего не означающую фразу для других, но только не для моего друга. Он понял сразу, без дополнительных наводящих разговоров.

— Было немного трудно с погодой, но теперь просто рай. Солнце, море, ты в ноутбуке. Хочу начать путешествие, с ветром в парусах. Даже заказал туристическую визу и скоро отправлюсь в другую страну. Про тебя я слышал замуж выходишь? Мирослав все-таки решился сделать тебе предложение? Хороший выбор с его стороны. Желаю счастья. Ладно, мне пора. Всё нужно подготовить к путешествию с ветерком и свободой в кармане. Земля круглая, встретимся.

— Хорошо, попутного ветра, и полных парусов. Я тоже люблю ветер. Пока, — помахала рукой и улыбнулась шире.

Мирослав пришел на середине нашего разговора и, облокотившись на дверной косяк, внимательно наблюдал за мной. Когда беседа закончилась, забрал компьютер. Жених уселся рядом на постель и принялся болтать о разных пустяках. Подыграла ему. Это был первый вечер, когда мне хотелось быстрее остаться одной.

Только за Мирославом закрылась дверь, я моментально улеглась в постель и закрыла глаза. Следовало всё спокойно обдумать и понять, что делать дальше. Так меня никто не побеспокоит, ведь когда у меня происходило нарушение сна, кололи успокоительное. Сейчас мне это не к чему. Пусть думают, что разговор с компаньоном меня успокоил и психика на сегодня, обойдется без расслабляющих лекарств.

Итак, мой друг на свободе, и похоже у него есть план. В планы Вадика я верила свято. Он хочет оторваться от семьи Некрасовых и я тоже. При этом Вадик готов рискнуть и уехать из страны, в которой сейчас находится. Значит, приобрел «чистые» документы на нас обоих. Ехать он желает непременно со мной и уверен, что место, куда мы едем, не доступно для господ Некрасовых и Поляковых. Уж не ЦРУ ли это? А что? От моего друга и такого можно ожидать. В любом случае я еду, это решено.

***

Самолёт взмыл в небо и взял курс на Соединённые Штаты Америки. Иллюминатор я закрыла пластиковой ширмой, чтобы яркий свет не бил в глаза. С тех пор, как побывала в том подвале, у меня появилось две мании: не люблю яркий свет, и ненавижу пристальных взглядов.

Для меня всё еще загадка, как мой закадычный партнёр смог выкрасть меня из машины жениха, но это случилось. Простая ситуация на сломавшемся светофоре, и естественная для любого человека манера «выяснить отношения», лишила меня участи стать женой сына миллиардера. Потом смена автомобиля и дорога до аэропорта.

И вот я в самолёте лечу в Вашингтон. На соседнем кресле дремал компаньон, и я как романтическая влюблённая девчонка пялилась на него.

— Ты на мне дырку прожжешь фрау Кляйн, — проговорил друг, не открывая очей. — Я тоже счастлив тебя видеть. Глаза не открываю потому, что ослепнуть боюсь от твоей красоты. Честно сказать я и прошлый вариант любил, но этот мне нравится больше. Главное

что это ты, а больше мне ничего не надо.

— Что-что? Любил? — переспросила я, и рассмеялась.

— И нечего смешного, — распахнув веки, возмутился друг «дней моих суровых», чем очень порадовал. — Я люблю тебя уже шесть лет, и при этом сплошные насмешки с твоей стороны. Тяжело с тобой старушка, ужасно тяжело. Ладно, разбуди меня на подлёте к Америке, мне тебе еще кольцо дарить и просить за меня замуж выйти. Поверь, это очень трудно.

— Ну, уж нет! Дари сейчас, немедленно, а то улечу от тебя к жениху и поминай, как звали, — не растерялась я.

— Ты серьезно, хочешь к этому избалованному парню? Хорошо, вылезай из кресла, буду тебе предложение делать. Мы оба встали со своих мест, и вышли в проход. Вадим опустился на одно колено, а в протянутой руке оказалась коробочка с колечком.

— Дорогая, говорить я не умею, но очень хочу научиться описывать твою красоту, кроткий нрав, добрую душу. Очень хочу, чтобы у меня для этого была целая жизнь, рядом с тобой. Прошу не отказывай мне в этом. Будь моей женой.

— Я согласна.

Все, кто летел в самолёте, аплодировали. Стюардессы принесли нам шампанское. Мы с Вадей весь полёт рассказывали о мечте пожениться в Вегасе. Всё часть плана, разработанного моим другом, но в этот раз он превзошел сам себя и личное вплёл в общую канву.

***

— ...Вполне возможно, что этот феномен можно развить и дальше, — ораторствовал Пётр Анисимович. Мне видится возможность притяжения вихревых потоков и концентрация их в одном определенном месте. Тесты показали, что предпосылки к этому есть. Остается утвердить программу подготовки и возможное увеличение силы, за счёт взаимодействия с другими стихийниками.

Попробовала сконцентрировать внимание. Надо признать у меня получилось.

— Предлагаю разработать программу под названием «Стратим», — вмешался в речевой поток Оскар. — Я думаю, это вполне соответствует дару нашей новой коллеги.

— Тогда нужно быть точным, — ехидно сказал Иван, и подмигнул мне. — Проект будет называться «Парадокс Стратим».

— Убедительно, — заключил Пётр Анисимович. — А сейчас прошу всех разойтись по своим рабочим местам и заняться разработкой предложений по работе с данным феноменом.

Заседание учёного совета закончилась, и я очутилась на залитом солнце пространстве коридора. Куда мне двигаться знала, и потому свернула на галерею. Шла по широкому светлому переходу. С обеих сторон — огромные стёкла, а под ногами — шлифованная гранитная плитка. Мне было хорошо и спокойно, к тому же уверена в завтрашнем дне на все сто процентов. Оставалось совсем не много для абсолютного счастья, всего две вещи: дойти до конца этого стеклянного тоннеля и упасть в объятия любимого компаньона.

Закрытый пансион

Аннотация: Я сирота при живом отце, который не интересуется мной. Но это не помешало мне получить приличное образование, обрести друзей и найти любовь. В целом жизнь удалась, только с маленькой поправкой: образование получила в коррекционном классе интерната, друзья — то ли вундеркинды, то ли сумасшедшие, а возлюбленный готов использовать мой необычный дар лишь во благо собственных интересов.

— Убедительно, — горячо закончил Пётр Анисимович. — А сейчас прошу всех разойтись по своим рабочим местам и заняться разработкой предложений по работе с данным феноменом.

Перекинувшись еще парой слов, господа-учёные закрыли блокноты и устремились к двери. Я поднялась со стула и последовала их примеру. Прямоугольный проход процедил через себя дружную компанию сотрудников и те расползлись, словно насекомые, по холлу каждый в свою сторону.

— Ада!

Я обернулась. Оскар. Лёгкая улыбка кривила губы парня. Подождала, пока он поравняется со мной. Оскар сотрудничал с компанией лет пять, и всё это время не могла понять, как к нему относиться. С одной стороны — душевный молодой человек, красавчик, но с другой... С другой я чувствовала опасность, словно общалась с хищником, облачившемся в шкуру ягнёнка. Невольно поёжилась, когда он приблизился ко мне, и в который раз за время знакомства одёрнула себя и улыбнулась.

— Я хочу кое-что обсудить с тобой, — начал Оскар, но замолчал.

Возникла пауза. Мысленно отругать этого милашку за нерешительность. Торопить с разговором не решилась потому, что сразу смекнула — это личное. Секунды тянулись, а я смотрела на бледное лицо молодого человека, трепещущие длинные, будто у девушки-кокетки ресницы и ждала.

— Ада, я подал прошение об отпуске на пару недель, — возобновил разговор Оскар.

Я мысленно послала хвалу всем известным Богам планеты Земля, и даже тем о которых не знала. Наконец, топтание в коридоре закончится. Кивнула парню и улыбнулась, побуждая продолжить растянувшийся разговор.

— У меня родился ребенок, сын и... Отношения с матерью мальчика сложные. Хочу отправиться к ней, утрясти ситуацию и возможно решить еще кое-какие проблемы.

Похоже это все признание. Аллилуйя! Я еле удержала мину холодности на лице. Вздохнула и произнесла:

— Хорошо. Ты присутствовал на собрании или пропустил всё, что там обсуждалось мимо ушей? Сейчас нужно сконцентрироваться на работе и попытаться в короткие сроки изложить план взаимодействия всех сотрудников с необычным потенциалом. И...И почему вы с той девушкой не вместе если у вас общий ребёнок? выпалила я и в упор посмотрела в очи Оскара.

— Это долгая история, — отмахнулся парень и уставился на стену холла. — Я виноват перед ней, и... Она теперь одна из нас, из людей моря. Я сделал это против её воли.

— Так это возможно?! — взревела я и вытаращила глаза на собеседника.

— Есть легенда и...Короче, это сложно объяснить и ещё трудней понять. Моему роду

повезло тем, что наша тайна приоткрыта. Вот и всё. В остальном нужно изучить древние фолианты или заняться простейшими этнографическими исследованиями, чтобы разобраться в феноменах Виктории и твоём. Как думаешь, этого достаточно руководителю проекта для устного предложения по работе от моего имени?

— Вполне, — кивнула я.

Оскар, воодушевленный предстоящим отпуском, что-то еще говорил о своей женщине и желании её увидеть, а я углубилась в свои мысли. Вполне возможно он прав и есть те, кто может стать такими как мы, а не родиться особенными. Морскому народу действительно повезло, что сохранились упоминания об их существовании. Но что касается моего дара, то всё гораздо сложнее. Собственно как и Викин талант к воздушной стихии.

— Я поняла твою мысль и попытаюсь правильно обосновать вынужденный отпуск перед Ивановым, произнесла я.

Слово: «вынужденный», проговорила с нажимом. Затем помешкав, продолжила:

— Также доложу о твоих соображениях. Возможно, в них кроется разгадка нашего существования, или это желание быть не одинокими в этом мире. Найти свое племя, почувствовать себя, как все.

— Спасибо тебе. Отмолю свои грехи перед Мариной и вернусь. Обещаю ускориться, — заверил молодой папаша и просиял, а я напряглась.

Черты лица Оскара заострились, и мужчина стал похож на акулу. Возможно, это воображение пририсовало ему это сходство, но мне всё равно не по себе. Парень обладал даром, который ничуть не уступал моему. Он чувствовал себя в солёном море «как рыба в воде», причём в прямом смысле этого выражения.

— Надеюсь, твой грех будет прощён, хмыкнула я.

— Говорят, все грехи искупаются, нужно только правильно их загладить, — парировал развеселившийся Оскар.

— Есть такие проступки, что для их исправления целой жизни мало. Ладно, беги к своей ненаглядной.

— Пока.

Оскар быстро пересёк холл и устремился к лестнице, ведущей на пирс.

— Счастливо тебе, грешник, — тихо прошептала я.

Кабинет встретил меня искусственным светом и белыми стенами. Фон кипенных обоев прекрасно контрастировал с мягкой мебелью алого тона, и черно-белыми фотографиями в рамках угольного цвета.

Помню, реакцию Петра Анисимовича на решение обустроить рабочий уголок. Старичок обрадовался, что моя неумная натура будет занята некоторое время и выдал кругленькую сумму денег на расходы. Отправил по магазинам, благословив на длительное отсутствие. Ремонт был сделан, и я пригласила профессора полюбоваться апартаментами. Пётр Анисимович раскрыв входную дверь, оторопел и, перешагнув порог, огляделся.

— Ну, как? — ехидно улыбнулась я. — Нравится?

— Ещё ка-а-ак! — поперхнулся словами ученый муж. — А ты уверена, что эти цвета располагают работе?

— Что тут не располагающего? — развела руками, демонстрируя недоумение.

Руководитель кивнув, развернулся на пятках и сбежал.

Я улыбнулась, вспомнив этот эпизод из жизни, расположилась за рабочим столом. Снова почувствовала смятение в душе. Как странно... Беспокойство овладело мной еще там,

в кабинете во время совещания. То, что Виктория непроста, я почувствовала сразу. Независимость читалась в каждом её движении. Меня не проведешь. Придётся ухо держать востро. Но дело в другом. Личное недоверие к девушке это чепуха, меня тревожило то, что трое представителей стихий собрались вместе. Так или иначе, в нас заложена огромная сила, дар, позволяющий многое. Сначала познакомилась с Оскаром, через год — с Викторией. К чему все это? Почему в веках наши предки не встретились? Оскар родился с таким даром шестым в его роду, замечено шестое проявление дара Стратима. Иван изучал исторические факты и отыскал шесть подтверждений существования людей с даром огня. В средние века была секта, в которой главной жрицей состояла женщина умеющая подавлять пламя. Ее поймали, когда велась массовая охота на ведьм в Европе. Языки жара охватили ее тело, сомкнулись над головой. Дрова догорели, а женщина осталась невредима. Что задумала природа знакомя нас?

Раздался стук в дверь. Вздохнула и крикнула:

— Войдите.

Развернула рабочее кресло, чтобы видеть посетителя.

— Еще раз привет, — произнёс Иван.

Друг лучился счастьем. Мне б такой оптимизм, горы бы свернула и все тайны разгадала.

Эх...

— Я принёс данные по нашей госпоже Стратим.

Иван устроился на краешке стола. Положив на колени принесенную папку для бумаг, выхватил из подставки для канцелярских принадлежностей ручку, и принялся вертеть ее в руках. Похоже, дружка распирало, и он будто клоун в цирке старался выдержать паузу, чтобы затем сорвать аплодисменты. Ладно, подыграем...

— Там есть что-то любопытное? — спросила я и откинулась на спинку кресла.

— Ага, ты даже не представляешь, на что способна эта красотка со своим женихом, — хохотнул старинный друг.

Ваня — Бог компьютерного мира. Мы познакомились с ним в специализированной школе, которая волей основателей считалась «пансионом». С виду обычный парень. Сутуловат, волосы торчком, очки на носу. Но я-то доподлинно знала, на что он способен, если этого потребуют обстоятельства.

— И эта папочка на твоих коленях подтверждение правдивости слов? ехидно поинтересовалась я, а Ванька энергично кивнул.

— Толстовата, — заметила я.

Взяв добытую другом информацию, покачала головой. Потом взвесила на руке и состроила удивленную мину.

— Твоя не тоньше будет, — раздвинув губы в улыбке, произнёс хакер.

— Эй, мы тут все не лыком шиты... Расскажи вкратце, что с этой девчонкой не так?

Ванька подскочил и заметался по кабинету. Возникла короткая пауза. Но долго испытывать мое терпение дружок не решился и потому заявил:

— Коротко не получится. Могу заметить лишь одно: она склонна к авантюрам. Вот потому-то ваши с ней тесты почти идентичны. Я не психолог, но девочка крученная и пойдёт на контакт только с равным себе. Своего парня она считает идеалом. Хотя по тому, как они обтяпывали делишки, этот парнишка действительно гений.

— Они нашли друг друга. Аминь.

— Не ерничай, Адка. Пойду еще покопаюсь во всемирной паутине.

— И все? А я ждала сенсацию.

— Будет тебе сенсация. Хотя мне кажется, если прочтешь мои записи, поймешь, что девушка — хороший материал.

Иван покинул кабинет, махнув напоследок рукой. Когда за ним закрылась дверь, я почувствовала зуд в ладонях и стянула перчатки. Сразу стало легче. Потерев лоб, раскрыла принесённый другом компромат и сосредоточилась на его прочтении.

Вика действительно оказалась не так проста. Махинации, которые они с подельником проворачивали, всегда заканчивались успехом и хорошим денежным вознаграждением. Конкуренты жестоко избили девушку. Ее напарник, Вадим, сообразив к чему это приведет, перевел все средства в оффшор на несколько счетов. Они богаты и потому странно, что готовы сотрудничать. Ладно, что ими движет, придётся выяснить чуть позже, сейчас можно остановиться на простом «прощупывании».

Листая бумаги и читая информацию, мой взгляд натолкнулся на фотографию человека в чёрной рубашке с хмурым выражением лица. Я узнала его. Это Мирослав Некрасов. Он изменился за пять лет и из красивого подростка превратился в холёного мужчину с надменным взглядом. На снимке он стоял в обнимку с девушкой.

Я пролистала бумаги и нашла снимки Вики до операции. Это точно она. На заднем плане здание. По виду загородный дом. На ступенях веранды устроился Вадим, жених повелительницы воздуха. Он что-то рассказывал высокому мужчине. Тот хмурился. Я смотрела на родные черты и никак не могла поверить своим глазам. Не может быть, чтобы это был Карим, ведь он...

Мысли, словно взбесившиеся кони, понеслись галопом. Память болезненными вспышками оживила фрагменты предыдущей жизни. Тряхнула головой и попыталась переключиться на другие воспоминания. Всё напрасно, я снова там в прошлом...

***

Мне исполнилось семь, когда мамы не стало. Запомнились похороны и люди, что плакали возле гроба. Я смотрела по сторонам и не понимала: почему все рыдают? Мама ушла в другой мир, и то, что сейчас все оплакивали странная кукла с лицом женщины, которую я любила.

Солнечный луч пробился сквозь зелёную листву и упал мне на лицо. Я прикрыла один глаз и посмотрела на крону дерева. Ветер весело перебирал зелёные листочки, и они шуршали, отвечая на его прикосновения. Бледно-желтые цветочки, что рассыпаны по веткам, пахли мёдом и травой. Они одаривали своим лёгким ароматом всех, кто стоял вокруг прямоугольной ямы. Липа — так, кажется, называлось дерево, как и всё происходящее.

Церемония закончилась и кукла — зарыта. Меня потянули за руку и отвели в машину. Потом всё обернулось длинным сном. Папа, профессор геологии, сгорбившись, сидел во главе стола, и перед ним стояла рюмка с белой жидкостью. Женщины, ступали тихо-тихо, словно боялись кого-то разбудить. Мужчины с хмурыми лицами, что-то еле слышно говорили отцу, а он кивал им и пил рюмку за рюмкой.

Я тогда поднялась со стула и пошла в свою комнату, чтобы не видеть того что происходило. Мне потом еще долго снилась та женщина-кукла в коробке, которую зарыли вместо мамы. А мама ушла, и я это видела, и её последние слова были обо мне.

В тот последний день, я пришла в больницу и села на кровать к родительнице. Она плохо выглядела, но мне заулыбалась. Я взяла её за руку и долго держала в своих ладонях. Мама прошептала молитву и попросила Всевышнего, пожалеть и позаботиться обо мне.

Конец фразы вылетел из маминого горла вместе с последним выдохом. Всё. Тело мамы лежало, а она уходила в темноту, махая рукой на прощанье и улыбаясь. Молодая, красивая, сияющая. Мама прошептала:

— Я всегда рядом, дочка. Я люблю тебя.

Затем она растаяла, точно тень в полдень, но я знала, что она исполнит свое обещание. Она будет рядом, всегда.

Прибежали врачи, стали суетиться вокруг тела, а мне пришлось устроиться в коридоре. Я до ночи просидела в больнице, ожидая отца, пока не уснула. Как не старалась бодриться, это произошло. Потом почувствовала, что меня взяли на руки, и я попробовала выбраться из дрёмы, но вместо этого заснула еще крепче.

Следующее, что я помнила из своего детства — прибытие в школу-интернат. Ее все называли «Закрытым пансионом». Мы с отцом сидели в просторном кабинете, обставленном красивой мебелью и разговаривали с его хозяином, Степаном Анисимовичем Ивановым. Папа рассказывал о нашей утрате, невозможности сконцентрироваться на работе из-за постоянных проблем со мной. Ему, как хорошему родителю, было дело до моего всестороннего развития, и он желал, чтобы это самое развитие я получила под присмотром хороших педагогов. Директор интерната пытался объяснить отцу, что мы прибыли слишком поздно и классы сформированы. Папа настоял, чтобы меня проэкзаменовали.

— Хорошо, — согласился Степан Анисимович.

Моложавый мужчина, с намечающейся лысиной и стройной подтянутой фигурой улыбнулся и подошел ко мне.

— Как тебя звать-величать? — обратился он ко мне.

Присел рядом на широкий кожаный диван, на котором я разместилась сразу, как только вошла в кабинет.

— Ада Михайловна Стравинцева, — бодро ответила я и растянула губы в улыбке.

— Прекрасно. А что ты умеешь, милая? Писать, считать? Я могу дать тебе текст или листок с математическим заданием? Как думаешь, сколько тебе времени нужно, чтобы справиться и написать ответы на вопросы?

— Дайте то и другое и посмотрим, — потупив глазки, ответила я.

Тесты оказались лёгкими и, проверив мои ответы, хозяин кабинета дал более сложный урок. Тут я его снова смогла удивить, и он предпочел еще раз меня проэкзаменовать. Но я не выдержала и заявила:

— Вам не хочется брать меня? Тогда я изумлю вас напоследок.

Подойдя к Степану Анисимовичу, который расположился за своим рабочим столом, я взяла его за руку. Он ничего не понял и улыбнулся мне. Я ухватила своей ладонью вторую кисть директора и дала свободу своему гнев. Тот ойкнул и мелко затрясся, громко стуча зубами. Я отпустила кисти и все прекратилось.

— А еще, вы умрёте спустя десять лет в этом самом кабинете. Вас застрелят.

Иванов схватился за левую сторону груди. Папа сориентировался очень быстро и сунул директору под язык таблетку. Затем, выбежал, и я услышала, как он попросил секретаршу вызвать «Скорую помощь». Спустя некоторое время в помещение вбежали двое мужчин в медицинских халатах и занялись хозяином кабинета. Мы же с родителем притупились на стульях.

Итогом всей этой возни стал купированный сердечный приступ у Степана Анисимовича, и приказ о приёме меня в специализированный класс. Перед отбытием в

пансионский госпиталь директор продиктовал секретарше распоряжение касаясь моей персоны. Папа вздохнул с облегчением, а я попробовала отрешиться от происходящего.

Для оформления бумаг потребовалось достаточно много времени, и мы с папой заночевали в гостинице при школе. Во время каникул или воскресные дни родители и близкие люди школьников могли оставаться в ней надолго.

Расстались мы с отцом легко, улыбаясь друг другу и радуясь, что прощанье оказалось коротким. После этого заместитель директора, дама нордической внешности с ледяным взглядом, провела меня по всему зданию. Оно состояло из нескольких корпусов соединяющихся между собой протяженными коридорами. Их опорами служили колонны. Исключением стало здание, где находились классы «одарённых детей».

Мы вышли на улицу, пересекли небольшую полянку и подошли к высокому каменному забору. В нём оказалась калитка. Замок на дверце электронный. Женщина вставила в него пластиковую карту и он щелкнул отпирая дверь.

Корпус для талантливых явил собой шедевр зодческого искусства екатерининских времен. Но по малолетству не могла оценить всю красоту и щедрость души организаторов пансиона. Увиденные до этого момента здания выглядели современно, а это настоящий дворец. Сопровождающая меня дама пояснила условия существования на территории пансионата. Ее глухой голос, словно придавливал, заставляя опускать взор вниз и бояться сделать лишний шаг. Она монотонно, чеканила слова, сопровождая их короткими жестами. Когда покончила с правилами, добавила, что детей подобных мне всего одиннадцать: шесть мальчиков и пять девочек. С появлением меня в стенах пансиона теперь и тех и других поровну. Для каждого ученика отведена отдельная комната со всеми удобствами. На первом этаже обиталище мальчиков, на втором — девочек.

— Распорядок дня ты узнаешь отдельно. Советую соблюдать его неукоснительно, но об этом с тобой еще поговорят. Сейчас я покажу твою комнату и принесу обед. Дети вместе со своими менторами должны питаться в столовой. Еда вне столовой считается нарушением, но сегодня сделано исключение. После того как ты закончишь с трапезой и немного отдохнёшь за тобой придут и проводят в класс. Там представят нашим воспитанникам. Всё поняла?

— Ага, — улыбнулась я как можно шире и в упор посмотрела на заместителя директора пансиона.

Тёмно-синий строгий костюм, минимум косметики, очки на носу и гладкая причёска. Холодный взгляд серых, как осеннее утро глаз без малейшего оттенка нежности и доброты.

— Не «ага», а — «да». Так следует отвечать.

— Да.

Комната оказалась маленькой, но уютной. Хорошенькие двойные занавески кремового цвета, в тон им покрывало на кровати и коврик на полу. Обои на стенах в мелкий цветочек. Небольшой стол, компьютер на нём, и рядом стул.

— Так комната должна выглядеть всё время обучения. Дверь направо — ванная, налево — туалет. Дверь между ними гардеробная. Там ты можешь увидеть свои сумки. Разобрать их придётся самостоятельно, и определить вещи на полки по порядку: лето, осень, зима и весна. Отдельно будут висеть спортивные вещи и школьная форма по временам года. Остальное разъяснит позже учитель, прикреплённый к тебе. Теперь отдыхай.

Дверь за женщиной закрылась, а я повалилась на кровать и зарыдала. Поплавав немного, поклялась, что это будут мои последние слёзы, которые я пролью в интернате. Затем закрыла глаза и уснула. Через час меня разбудили, накормили вкусным обедом и

оставили в одиночестве. Затем принесли форму.

Новенький черный костюм «тройка» с эмблемой учебного заведения сел на мою фигуру как влитой. Единственное, что нарушало регламент школьной одежды, это тонкие хлопчатобумажные перчатки, которые я носила с тех пор, как умерла мама. Это ограждало меня, от страшных видений. Стоило взять человека за руку без защиты, знала, какими будут его последние часы. Исключение сделала только для директора пансиона и не прогадала.

Повертевшись перед зеркалом, покинула комнату и в сопровождении женщины спустилась на первый этаж, прошла по длинному коридору. На двери, возле которой остановилась незнакомка, висела табличка «Второй класс «А». Я замерла рядом. Стало вдруг страшно переступить порог и войти в другую жизнь. Остро осознала, что прежней у меня больше не будет, и папа вечером не встретит из школы, а мама не улыбнется, открывая дверь квартиры. Сухой ком застрял в горле, и я с трудом сглотнула. Глаза защищало. Это предательские слезы просились наружу. Но я дала слово, и придется держать эмоции под контролем.

постучала в дверь и открыла ее. Затем подтолкнула меня, заставив войти в класс. Остановилась у доски, осмотрелась. Взгляды будущих одноклассников не порадовали. Хмурые, хищные, недоверчивые. Придется быть одной, что поделать?

Мама воспитывала меня миролюбивым человеком, и по своей натуре я таковой и являлась, но до первого вызова. Если кто-то задевал не раз и не два, то дралась ожесточенно. Бывало, что конфликт затевала не я, но меня наказывали. Это не останавливало тогда, не остановит и сейчас. Сколько бы родители не говорили, что нужно уметь отойти в сторону, я с упрямством осла стояла за себя. По сути, удобно быть одной, ведь не умела прогибаться под других и не любила чужого давления. Считала, что дружба это дар и относиться к нему надо с уважением. Так учила мама, а я с ней полностью согласна. Наверное, потому одиночество не угнетало. Так честнее жить.

Стоя перед одиннадцатью парами глаз я поняла, что моё детство кончилось и мамы, которая защитит и утешит, больше нет. Я одна, и обязана выжить. Мне не жаль себя, ведь ничего не теряла, если выгонят из пансиона. Папе, конечно, будет сложно найти новый интернат. Хотя ему так хотелось избавиться от забот обо мне, что как знать, может и ускорился бы.

Дверь открылась и в класс вошла заместитель директора. Ледяной взгляд, брошенный на учеников, заставил их подняться. Женщина улыбнулась пожилому мужчине за учительским столом, и тот тоже подскочил с места.

— Ребята, эта девочка будет учиться здесь, вместе с вами. Зовут её Ада Стравинцева. Иди на заднюю парту к окну. Присаживайся и доставай тетрадку с ручкой. Учебник тебе выдаст учитель.

Посверлив взглядом ребят, женщина обернулась к учителю и произнесла:

— Продолжайте урок Пётр Анисимович.

Вот так и начался мой десятилетний период существования. Дети отнеслись ко мне с настороженностью, а я не стала претендовать на их внимание. На перемене Пётр Анисимович представил мне учеников. Он же рассказал о правилах, которые нужно неукоснительно соблюдать.

На следующий день моя жизнь в корне изменилась и стала походить на соревнование биатлонистов. Опоздала на урок? Наказана. Воротничок не выглажен? Дополнительные занятия. Включилась в это сражение и постаралась не слишком отставать.

Дни стали похожими друг на друга, и я перестала замечать всё, что происходило вокруг, включая посещения отца. По правде сказать, родитель поначалу навещал каждые выходные. Потом он ввязался в один научный проект и визиты стали носить хаотичный характер. Спустя время и вовсе сошли «на нет». Удивительно для самой себя, я отнеслась к этому спокойно, словно распорядок дня выдавил из моего сознания и сердца все чувства и мысли. Сон, зарядка, уроки, ежедневные занятия различными видами спорта, посещение столовой, подготовка к следующему дню и снова сон. М-да...

Особенностью интерната было проживание учителей совместно с учениками. Их тоже двенадцать. Моей надзирательницей стала молодая девушка с миленьким личиком и огромными голубыми глазами. Мы с ней появились в корпусе с разницей в один день. Я не знаю почему, но в первый же момент, как увидела, захотелось обнять ее.

Я сидела в библиотеке и листала книгу. Знала томик наизусть, но продолжала просматривать из-за того, что когда-то читала его с мамой. Хотелось ненадолго погрузиться в прошлое, ощутить тепло и заботу. Самообман, я понимала это, но сердце требовало знать, что пусть мама мертва, но я нужна ей и она обо мне помнила, как обещала когда-то. Мое уединение нарушила вошедшая белокурая девушка. Она робко прикрыла дверь за собой и, помедлив, подошла ко мне.

— Здравствуй Ада. Меня зовут Светлана Петровна Иванова, — представилась она. — Буду твоим воспитателем на протяжении учёбы в этом пансионе.

Ее лицо показалось знакомым. Посмотрев внимательно, поняла: родственница учителя, Петра Анисимовича. Ничего не ответив на приветствие, кивнула и продолжила листать книгу. Светлана присела на соседний стул. От девушки веяло добротой и материнством. Мне вдруг стало уютно рядом с учительницей.

— Давай поговорим, Ада. Я знаю о твоей потере и очень хорошо понимаю тебя. Примерно в этом же возрасте я стала сиротой. Хочу быть тебе старшим другом, с которым ты сможешь поговорить.

Я посмотрела на неё и решила спросить:

— У вас тоже был старший друг?

— Да. Моя няня. Есть множество сложных моментов в жизни. Когда они случаются, человеку необходимо выслушать чужое мнение. Тогда легче принять правильное решение или укрепиться в своей правоте. Для этого и нужен друг, у которого жизненный опыт больше, чем у тебя.

Минут пять я рассматривала картинку в книге и обдумывала сказанное. Светлана сидела рядом и старалась не мешать размышлениям.

— Ладно, — кивнула я. — Хочу, чтобы стали моим другом.

— Называй меня Светланой. Я стажерка и потому это допускается.

Ментор улыбнулась, и её огромные очи осветились лаской. Я еле сдержала слёзы. Поднялась и, попрощавшись, ушла, сославшись на подготовку ко сну.

***

Дни летели. Тяжело было вживаться в коллектив. Отношения с ребятами можно описать расхожей фразой: «холодная вежливость». Я не задевала их, а они не трогали меня. Наметились постоянные партнёры по некоторым занятиям. Так в спарринге по восточным единоборствам и занятиям спортом неизменным напарником стал Саша Медведев. Светловолосый, высокий, крепкий с добродушной улыбкой и ясными глазами мальчишка. Я прозвала его «Финист», за схожесть с актером, игравшим в одноименном фильме.

Соревноваться с этим парнем дело не из лёгких, а у меня, как выяснилось, неплохие спортивные данные. Разок удалось его победить на ринге и это упало в копилку заслуженных наград «особого класса». Это не просто, надо признать, ведь мальчишка обладал редким даром. Кости у него более толстые, к тому же гнулись в разные стороны и не ломались. Моя победа над Финистом заставила его отнестись к занятиям более серьёзно. Меня определили к нему постоянным спарринг-партнёром. На занятиях я отдавалась битве со всей душой, и каждый раз пыталась придумать хитрость, которая поможет победить. Удавалось достаточно часто, хотя не брезговала излюбленным способом, которое Финист назвал — битье током.

Помогали в этом занятия на логическое мышление с моим вторым компаньоном — Иваном Суворовым. У этого мальчишки дар прорезался с первых же дней его осознанной жизни, и родители подыскивали ему достойное учебное заведение. Вот так он и попал в класс для одарённых. Всё что связано с компьютерами — это мир, в котором паренёк — Бог. У меня тоже оказались способности, но до гения далеко. После того, как удалось победить Сашку, под подушкой я обнаружила скомканный листочек бумажки. Запись краткая, но впечатляющая:

«Покорён. Хочу дружить. Иван Суворов».

Пробежав пару раз взором текст, поразмышляла над написанным и пришла к выводу: единомышленники мне не помешают. На следующий день я поздоровалась с Иваном за руку, тем самым вложив в его ладонь ответ: «Давай дружить». На перемене он подошел ко мне и сказал, что могу называть его Иваном, но в лучше по кличке — Еж. Только вот единомышленниками с Иваном мы не успели сделаться. Эту стадию проскочили и стали друзьями. Через месяц Финист, присоединился к нам.

Порядками пансиона и в особенности нашего класса дружба не возбранялась, но мы с ребятами всё равно предпочитали осторожничать и свои тёплые отношения не афишировали. К концу учебного года все ученики, так или иначе, сбились в стайки, но мы с друзьями предпочли обособленность.

Первый учебный год пролетел, пришло время каникул. Пансионат опустел. Стих за забором гул детских голосов. Школяры нашего класса тоже отправились по домам, кроме меня и моих друзей. Родители Финиста, не смогли удержать руку с пульса своего развитого бизнеса, а бабушка Вани попала в больницу. Узнав, что компаньон сирота, я прониклась к нему особым отношением. Отец погряз в своём проекте и потому обрадовался, что у меня есть компания и согласна остаться в интернате. Вместе с нами вынуждены были остаться менторы.

Лето — это нечто незабываемое. Мы с воспитателями купались, загорали, резвились, устраивали гонки на велосипедах и ходили в походы. Счастье наше не знало границ и потому первое сентября встретили с разочарованием. Для меня второй год стал переломным и после него жизнь, словно начала выворачиваться наизнанку.

***

— Сегодня к нам приедут важные гости, — объявил Степан Анисимович, заявившись на завтрак в столовую. — Они являются меценатами проекта, в котором вы все принимаете участие. Каждый из вас покажет свои способности, кроме Ады. Я объясню гостям причины, и они не будут против. Вместо этого Ада встанет в спарринг с Александром, чтобы он смог проявить себя. Я жду от всех сдержанности и скромности. Ваши воспитатели будут с вами и помогут в подготовке.

К полудню за окнами класса, разыгралось настоящее ненастье. Поднялся сильный ветер, а раскаты грома свирепо известили о начинающемся ливне. Первые тяжёлые капли упали на подъехавшие к крыльцу три чёрные машины, и молния грозно сверкнула. Я зажмурилась от вспышки потому, что стояла у окна женского туалета и видела, как затормозили автомобили.

Из них вышли несколько мужчин, раскинув над своими головами черные зонты. Я насчитала шесть человек, затем, отлепившись от окна, подошла к умывальнику и открыла воду. Сегодня с утра мне нездоровилось и, видя моё состояние, Пётр Анисимович отпустил привести себя в порядок. Я сунула ладони под воду и закрыла глаза. Затем влажными руками протёрла лицо и попыталась отдышаться. Дурнота не пропала, но стало немного легче. Я услышала звук открывающейся двери и чьи-то лёгкие шаги.

— Ада, тебе совсем плохо? — услышала я голос Светланы и разлепила веки.

— Мне уже лучше.

— Давай я провожу тебя в госпиталь, — предложила воспитательница, а я покачала головой и еще раз умывшись, выпрямилась.

— Нет, все нормально, — улыбнулась я.

Обманывала, но судя по лёгкому вздоху Светланы, у меня получилось.

— Тогда пойдём. Гости уже в спортивном зале и мы успеем к тренировке Саши.

Кивнула в ответ и, взглянув на своё отражение в зеркале, попробовала собраться с силами. С серебристой глади на меня смотрела девочка со светло-кариими глазами и волнистыми каштановыми волосами. Она выглядела измученной и испуганной. Я потянулась за перчатками, что остались лежать на умывальнике возле крана. Натянула их на мокрую кожу. Развернулась к Светлане и, улыбнувшись, дала ей руку. Мы покинули туалет и устремились к месту встречи с меценатами.

Войдя в спортивный зал, Светлана отпустила мою кисть и легонько подтолкнула к ребятам, а сама отошла к сослуживцам.

— Эй, на тебе лица нет, — тихо произнёс Медведев.

— Не знаю, вдруг плохо стало. Сейчас всё в норме, — отозвалась я и улыбнулась. — Ежа нашего уже экзаменовали?

— Ванька, еще не демонстрировал свои способности. Сейчас дело за физическими упражнениями. Ты, если что, работай в половину силы, или сними совсем свои перчатки, и я потреплю твою тряску. Так быстрее закончим с поединком и от нас все отстанут.

— Ого! А я думала, хочешь блеснуть талантом, — хохотнув, изрекла я. — В итоге блеснуть заставляешь меня. Не пойдет дружок, я все выдержу, да и не так плохо мне уже.

Сашка кивнул и насупился. Он на редкость смешливый мальчик, в этом смогла убедиться на протяжении нашего общения, а тут столько заботы и серьезности.

Неожиданно я почувствовала, как будто холодная волна окатила меня с ног до головы. Стало трудно дышать, словно невидимая рука сдавила горло и отпустить не собиралась. Я глубоко вдохнула, затем медленно повернула голову и наткнулась на черные, точно агаты, глаза. В одном из кресел для гостей, закинув ногу на ногу, сидел парень лет семнадцати-восемнадцати и сверлил меня взглядом. Красивое лицо с высокими скулами, прямым носом, волевым подбородком, обрамлённое черными кудрями. Руки мелко затряслись.

— Адка, тебе снова нехорошо? — шепотом спросил Финист. — Ты побледнела. Возьми платок, вытрись.

— Спасибо.

Я отвернулась от гостя и приняла белый хлопчатобумажный квадрат от Финиста.

Вытерла лоб и шею.

— На ринге сил не жалею, я в норме, — сказала я Саше. — Мне просто страшно стало.

— Еще бы! Как ты вошла он, так и шарит по тебе своими глазами. Это кого хочешь напугает.

Я огляделась и заметила, что Ванька уже отдыхает на скамейке в уголке и наблюдает за нами с Медведевым. Лицо напряжено, брови нахмурены. Заметил мою нервозность, теперь не отстанет, выпытает «что» и «почему»?

Финист вроде бы случайно поднял руку, что на нашем негласном языке означало: «Всё под контролем». Я легонько кивнула, стараясь сделать это незаметно. В этот момент подошла наша с Сашкой очередь продемонстрировать физические возможности. Мы заняли позиции друг напротив друга в центре небольшого спортивного зала.

— Бой! — крикнул директор.

Финист и я принялись усердно драться. Сражение закончилось ничьей, что меня слегка удивило. В душу закрались подозрения на счёт противника по рингу. Неужто подыграл? Тот не взглянув, прошёл к Ежу. Мне осталось только любоваться его прямой осанкой.

Мы еще много что делали и, похоже, смогли убедить меценатов в талантах. Они, душевно распрощавшись с обоими братьями Ивановыми, отбыли на блестящих машинах так же чинно и благородно, как и прибыли. В тот год нас больше не тревожили комиссии и проверки. Все зажили обычной жизнью, все кроме меня.

***

Мое восьмилетие, которое пришлось на последнюю субботу октября, с друзьями и воспитателями решили отметить неподалёку от внешних стен пансионата, в лесу. Осень уже частично сдала свои позиции зиме по ежегодному списку. Та побаловала нас ранними заморозками и неожиданными солнечными холодными днями.

Сидя на бревнышке посреди небольшой полянки, разглядывала оставшуюся роскошь золота, украшающую кроны деревьев. Шуршание сухой листвы под ногами повторится только в следующем году. Всё вокруг укрыл тонкий слой белого рыхлого снега. Он не пожелал зацепиться за ветки смешанного леса, и сполз к корням. «Зимней сказки не будет», — подумала я и глубоко вдохнула прохладный воздух. Отсутствие волшебной панорамы леса не помешало нам разжечь костёр и пожарить порцию шашлыков.

Пока взрослые готовили угощение, мы с ребятами бесились и бегали вокруг костра. Ментор Сашки подсмеивается над своим подопечным, успевая при этом переворачивать шампуры. Мы с друзьями расшалились не на шутку и стали играть в салки. Затем эта игра перешла в возню. Хохоча во всё горло, попытались устроить состязание в борьбе.

— Я сморю, день рожденья проходит весело.

Заместитель директора пансионата, как же без нее. Везде свой нос сунет.

— Я пришла сюда, чтобы передать тебе, Ада, подарок от одного из наших меценатов. Его зовут Карим Мухаммедов. Ты произвела на него неизгладимое впечатление своими упражнениями в спортивном зале, и он решил взять тебя на особый контроль. Это его презент.

Женщина подошла ко мне и протянула небольшую коробку. Я удивленно посмотрела на нее. Она что раздосадована? Насколько успела ее узнать, у дамы лишь два состояния: холодность и небольшая оттепель. Причем, холодность в ее случае предпочтительнее. А тут буквально фонтан чувств! Удивительное дело.

— Бери-бери, и поблагодари потом своего спонсора.

Заместитель развернулась и покинула наш праздник. Раскрыв посылку, удивилась. Внутри обретался новейший переносной компьютер на зависть друга Ваньки-Ежа.

Следующий подарок мне вручил сам покровитель, заявившись в канун Нового года и вызвав в комнату для встреч в местной гостинице.

Я в сопровождении Светланы шла на встречу по широкому коридору. Каблуки моих туфель стучали по плитам пола, а сердце в груди трепыхалось точно птаха. Остановились возле двери с номером «Двести два», и воспитательница постучала. Из-за деревянного лакированного массива послышалось глухое: «Да», и мы вошли.

Переступив порог, осмотрелась. На мягком диване в глубине роскошно обставленного помещения восседал тот самый молодой человек, что не спускал с меня глаз в день смотрин. Меня взяла оторопь, и я остановилась. Воспитательница посмотрела на меня, легонько погладила по спине, улыбнувшись, сказала:

— По правилам учебного заведения, моё присутствие при разговоре ученицы с людьми, не состоящими в родственных с ней отношениях обязательно.

— Хорошо, — кивнул гость. — Рад, что здесь настолько строгие правила. Не зря моя семья инвестирует именно эту закрытую школу. Подойди ко мне Ада и присядь рядом. Твоя воспитательница будет поблизости вот в этом кресле, — указав на совершенство мебельной промышленности, сказал Карим.

Я подошла и устроилась на краешке дивана, стараясь соблюсти дистанцию между нами. Светлана присела и как орлица уставилась на парня. Тот едва заметно улыбнулся и обратился ко мне:

— Догадываюсь, что ты знаешь моё имя, но представлюсь еще раз. Меня зовут Карим Мухаммедов, и я по личной инициативе решил взять над тобой «шефство». Ты не против? Я привёз новогодний подарок, и хочу, чтобы ты его надела. Затем поехала в город и по этому билету попала на бал. Думаю, тебе понравится. Сопровождать тебя будет ментор. Я уже всё уладил и проблем не возникнет.

— Меня мама водила на «Елки», — робея, произнесла я. — Спасибо. С большим удовольствием вспомню детство.

Протянула руку для того чтобы забрать билет, а молодой человек залиvisto рассмеялся. Пока не успокоился, не отдал мне небольшой картонный лист.

— Хорошо, я не учёл что ты взрослая. В следующий раз исправлюсь. Ведь Новый год еще не наступил? Значит, у меня есть время. Но на этот бал сходи обязательно. А почему ты всё время в перчатках?

— Говорят, фобия, — пожалала плечами я.

— Давай договоримся: ты мне не врешь, и я исполняю все твои желания, — голосом доброго дядюшки изрёк Карим.

Кивнула. А что мне оставалось? Такие обещания просто так не раздают, или я ошиблась? В любом случае от меня не убудет.

— Я знаю, что у тебя есть дар и очень хочу его испробовать на себе, — улыбнулся Карим. — Когда я умру, Ада?

Мне пришлось стянуть перчатки и взять его за руки. Я почувствовала себя старше на десять — двенадцать лет. В моем виденье шел дождь и сверкала молния. На мгновенье она высветила лицо красивой темноволосой девушки. Юной особе нужно сделать всего один шаг, чтобы оказаться в свете фар машины, но она медлила. Карим приехала за ней, зная, что это опасно. Он там, чтобы предупредить о чьей-то смерти, но не успел. Мужчина сделал шаг

к девушке и прогремел выстрел. Последнее, что он слышал и чувствовал скрип тормозов и ощущение света от фар на лице. Карим пришел в себя в операционной и просил Бога, чтобы не оставил ту темноволосую красавицу своей милостью. Он умер, пытаясь произнести её имя.

Возвращение в реальность меня не обрадовало, но я максимально точно передала содержание своего видения и, вырвав свои руки из ладоней Карима. Быстро натянула хлопковую защиту и потушила взор.

— У меня совсем мало времени, — с грустью произнес гость. — Жаль. Ну, что-то же мне отмерено, значит, это время надо провести с пользой.

Поболтав о разных пустяка с меценатом, расстались.

В билете значилась текущая дата, и у меня оставалось время, чтобы зайти в комнату переодеться. Сюрприз, что приготовил Карим, оказался прекрасным и выразился он в бальном платье цвета чайной розы, небольшой диадемы и красивых туфелек. Натянув всё это на себя, я окрылилась. Протанцевав весь Новогодний бал, который устраивали в каком-то загородном имении и, порадовавшись театральной постановке, которая была в шоу-программе, вернулась в пансион. На запуск фейерверков попасть не получилось потому, что нас со Светланой ограничили во времени, но и того что увидела мне хватило за глаза. В новогоднюю ночь, сразу после полуночи в комнату пришла Светлана и принесла небольшую коробку. В ней оказался необыкновенно красивый плеер.

С тех пор каждый праздник мне приносили дары, а мой покровитель появлялся и сопровождал меня, то на какую-то модную премьеру, то в оперу, то на выходные в другую страну. Я расслабилась и жила днём текущим, ожидая следующего как нечто удивительное. А «удивительное» немного затерялось по дороге, но дошло до адресата, то есть меня.

Это случилось спустя два дня, после моего четырнадцатого дня рождения. В интернат приехал отец. Я привыкла к его нечастым визитам и удивилась, что этот пришёлся на мой день рожденья. Подошла к уже знакомой за столько лет двери гостиничного номера и постучала. Прежде чем войти, прислушалась к себе. Волновалась. Постучала и, приоткрыла дверь, заглянула в комнату. На знакомом диване сидел отец и теребил полу пиджака. Заметив меня, приподнялся и махнул рукой, приглашая войти.

За семь лет папа практически не изменился. Исключением в обычном облике родителя явился дорогой хорошо скроенный костюм, аккуратная стрижка и начищенные ботинки. Неряшливым, профессор геологии никогда не был, но лёгкая небрежность в одежде всегда присутствовала. А тут такие перемены! В груди кольнуло, и я невольно поморщилась. Не доброе предчувствие змеёй залезло в душу и устроилось там с удобствами.

Мы с отцом приветливо поздоровались и, обнявшись, сели на мягкий диван. Он расспросил о моей жизни, поведал о том, что закончил проект и теперь его ждут миллионы долларов. Он даже рассказал о желании забрать меня из пансиона, чтобы смогла окончить школу, живя рядом с ним и поступить в престижный ВУЗ. А я всё ждала и ждала чего-то более важного и мысленно поторапливала родителя в его обстоятельном повествовании.

— И еще одно событие скоро произойдёт, доченька. Я понимаю, что ты можешь на меня разозлиться, но маму не вернёшь и я...

— И ты?.. — тихо продолжила я и остановилась.

— В следующие выходные состоится моя свадьба. Инга прекрасная женщина и мы с ней родственные души. У нее есть взрослый сын. Он старше тебя на пять лет. Живёт своей жизнью уже довольно давно.

Родитель запнулся, а я нахмурилась. Стало обидно, что на меня у папы времени не было, а на Ингу нашлось. Подавила злость, бушующую в сердце, и стала дожидаться продолжения. Оно случилось, спустя несколько минут. Видимо муки совести все-таки бушевали в душе отца.

— Я был один и... Она помогла... Увлелась моей идеей и стала спонсором проекта... Без Инги... Инги Вячеславовны, моё детище было бы не осуществить. Она помогла мне и теперь мы...ты... Всё что я делаю в этой жизни, делаю ради тебя. Я обещал это твоей маме и теперь могу сдержать обещание.

Не хочу сказать, что меня это так уж поразило. Скорее я нечто подобное ожидала, но всё равно мне стало больно. Наверное, это ревность, а может не желание смириться с тем, что теперь я по-настоящему осталась одна. Пусть тешила себя все эти годы мифом о том, что папа очень занят, но я смогла себя в этом убедить. Я всё время ждала его визитов и жаждала ласки, тепла и доброго слова. Не признавалась в этом сама себе, но это так! Я хотела внимания отца, хоть и старалась заслужить его, не мешая своей персоной. Теперь образ папа растаял, как снег по весне и я должна что-то сделать. Наверное, отпустить родителя в свободное плавание, пожелав ему счастья в новом браке. А что мне оставалось? Самой кинуться с крыши или вены перерезать...

Вместо этого я улыбнулась и сказала:

— Рада за тебя папочка. Я буду на свадьбе.

***

Перед официальным событием я приехала на нашу старую квартиру. Платье переправила с отцом на машине и попросила, чтобы он повесил его в моей комнате. Открыла дверь своим ключом и толкнула её. Не знаю, что хотела увидеть или почувствовать, но ожидаемого не случилось. Квартира встретила меня удушливым запахом пыли и затхлости.

Войдя, направилась к окнам и открыла их настежь. Холодный воздух осени ворвался внутрь и моментально заполнил собой всё пространство квартиры. Глубоко вдохнув, направилась в детскую. Отварив дверь, огляделась. Ничего не изменилось, всё как при маме. Платье, завернутое в чехол, лежало на кровати и казалось инородным предметом. Время у меня было, и я решила устроить лёгкую уборку. Предстояло пробыть здесь не меньше трёх ночей. Ко всему прочему, наведение порядка хороший способ успокоить нервы. Спустя четыре часа, порадовавшись чистоте, отправилась в душ.

Разгоряченная и счастливая, обмотанная банным полотенцем уселась перед старым трюмо. Вытащив из рюкзака косметичку, которой мне подарила Светлана, накрасилась. Высушила волосы и собрала их в гладкую незамысловатую причёску. Посмотрев на себя в зеркало, поняла, что справилась и воспитательница может гордиться мной. Дело осталось за малым — платье. Оно было очередным подарком Карима на день рождения. Вытащив его из элегантной коробки, поразились красоте и изысканности. Шедевр выполнен из бледно-желтой лёгкой материи. Удивительно облегал фигуру. Распаковав сокровище и показав его Светлане, я на несколько минут лишила наставницу дара речи. Теперь оно на мне. Поняла, почему воспитательница, обсуждая со мной наряд, настояла на гладкой причёске. Она подчеркивала утонченность наряда.

Покрутившись у серебряной глади старого трюмо, услышала телефонный. Подняв трубку, услышала голос девушки. Диспетчер таксопарка сообщила, что машина уже прибыла

и дожидалась у подъезда. Сунув ноги в туфли, и накинув мантию из шиншиллы, схватила тонкую изящную сумку клатч и выбежала из дома.

На церемонию бракосочетания я не попала из-за московской пробки, и маршрут движения изменила по пути. Пришлось отправиться в ресторан. Войдя в двери, показала приглашение швейцару и впорхнула вглубь заведения. Оставив в гардеробе мантию, прошла по длинному коридору и вошла в зал. Остановилась возле колонны, огляделась.

Роскошь и размах меня впечатлили, а количество людей на ужине в честь женитьбы отца и незнакомой Инги, испугало. Папу увидела сразу. Смокинг и черная бабочка, удивительно шли отцу. Белоснежная рубашка, подчеркивала аристократичность черт. В душе вспыхнула гордость.

Женщину рядом с ним я идентифицировала как ту самую счастливицу, и она мне не понравилась. Хищница. Крашенная блондинка с высокими скулами, узким лицом, среднего размера глазами. Искусный макияж, крал, словно паранджа у восточных женщин, ее индивидуальность. Хотя именно косметика превратила Ингу в более привлекательную и молодую особу. Дорогое платье сидело на ее фигуре как влитое. «Товар лицом» — и ничего не скажешь. Всё-таки показалась опасной. «Снежная королева», — прозвала я про себя жену папы.

Рядом с Ингой сидел русоволосый парень удивительно похожий на нее. Видимо, это пасынок папы и теперь сводный брат. Красавец и хищник как его родительница, только мелковат. Ладно, поживёт, побарахтается в предложенных обстоятельствах и станет таким же, как мамаша.

Взор «пасынка», блуждающий по залу, остановился на мне. В нем вспыхнул интерес. Я нахально улыбнулась, отлепилась от колонны, на которую опиралась плечом, и двинулась к виновникам торжества. В самом деле, пора было легализовать себя собравшимся.

Родитель узрел меня и, вскочив с места, кинулся на встречу. Объятия, поцелуи, добрые пожелания, радость в глазах отца — смешалось всё и меня это захватило целиком и полностью. Я всё-таки рада за папу.

— Инга! Господа! — заговорил молодожен и вилкой постучал по бокалу, что стоял перед ним на столе. — Представляю вам мою красавицу дочь. Ада. Трудно выразить гордость, что такая умная и прекрасная девушка является частью меня.

Все захлопали, я потупила глазки и изобразила смущение.

— Ада, — обернулся ко мне отец, — это Инга Вячеславовна, моя жена. А это, Игорь, ее сын.

Инга Вячеславовна справляясь с эмоциями попыталась доброжелательно улыбаться. «Пасынок», опешил и растянул рот до ушей приветствуя меня. После знакомства, вечер перестал походить на театральную постановку, а превратился в цирковое представление. Весь вечер на арене работали хищники, мелкие и покрупнее, выписывая кульбиты перед потенциальной жертвой — мной. Зря.

Уселась рядом с «пасынком». Ох, и докучливый парень! Выть хотелось от его «смешных историй» и зевать от описаний путешествий, в которые он отправлялся регулярно. Терпела разговоры, ела и пыталась смотреть на происходящее как на неотъемлемый ритуал свадьбы. Понимала предков, почему те на подобных торжествах дрались. Сама не прочь впечатать кулак в скулу, «пасынку». В какой-то момент собралась было встать и крикнуть: «Драку заказывали»? Затем со всей души врезать сыну Инги. Но вмешалось провидение.

— Не знал, что мы теперь стали родственниками, — услышала я голос мецената и

непроизвольно вздрогнула. Счастлив.

Обернувшись, наткнулась на агатовые глаза Карима.

— Не поняла? — вопрос относился к отцу, но объяснила его невеста:

— Познакомься, Ада. Мой племянник, Карим. Его сестра, Маргарита Вячеславовна сейчас с мужем в отъезде, вот Карим и отдувается за своё семейство. А вы знакомы?

— Да, — приветливо бросила я.

Вспомнила о тройке по алгебре и невольно взглянула в направлении выхода из банкетного зала. Это так, на всякий случай...

— Ада, находится под моим личным контролем, и она моя протеже, — усаживаясь на поднесенный официантом стул, заявил Карим. — Одарённым детям необходимо помогать, а эта милая девушка одарена сверх меры. Мы с родителями затеяли один благотворительный проект, и Ада принимает в нём участие. Она так поразила меня, что я вот уже несколько лет слежу за её успехами. Мало того, мне присылают её бюллетень успеваемости и видеоролики с занятий.

Вечер пошел своим чередом и я, устроившись в кресле между папой и Каримом, усердно ела. Спонсор еще немного поболтал о моих достижениях, приукрасив возможности. Пролил, так сказать, бальзам на сердце батюшки густым слоем. Утаил в разговоре совсем немного: подарки на праздники, еженедельные телефонные звонки, билеты в театры и на концерты, ну и еще много чего. Конечно, воспитание Карима позволяло мне поддерживать любую беседу в обществе, но в этот раз предпочла помалкивать. Заиграла музыка и я узнала в ней вальс. Карим поднялся и пригласил меня на танец. Отказываться повода не видела и потому позволила увлечь меня в середину зала.

— Тебе это платье очень идет, — шепнул на ухо меценат.

Неожиданно меня охватил трепет. Почувствовала, как вспыхнули щеки. Чтобы справиться со смущением, огрызнулась:

— Конечно. Теперь я должна похвалить твой изысканный вкус, о благодетель!

Голос дрогнул от нахлынувшего, но я не сдалась и продолжила:

— Всё чем ты одариваешь меня по праздникам выше всяких похвал!

— Ты сбиваешься с ритма, Ада, — хмыкнул Карим.

Наклонившись к самому уху начал считать:

— Раз-два-три, раз-два-три.

Я и в самом дела сбилась с ритма и только усилиями партнёра по танцу мы всё еще кружили по залу в нужном темпе. Злиться мне не следовало, но у меня так дрожали руки от его тихого голоса, что я не выдержала и зло сказала:

— Шипишь, словно змея.

Тихий смех Карима заставил выровнять спину и вздёрнуть подбородок.

— Вместо того чтобы плевать мне в ухо замечания, помоги смыться отсюда домой, — прищурилась я. — Еще три дня впереди, и боюсь твоему двоюродному братцу и тётке по зубам надаю.

Случайно бросила взор на людей, что наблюдали за вальсирующими парами. И ведь надо было, чтобы поймала ненавидящий взгляд мачехи. У меня даже кровь в жилах застыла!

— Чем они тебе не угодили? — скроив забавную физиономию, поинтересовался покровитель.

— Заладили: «Ах, Ласкало! Ах, Ласкало!». А у меня зубы сводит, когда вспоминаю оперу. Не дай опозориться на свадьбе, ведь драку, поди, не заказывали.

Карим захохотал и закурил меня еще сильнее. Я скосила глаза и заметила, как Игорь следил за каждым нашим движением. Его глаза сверкали недобрым огнём. Я бы назвала пламя похотливым, но пансионное воспитание не позволило.

— С тебя станется, кивнул меценат. — Предлагаю план «А». Помнишь, как это было в театре в Париже?

Еще бы не помнить! Тогда еле сбежали от сладострастной вдовушки, которой приглянулся Карим. Ох, и погоня была! По всем законам жанра. Спрятаться удалось под мостом. Нас приютили бомжи и разрешили погреться у огня, полыхающего из железной бочки. Потом, Карим до утра играл на гитаре и пел серенады одной нищенке. Та была глухой, но пыл, с которым исполнялись песни, оценила бурными аплодисментами.

Танец закончился, и молодой мужчина потерял ко мне всякий интерес. Пригласил на следующий, другую девушку. Та просияла от такого снисхождения и бросилась демонстрировать Кариму все свои достоинства, под всевозможными ракурсами. Посмотреть там было на что, и думаю, мой меценат получил эстетическое наслаждение.

Вскоре они покинули веселье, и мне осталось сыграть свою роль. Я скромно уткнулась в тарелку, желая всем вокруг провалиться. Жenuшка папы, похоже, невзлюбила меня сразу. Зато сынок Инги принялся буквально пожирать меня глазами. Потом я шепнула отцу на ухо о своем нездоровье и желание уехать с пира. Папа забеспокоился, но я утешила его, сославшись на личную замкнутость и особый микроклимат пансиона. Потому не могла подолгу находиться на праздниках. Сообщила, что вызвала такси, и оно уже подъехало. Родитель расстроился, но отпустил.

Выйдя на улицу, побрела вдоль здания до угла. Зашуршали шины и я обернулась.

— Такси вызвала, красавица, — донесся из открытого окна автомобиля голос Карима. — Садись, вмиг довезу! Вах!

Дверь открылась, и я уселась на пассажирское место. День закончился, радовалась этому. Меценат отвез меня домой и проводил до квартиры. Затем поцеловав в щеку, скрылся, а я осталась одна. Открыла дверь и оказалась дома. Переступив порог, взглянула на часы, что стояли в коридоре на полке. Стрелки показывали полночь. Итак, Золушка вернулась домой, правда, в обеих туфлях и платье осталось восхитительным.

Последующие три дня прошли сносно. Карим старался держаться на расстоянии, но и далеко не отдалялся. Новоиспеченный братец Игорь буквально волочился за мной, а я с лёгкостью заправского шпиона ускользала. Окончание свадебных мероприятий не избавили от назойливости Игоря. Весь следующий учебный год вплоть до самых каникул он каждые выходные заезжал в пансион, чтобы встретиться со мной... по-родственному. Не преуспел, но не сдался. Отложил настойчивость в «дальний угол» и укатил на отдых в далёкую страну.

Карима активность кузена забавляла, но он старался держать руку так сказать «на пульсе» и в случае необходимости, вмешаться. Я понимала благодетеля — он изо всех сил старался избежать кровопролития и военных действий с моей стороны потому, как доподлинно знал физические возможности. Надо признать, что опасенья его были не беспочвенны.

***

Новый учебный год привнёс в обыденную и привычную жизнь пансиона большие изменения. Они большей частью коснулись нашей общей подготовки. В расписание занятий, помимо обязательных дисциплин и тестов по природным дарам каждого, ввели военное

дело. В частности стрельба по мишеням из различного оружия, ориентирование на местности, скалолазание и бег с препятствиями. Нагрузка увеличилась.

Первое время еле ноги передвигала. Успевала лишь доползти до кровати, чтобы моментально забыться сном. Выходных ждала как манну небесную, но проходили они не шатко не валко благодаря стараниям сводного братца. Но это еще не все. Наш класс официально разбили на четыре группы. Похоже, при формировании бригад руководствовались уже сложившимися симпатиями школьников.

Группы получились, как это не покажется странным равным по количеству учеников. Четыре отряда по три человека, весьма не дурно для общего дела. Мы соревновались друг с другом в командных играх, и это добавило остроты в пресную школьную жизнь. Тренировки по отдельным дисциплинам стали индивидуальными для каждой команды и подсмотреть, как натаскивают противника, не было возможности. Всё вокруг покрывала густая вуаль тайны.

Ваньку это насторожило сразу, и он не стал скрывать от нас своих подозрений. Мы с Сашкой отшучивались и хлопали компаньона по плечу, стараясь его подбодрить. Сами понимали, что Ёж прав и к каждому новому заданию на уроках подходили с подозрительностью. Особенно после того, как я вдруг из «медиума» видящего последние часы жизни людей их глазами превратилась в существо, обладающее странными способностями.

Случилось это накануне экзаменационного похода в горы. Прежде чем отпустить подопечных на законные каникулы, спонсоры решили проверить нас в деле. Мы бригадами обязаны были выйти в горы и проложить наиболее безопасную на наш взгляд трассу. Задание необходимо выполнить на территории чужой страны и при этом не вляпаться в неприятности. За финиш без приключений был обещан приз. Менторы по условиям командной игры должны ждать в указанной на карте точке. В нашем случае это квартира в крупном городе.

Вероятно, это как раз то, для чего нас всех собрали под одной крышей и тратили огромные деньги. Теперь должны их отработать. Ход мыслей меценатов весьма прозаичен. Мы считались детьми и такое обстоятельство, можно использовать с большой выгодой. Со школьников меньше спроса, ведь всегда обстоятельства поимки можно списать на излишний романтизм подростков. Да и от проблем с судом и задержанием, тоже гораздо меньше. Короче говоря: выгодно и не хлопотно.

— Началось, — заявил полушепотом Сашка.

Он разводил костёр для приготовления традиционных шашлыков. Мы всей компанией выбрались на пикник перед вылазкой, на котором решили обсудить наши шансы и перспективы.

— Да, — отозвался Суворов, разламывая ветки хвороста и подкладывая их в разгорающееся пламя. — Обогрели, накормили, подготовили, а теперь отработайте харчи детки. Вот так и покатится: спонсоры нам заказ, а мы им — все на блюдечке с голубой каёмочкой. Жаль, что так глубоко увязли. Не выбраться.

Костер разгораться не желал и парни усердно над ним трудились. Я посмеивалась и помалкивала. Было хорошо сидеть под толстыми ветвями столетнего дуба, укрывшись от жестоких солнечных лучей. Лето разгулялось в тот год, точно знойная кокетка, обласкивала и ублажала всех без исключения.

Пламя удалось разжечь, и ребята уселись на поваленные деревья. Воцарилось молчание.

Было приятно смотреть на то, как яркие лепестки пламени взбирались по веткам, устремляясь все выше и выше, стараясь окутать собой все что попадалось на пути.

— Я тут программку для компьютера придумал... — запнулся Еж. — Ладно-ладно, не просто программку, вирус. Короче, подсунил я её в компьютер к директору пансиона. Не сам, конечно, вы ж знаете меня, комар носа не подточит. Так вот, за наш так называемый «поход» на счёт «Закрытого пансиона» перечислена круглая сумма денег. Причем я проанализировал все балансовые счета и понял, что такие суммы поступали равными долями несколько раз и моментально перетекали на счета в оффшор. Эти замечательные события приходится на дни перемен в расписании наших занятий и подготовку индивидуальных программ. Началось сразу, после разбивки на тройки и сейчас перед объявлением о странном походе в горы. И еще кое-что удалось узнать...

Ёж почесал нос, немного помолчал, вроде как собираясь с мыслями и продолжил:

— Заглянул в личные дела каждого из учеников нашего класса. Мы все из разных слоёв общества и попали сюда разными судьбами, но нас всех объединяет одно: у нас была в жизни какая-либо эмоциональная травма. Мы больны ребята и у всех нас пусть и разные диагнозы, но смысл их один — психи.

— М-да, дела, — пропел своим бархатным голосом Сашка. — Выходит, что если с нами что-то произойдёт, то нашим близким объяснят, что мозг у нас перегрелся? Потому мы и того...тю-тю?

Я засмеялась и продолжила:

— Почему тю-тю, все гораздо конкретнее. Ну, например, в горы потащились и там со скалы сорвались. Или на пули нарвались на границе стран или еще, что-то в этом роде. Что с полоумных возьмешь кроме их болезней?

Ребята ухмыльнулись и затихли. Еж, сказал правду, это вне всяких сомнений. Но как избежать подобной участи?

— Знаете, как они назвали класс, в котором мы учимся? — сплотнул Еж. — «Коррекционный». Для детей с ослабленной психикой. Потому и учимся за высоким забором, поверху которого, проходит колючая проволока. Спонсорские деньги кажутся оправданными, ведь всё для детей в нашей стране и каждый может стать полноценным гражданином общества.

— Что делать-то будем, ребята? — задала я риторический вопрос, любуясь яркими всполохами пламени, расцветшими усилиями моих друзей.

— А что если у твоего Карима спросить? — вопросом на вопрос ответил Ванька.

— Ёж, его в городе нет, также как и его кузена. Я звонила и тому и другому. Они оба испарились в самый интересный момент.

— М-да, Адка выглядит это подозрительно, — шлепнув комара у себя на шею произнес Финист. Хотя, вполне возможно, что совпадение. Сейчас главное решить, как действовать будем. Задание выдадут на старте. Страну, в которую поедем, узнаем утром в день отбытия. Заранее подготовиться можно, но кто знает, что в пути пригодиться? Тем более я тут кое-что засёк вчера ночью. Привезли двенадцать рюкзаков и столько же комплектов одежды. Думаю, нас запустят на точку при весьма скромных возможностях. Взять личное не позволят. Это усложняет нам жизнь и облегчает одновременно, ведь нужно смотреть на обстоятельства с разных сторон.

— Наша безликость, это хорошая защита для спонсоров этих игрищ. К тому же меня смущает еще одно обстоятельство: мы будем пересекать границу на самолёте, но

самостоятельно и с наставниками встретимся только в конце так называемой игры. Не кажется это странным? — выдал свою порцию рассуждений Медведев.

Да, — согласилась я, и вытянув ноги, откинулась на ствол дерева, — но как ты выразился «безликость» на руку и нам. К тому же мы можем попробовать переслать информацию и деньги на свободный ресурс и тем самым обеспечить себе дополнительные бонусы. Деньги у меня есть, об этом Карим и папа позаботились, а пересылка их в известное место задача для Ежа.

— Хорошая идея, Адка. Завтра же займусь всем необходимым и по почте перешлю в Москву посылку и фальшивые документы. Да-да, мои юные друзья, ваш друг Ёж еще и не на такое способен! Потому и надо держать ухо востро.

— Я займусь подготовкой к походу и соберу вещички, которые могут нам пригодиться. Мало-ли, что они запихнут в рюкзаки на общих условиях, я может, без своих любимых ножичков обойтись не могу, — хохотнул Медведев и соорудил дурашливую физиономию.

— Главное, чтобы таможня дала добро твоим ножичкам, — хохотнула я.

— Обижаешь, малышка, сделаю все в лучшем виде.

Я поднялась, подошла к ребятам и села рядом с ними поближе к костру. Вдруг мне захотелось протянуть руку к оранжево-красному пламени, чтобы ощутить жар тепла и понять, что всё мы придумали и сами себя пугаем. Страхи, переселяющиеся от человека к человеку, живут вечно в отличие от нас, и нужно наслаждаться вот этим небом, миром вокруг, теплом огня. Но сколько бы я не тянула руку к пламени, его тепло ощутить не могла. Подойдя вплотную к костру, я вдруг заметила, что лепестки его распластались по земле. Ребята притихли и, поднявшись с одеял, встали за моей спиной. Я повторила трюк и Финист пораженно изрёк:

— Вот это да! Оно тебя боится!

— Ужасно то, что чем ближе я подхожу к пламени, тем меньше ощущаю его тепло, — пожаловалась я.

Ванька подбежал, выхватил из центра костра полыхающую с одного конца ветку, и поднёс ко мне. Я протянула руку к горящему пруту и огонь, словно испугавшись меня, отклонился в сторону. Я решила коснуться оранжевых лепестков, они будто живые, прыгнули от меня на землю и там угасли.

— Не вероятно! Это новый дар! Слышишь, Адка, новый дар, о котором никто не знает!

Сашка едва сдерживался, а Ванька принялся ему вторить. Кончилось это всё дружескими объятьями, криками: «ура», и общим весельем.

На следующий день решили провести эксперимент и для этого отошли подальше от стен пансиона и, натаскав хвороста, разожгли огромный костёр. Пламя получилось впечатляющее, и я немного испугалась, что придётся сражаться с этим огромным красным демоном. Но всё повторилось, как и вчера на посиделках, и я смогла не только приблизиться к дымящемуся чудовищу, но и улечься на него.

Огонь потух, не имея возможности спастись от меня бегством и переброситься на другие ветки, а на мне даже одежда не пострадала. Это для Ваньки стало знаковым, и мы провели еще несколько экспериментов подобного плана. Все они, так или иначе, оканчивались бегством пламени от меня.

Ёж вынес вердикт, что в полутораметровом радиусе я гащу любое возпламенение. На следующий день опыты повторили, и для этих целей подожгли сарай в лесу. На этот раз мы вместе с Сашкой вошли в полыхающий дом. Парень встал за моей спиной и крепко обнял и

прижал к себе. Вот так сцепленные мы вошли внутрь. Огонь словно испугавшись моего присутствия, пригнулся к земле и точно вьюнок начал прокладывать себе дорогу в стороны от меня, пожирая старые доски домишки.

— Надо выходить, я задыхаюсь! — крикнул друг.

Я подвела его в двери, помогла ее открыть, а сама вновь ушла вглубь пожара. Мне стало интересно, как долго я смогу продержаться среди этого яркого свечения и не задохнуться от угарного газа. Слышала вопли друзей с улицы, их неистовство, но мне больше по душе то, что я видела вокруг.

Крикнув им, что у меня все в порядке и я жива, продолжила эксперимент. Ванька орал, что все это не шутки, они вызовут пожарных, если я не выйду немедленно. Но я продолжала находиться внутри сараюшки. Мне не жарко, не холодно, я абсолютно счастлива стоя в эпицентре пожара и наслаждаясь его красками изнутри.

Сарай выгорел дотла, когда я покинула пепелище. Всё стало неважным в единый миг. Ни крики друзей, ни их истерзанные страхом лица, ни то, что они пытались донести до меня. Главное что случилось в этой жизни, моей жизни, это произошло там, внутри горящего яркого кокона.

Помириться с ребятами удалось только на третьи сутки, как раз перед началом Игры и досталось не без труда. Но я смогла убедить их в том, что ребята сделали всё правильно, и раскрыли мой истинный дар. Между нами тремя было решено не говорить об этом никому, даже нашим менторам, что на мой взгляд весьма разумно. Если уж они додумались устроить такие странные соревнования, то вполне возможно, захотят использовать открывшийся дар.

В канун «прогулки» в горы нас подняли ни свет — ни заря и выдали по комплекту одинаковой одежды: джинсы, майка, ветровка и кроссовки.

Завтрак оказался плотным и только на три персоны. Это насторожило, и я мельком посмотрела на каждого из друзей. Мои взгляды были пойманы, и в глазах Ваньки и Сашки, я смогла прочесть ту же обеспокоенность. Получается, нас запускают в эту игру поступательно и группа за группой. Знать бы под каким номером стартует наша троица?

После завтрака нам выдали рюкзаки и документы с нашими настоящими именами. Значит, предположения начинают сбываться, но всё-таки кое-что мы придумали. Перед стартом Игры Иван проработал каждую из стран, где есть горы и путём логических размышлений заключил, что мы летим в Узбекистан.

Прибыв в аэропорт, ребята забрали наш дополнительный багаж, пересланный с курьером Ванькой, и дождались посадки на самолёт. В полёте внимательно изучили маршрут и обсудили его. Дальше было решено держаться вместе, чтобы не случилось и немного отстать от графика начерченного организаторами турнира.

Мы переоделись в свои вещи, припасённые накануне, и двинулись в сторону гор. Недалеко от скального кластера мы поселились в гостинице. На следующий день пришел посыльный и принёс поддельные паспорта, которые дружище Ёж заказал у своего приятеля. Что не говори, а друг у меня большой умница!

Ночью мы выдвинулись по маршруту и в течение четырёх дней добрались до первой после старта точки. Отставание от графика к тому моменту составило примерно двое суток. Мы начали восхождение, но не успели добраться до привала. Люди в военных формах преградили нам путь и в вежливой форме попросили отложить наше путешествие или выбрать другой маршрут.

Расспросив военных, мы узнали, что на пути, который мы должны преодолеть случился

обвал и есть пострадавшие. Время обрушения каменной стены пришлось как раз на момент нашего запланированного второго привала, если бы мы соблюдали режим движения по маршруту. Задержка в ожидании фальшивых паспортов спасла нам жизнь. Другой вопрос, кто в это время оказался под градом камней? Посоветавшись, мы решили продолжить путь и пребыть на встречу к менторам.

Разведку в поисках новых дорожек мастерски провёл Сашка. Он случайно натолкнулся на узкую заброшенную тропу, которая петляя, привела нас в конечную точку. Дальше наш путь лежал в гостиницу к менторам. Но со встречей мы немного помедлили и решили осмотреться. Собственно осматривался Ванька, а мы с Финистом всё больше бегали по столице бывшей советской республики и любовались достопримечательностями.

Поселились мы в небольшой частной гостинице на окраине Ташкента, предъявив фальшивые документы. Суворов терзал компьютер дня три, и мы с Сашкой успели скататься на двухдневную экскурсию и насладиться красотами Самарканда. Когда мы счастливые и загоревшие вернулись в гостиницу, наш хакер выдал порцию информации для размышления:

— Я тут побродил по интернету... короче, операция удалась всем группам. Судя по отчётам перед спонсорами, денежные призы выданы всем школьникам. Другое дело, что в горы послали только нашу бригаду. Остальных направили в разные уголки нашей необъятной родины. Инцидентов отмечено не было и все явились на встречи к воспитателям в полном здравии, в соответствии с картой их задания. Только мы движемся с отставанием. Директор пансиона выяснил, что под обвал попали не мы, а группа студентов. Выживших нет. Твой Карим рвёт и мечет, что тебя до сих пор нет и активно интересуется твоим местоположением. Хорошо, что мы тут под чужими именами. Судя по бойкости обоих братьев, дело это семейное и операцию курировали именно они. А я думал, парни голову от тебя потеряли?

— Дождёшься от них, скорее проглотят со всеми потрохами, — хмыкнула я и призадумалась.

— Сейчас вопрос в другом, — заговорил Сашка. — Как долго нам нужно скрываться? Может еще немного побыть здесь?

— Это ребят, как вы решите, — отозвался компьютерщик. — По мне, так лучше вернуться в лоно родного интерната. Надо последить за денежными потоками, чтобы понять расстановку сил в спонсорском составе.

— Не знаю, но на душе у меня муторно, — изрёк Сашка и посмотрел на нас, — словно это мы должны там под обломками лежать.

— Не нагнетай, — отмахнулся Ванька

Он принялся теревить пуговицу на рубашке, что означало: хакер в весьма нервном состоянии. Час от часу не легче. Дела и в самом деле плохи.

— Точно, лучше успокоиться, — поддержала я. — И вот еще что... Предлагаю объявить им войну и проучить как следует. А что у нас главное на войне? Информация! Я встречусь с Игорьком и попробую спровоцировать Карима. Мне интересно понаблюдать за их вознёй и понять, откуда ветер дует. Если честно, то и за отца страшно.

— Ага, так Игорь и выложил тебе все секреты, — развеселился Медведев.

Я схватила подушку с дивана и бросила в него. Смех компаньона перешел во всхлипывания, которые заглушила подушка, потому что он в неё уткнулся.

— Я буду иметь доступ к компьютеру Игоря и смогу скачать нужные файлы. Ванька потом их расшифрует.

— Отлично, Адка, — похвалил меня Ёж и улыбнулся, а Сашка оторвался от подушки и кивнул.

— Ну, что? Едем в интернат и порадуем Карима с Игорьком? — спросил Финист. — Тогда по коням. Нам нужно ночью выходить, чтобы к утру добраться до посёлка, где наши наставники дожидаются.

К полудню следующего дня мы встретились с нашими учителями и после объятий, разговоров и плотного обеда отправились в аэропорт. В Москве нас встретила целая делегация и, выразив восхищение блестяще выполненным заданием, попросила отчитаться о прохождении маршрута. Среди встречающих били оба кузена, и каждый из них облобызал меня, с трепетом прижимая к груди. Я с честью выдержала это испытание и с радостью занялась объяснением нашей задержки.

Новым параллельным маршрутом и координатами остановок покровители остались довольны, воодушевившись, погрузились в машины и укатили. На следующий день мне и ребятам выдали вознаграждение, и мы купили путёвки на Кубу на целый месяц.

***

Новый учебный год принёс еще больше изменений в расписании нашей подготовки и теперь занятия четырёх групп стали проходить отдельно друг от друга. Изоляция нашу группу не воодушевила, но мы на общем совете решили, пока не нервничать и понаблюдать за происходящим.

Я еще больше укрепила в своём решении позволить Игорю ухаживать за мной и своё пятнадцатилетие отметила в романтической обстановке с ним, а не с Каримом. Тот по своему обыкновению преподнёс мне двойной подарок. Первой частью явилось платье потрясающей красоты, густого красного цвета, а второй — рубиновые серьги обрамлённые россыпью бриллиантов. Я по сложившейся традиции должна была блистать в этом наряде рядом с кареглазым малым, но вместо него эту роскошь лицезрел его братец.

Карим, узнав об отказе встретиться с ним удивился и пару раз попытался поговорить со мной, но телефон тем и хорош, что можно сослаться на занятость. Разговор так и не состоялся. Зато Игорь был покорён увиденным ярко-красным нарядом и на протяжении всей встречи заливался соловьем, восхваляя мою красоту и душевные качества.

Вечер я провела банально, но зато смогла насладиться роскошью загородного дома Игоря и его кабинетом с компьютером на рабочем столе. Последнее для меня представилось крайне важным, и я нацелилась вытащить из этого чуда человеческой мысли как можно больше информации.

Отношения с Игорем продолжились и я стала частым гостем в его апартаментах. Потихоньку выуживала информацию из компьютера и передавала её Ивану. Карим пропал из поля зрения до Новогодних праздников. Признаться, странно себя ощущала, вспоминая о спонсоре. Порой очень хотелось набрать его номер телефона и сказать простое: «Привет», и услышать в ответ нечто банальное, но родное. М-да-а, похоже, я привязалась к кареглазому.

На Новогодний праздник Карим прислал роскошный букет цветов и символичную коробку конфет. Меня это несколько удивило, но намёк я поняла: теперь нас ни что не связывает и каждый сам по себе. Я расстроилась, всплакнула и продолжила шпионить за Игорем.

За год информации накопилось много, и Ваня сумел сложить её обрывки в более или менее стройную теорию. Уж и не знаю, стоила она того или нет, но в Ванькиных устах она выглядела значимой и серьёзной. Вот именно по этому поводу мы собрались в моей

комнате. Ребята уселись на стульях, а я — на кровать.

По его версии общий бизнес поделён на две части между родными сёстрами. Их отец, бывший советский партийный работник сумел хорошо устроиться за границей и открыть там собственное дело. Разбогател и вернулся к русским берёзам.

На родине он удачно выдал замуж двух дочерей, и благополучно скончался в преклонном возрасте, оставив на плечи зятьёв огромный конгломерат. Связи с партнёрами за границей помогли увеличить денежные обороты, и господам-наследникам стало скучно. Вот именно в этот момент в голову отца Карима пришла не совсем новая, но зато любопытная идея. Свелась она к банальному желанию власти. Его предложение родственники восприняли с интересом, и через некоторое время фортуна улыбнулась богачам. Осталось лишь идти к намеченной цели.

Но Власть дама хищная и одними денежными вложениями обойтись трудно. Вот тогда и появилось желание следить за конкурентами по политическому олимпу и тем самым «подкладывать соломку» под спины тех, кто дружен с семьёй или втыкать в эти спины ножи, если противник артачится.

Дела шли гладко, но счастье оказалось не полным. Наметился разлом в крепких родственных отношениях. Господа-наследники сели за стол переговоров, после чего появилась идея разграничить сферы влияния и счета. Выходило, что семьи не могли нагадить друг другу, ведь полностью независимы, но при этом под их влиянием оставались практически все отрасли бизнеса, от чего не отказываются. Обменявшись компроматом и оставив при себе нечто «про запас», главы семей отдали в руки молодой поросли бразды правления.

— Значит, мы не можем обыграть их? — спросил Финист, после подробного доклада Ваньки на военном сборе.

— Никто не сможет их обыграть. Одна часть без другой не действительна, — вздохнув, сказал хакер.

— А мы им зачем нужны? — поинтересовалась я и почесала затылок. — Допустим пансион понятно, но наш «сумасшедший корпус» индиго и вундеркиндов на что им сдался?

— Благотворительность и бесплатная рабочая сила для слежки, — хмыкнул Ванька. — Я когда влез в отчёты ребят, то понял, одна из групп явно была послана не случайно. Скорее всего, есть информация в отчётах о чём-то или о ком-то, но узнать доподлинно нет возможности.

— Ну да, плату за свои телодвижения по сухопутным просторам получили все, — протянула я слова и опечалилась, — и каждая из «троек» считает, что именно они справились с заданием. Занятно получается...

Игра в партизан меня увлекла и любопытство требовало удовлетворения.

— А что у тебя там с Каримом? Глухо? — спросил Сашка-Финист и внимательно посмотрел на меня.

— Глухо. Звонит один раз в неделю и задаёт вопросы о здоровье. Я отвечаю, и на этом он прощается. И так уже достаточно давно.

Я вздохнула и пожала плечами. Ребята переглянулись и Ванька едва заметно подмигнул Сашке.

— Ты девушка, — хихикнул Сашка и получил от меня подзатыльник, — и, говорят, у вашего брата в крови уметь обратить на себя внимание.

Я встала со стула, потянулась и виляя бедрами подошла к Сашке. У него округлились

глаза, и на всякий случай он втянул шею в плечи. Подготовился, братишка, но я все равно дала ему подзатыльник.

— Не, в самом деле! — потирая затылок, пробурчал друг, хитро поглядывая на Ваньку. — Нам не разобраться без второго куска информации.

— Ладно, вечно мне в пекло из-за вас, — проворчала я облокотившись на могучие плечи Сашки. — Ребята нам пора в спортивный зал. Или забьем на это дело?

— Забьем, — хором сказали ребята.

Вечером внимательно изучила свои наряды в гардеробе и, выбрав скромное платье, облачилась в него. Заплела волосы в косу и вдела в уши рубиновые серьги — подарок Карима. Затем, набрала номер телефона смонсора и стала дожидаться, слушая нудные длинные гудки. М-да, а сердце колотилось о ребра, будто заячий хвост. Эх, меня разобрало!

— Да, — ответила трубка голосом благодетеля и я, обрадовавшись, мысленно пожелала себе удачи.

— Привет. Есть минутка или ты занят?

Зажмурилась. Мне сейчас предстояло навязать кареглазому своё общество, а этого я никогда не делала.

— Да, — сухо ответил Карим.

— Отлично! У меня тут проблемка нарисовалась, и я не знаю, как её разрешить. Поможешь?

— Да

Я начала потихоньку злиться. Три коротких «да» подряд, это слишком даже да Карима. Вероятно, слишком переборщила с игрой в любовь с Игорем. Надо исправлять ситуацию...

— Тогда надо встретиться. Мне трудно решить эту проблему по телефону.

— Я вызову тебе такси и сообщу Светлане, что ты собралась ко мне. Приезжай.

— Нет. Светлана — лишняя. Надо встретиться с глазу на глаз...короче, это...личное...

Я мямлила и это на меня не похоже. Для дела может это и нормально, но точно перебор для меня самой. Хотя вместо того, чтобы встряхнуться закрыла ладонью глаза и закусилла нижнюю губу. С другой стороны вдруг стало любопытно, что выйдет из моей затеи. Ванька выдал мне свою новейшую разработку, которая поможет скачать данные из компьютера старшего из братьев. Боже, как же страшно и мучительно...

— Я догадываюсь...Хорошо, приезжай всё равно... со своим...личным.

Трубка замолчала, а я попыталась отдышаться. Тон сказанных слов мне не понравился, но выхода у меня нет, и придётся придумать проблему по дороге. А может Карим сам подбросит идейку надуманной проблемы. Он ведь сказал: «Я догадываюсь», вот пусть и поделится подарками. Главное попасть в кабинет и извлечь информацию для Ваньки... И увидеть кареглазого, вдруг он плохо себя чувствует или болеет...

Такси домчало меня очень быстро, и я прошла через ворота загородного дома Карима. Признаться, что это здание больше напоминало дворец, чем жилой дом и коттедж Игоря. По сравнению с этим великолепием хоромы младшего брата выглядели хиленькой сараюшкой. Набрав в грудь больше воздуха, я преодолела расстояние до входной двери дома. Не успела дотронуться до ручки двери, как та распахнулась, и на пороге появился хозяин особняка, во всей своей восточной красе.

— Привет, — миролюбиво сказал Карим и впустил меня во внутрь.

Мы пересекли холл и поднялись на второй этаж. Прошли по длинному коридору и остановились возле красивой двери.

— Проходи, чувствуй себя, как дома, — сказал Карим и перешагнул порог.

Мы оказались в кабинете. Я обрадовалась, что попала туда куда нужно, и теперь осталось воткнуть Ванькин аппарат ближе к компьютеру. Я скосила глаза на стол и увидела, что компьютер включён. Скрестила за спиной пальцы на удачу, прошла вглубь кабинета и уселась на кожаный диван. Карим с удобством расположился рядом, и внимательно посмотрел на меня.

— Ну, и какой у тебя вопрос, — спросил мужчина, а я поёжилась.

— Я...очень волнуюсь. Просьба неожиданная...Можно мне водички?

— Сейчас принесу, — озадачено сказал Карим, поднялся с дивана и вышел.

Я подскочила и ринулась к рабочему столу, сунула Ванину разработку под столешницу и прикрепила к ножке. Вернулась к дивану очень вовремя. Карим вошел в кабинет и направился ко мне. В руке у него стакан с водой. Я с благодарным видом приняла напиток и несколько раз приложила к хрустальному краю стакана.

— Карим, — обратилась я к покровителю, — я знаю тебя с детства и податься с подобной просьбой могу только к тебе. Мы с Игорем встречаемся, и... в наших отношениях наступил такой момент... Я не умею целоваться, научи, — выпалила я последнюю фразу и сильно зажмурилась.

Прошло не меньше пяти минут пока решилась приоткрыть один глаз, чтобы осмотреться. Увидев лицо покровителя, я от удивления открыла не только второй глаз, но и рот. Сказать, что Карим ошалел от моего предложения, это значит не сказать ничего. Крепко стиснутые губы, бешеные глаза, раздувающиеся ноздри — это видение не для хрупкой женской психики.

— Ты уверена, что я должен тебя целовать? — сквозь стиснутые зубы проговорил Карим.

— Не побрезгуй, — жалостливо попросила я и заискивающе посмотрела в очи благодетеля.

— Хорошо, но помни: ты играешь с огнём, — сжав кулаки, прошипел мужчина, а я мило улыбнулась и, закрыв глаза, вытянула уста трубочкой.

Чужие губы обняли мои, жаркая волна обрушилась на меня и не отпустила, пока я тихо не застонала. Сладость, страсть, нежность, ласка и пыл — это малая часть тех ощущений, что я испытала. Я буквально воспарила над собственным телом и вознеслась куда-то в удивительную страну, где нет преград и оков, а есть только любовь и безраздельное счастье.

— Ты хочешь продолжать урок? — донёсся до моих ушей хрипловатый голос, и я распахнула веки.

— Да, — только и смогла прошептать я.

— Нет, так не пойдёт девочка. Боюсь, я слишком люблю тебя. Ты порвёшь с Игорем и выйдешь замуж за меня. Это не обсуждается. С братом я сам поговорю.

***

Следующие две недели оказались для меня мучительными, ведь пришлось предстать пред светлыми очами отца и мачехи и подтвердить своё желание стать невестой Карима. Игоря я всё это время не видела, но вполне могла себе представить, что он чувствует. Друзья по пансиону поддерживали меня и я начала приходить в себя от всего произошедшего.

По завершении учебного года мы вместе с женихом и нашими семьями поехали отдыхать в жаркую страну. По возвращении я встретила Игоря и попыталась объяснить с ним. Бывший возлюбленный принял мои извинения, и мы сошлись на том, что с этого

момента наша дружба словно огромный костёр вспыхнула с новой силой и она не дымит влюблённостью.

В мой день рождения Карим преподнёс красивое бриллиантовое кольцо, и мы отправились кутить в шикарный ресторан. Не знаю, что я чувствовала тогда, но уверенность в том, что этот фарс однажды изживёт себя, окрепла к концу следующего учебного года. Мне предстояло определиться с будущей профессией, и я позволила себе посомневаться. Изначально отец сделал меня совладелицей своей фирмы, и я вдруг почувствовала в себе огромное желание заняться экономикой и помочь родителю. Институт я тоже выбрала с тем расчётом, что смогу на деле применять полученные знания.

Мои друзья всё это время занимались поиском возможности получения информации и преуспели в этом. Ванька сочинил нечто невообразимое, и отслеживание денежных потоков обоих братьев стали возможными без моего участия.

Меня отстранили от всех вылазок на благо спонсоров и ребята прекрасно справлялись. Я, конечно, переживала за них, но эмоции держала при себе.

вышла замуж и я с большим удовольствием побывала на её свадьбе. Муж её мне понравился, и хотелось, чтобы он никогда в жизни не разочаровал её.

В конце мая предстояло ещё одно дело, которое надлежало исполнить «без сучка и задоринки» и решено было привлечь меня. Карим немного повздыхал, но согласился. Все действия должны происходить по той же схеме, что и тогда, когда мы с ребятами были в горах с той лишь разницей, что теперь это будет поезд.

Мы с Сашкой и Ваней отправились в лес на пикник и решили обсудить всё, что связано с этим делом. Друзья у меня головастые и с их помощью общая картина будущего дела собралась, отображая истинное положение дел.

Итак, во главе всего стоят две семьи. Все остальные покровители являлись лишь помощниками в осуществлении основных задумок. Обязанности делились поровну и это знак абсолютного доверия между семьями. Хотя по мне так это ещё демонстрация открытости перед сторонними партнёрами по бизнесу.

Все деньги крутились между счетами вначале по одному кругу, где ответственными являлись Игорь и мачеха, а затем, вся информация о сделках переходила ко второму кругу: Кариму и его родителям. Все довольны и распределение финансов происходили чётко и без задержек. Привлеченные компаньоны счастливы, семьи богатеют, конкуренты тихо кусают локти, и наступает абсолютная нирвана для всех участников событий.

Только вот не всё так гладко, как может показаться на первый взгляд. Деньги, которые поступали на счета, находящиеся в ведении Игоря шли транзитом и разлетались обновлёнными и очищенными на счета кузена. Но вот в чём загвоздка: вливалась одна сумма, хранилась — другая, а отправлялась к кузену — третья.

Мы с ребятами долго разбирались с этим вопросом и кучу книг перерыли и советовались со специалистами, пока не удалось заметить некоторую закономерность: счетов больше чем партнёров. Самым удивительным оказалось то, что одним из контрагентов оказался наш пансион. Сашка проник в «святая-святых» кабинет директора и ознакомился с Договором. Удивительно, но расчётный счет в реквизитах совершенно другой, чем счёт, на который перечислялись деньги.

Вопрос: откуда брались лишние деньги внутри комбинации? Мы с ребятами долго терзались, но однажды меня осенило — это средства от провалившихся операций. Например, во время поставки пропал товар на некоторую сумму и те, кто его проворонил,

жестко наказаны, а потом похожая сумма всплывает на неофициальном счёте интерната. Мы с друзьями убедились, что догадка моя верна и решили забрать эту разницу. Для этого и собрались вокруг костра, чтобы в деталях обсудить готовящуюся поставку.

— Наша группа возьмёт на себя всю операцию, а другие будут отслеживать перемещения конкурентов, — сообщил Ёж.

Пламя заколыхалось от налетевшего ветра и на лице друга заплясали желто-красные отблески, подаренные светом костра.

— Ада, мы с Ванькой всё проверили. Ошибки быть не может, — подтвердил слова напарника Сашка и, взяв тонкий пруттик, принялся ворошить дрова.

Я ничего не ответила и только утвердительно кивнула. В нашем плане мне отведена роль жертвы и это не слишком здорово. Главное убедить всех, что жертва не напрасна.

— Ты не хочешь расставаться с Каримом? — задал вопрос Финист.

— Я не очень верю в любовь такого парня как Карим, — пожалала плечами я. — Он сольёт меня при первой же опасности... Уже слил.

— С чего ты взяла? — Сашкины брови поползли на лоб, и в глазах читалось неподдельное удивление.

— Я думала над этим... У меня нет уверенности в том, что обе семьи не морочат головы своим партнёрами. Деньги могут распределяться по обоюдному согласию. На входе одна сумма, на выходе та же, а что происходит внутри процесса, это тонкости не для посторонних.

— М-да, похоже, ребята любят играть по-крупному, — произнёс Суворов и посмотрел на меня. — А вдруг это ошибка?

— Почему? — поинтересовался Финист и посмотрел сначала на меня, а потом на Ваньку. — Я говорил об этом только Адке...короче, фирма куда пансион переправляет деньги и дальше отсылает по этапам, это фирма её отца. На воплощение проекта уходит малая часть денег, а все остальные доходы расплзаются по всем щелям и затем снова формируются на счёте Адкиной мачехи. Отец составил завещание в пользу дочери и отписал всё имущество ей, как совладельцу. Адка в любой момент может поинтересоваться делами фирмы и тогда «лавочку» придётся прикрыть.

— Если я умру первой, то Инга успокоится, — добавила я объяснение к словам Ежа.

— М-да дела-а-а... — тихо протянул слова Саша и почесал затылок. — Выходит, мы будем разыгрывать смерть?

— Не совсем так, — улыбнулась я. — Когда мы украдём деньги, останутся хозяева банковских счетов и начнут землю рыть, разыскивая виноватого. Не уверена, что мы не попадём под подозрение. Скорее всего, так и будет.

— Ладно. Расскажите мне, что задумали? — хохотнул Финист.

— Пока ничего не придумали. Ждём твоих идей. В общих чертах мы тебе рассказали, а детали надо обсудить, — подмигнув другу, ответила я. — И еще, ребята, я хочу всё. Все деньги этой шайки. Теперь мне мало только разницы, которая остаётся мошенникам. Хочу натравить их друг на друга.

Через две недели я в сопровождении верзилы-охранника уселась в купейный вагон. В мои задачи вошло отследить передвижение важного груза. Собственно это обычная легковая машина, которая на некотором участке пути поедет параллельно железной дороге. Как только она окажется в зоне досягаемости начнется моя работа. В момент, как я нажму на клавишу компьютера, произойдет перевод денег от продавца к покупателю. В конце отрезка

я должна буду снова нажать на клавишу и тем самым оповестить неведомых мне людей, что груз прибывает. Дальше дело техники. Окончательная передача денег состоится после моего подтверждения.

С утра мне нездоровилось и я всё время держалась за живот. Охранник хмурился, но мою унылую физиономию вроде бы не замечал. Я попросила у проводника чай и устала в компьютер. Через десять минут пришла женщина в форменной одежде и поставила передо мной горячий напиток. Я размешала сахар в стакане и положила ложку на столик. Промаяхнулась. Ложка полетела вниз и я наклонилась, чтобы поднять. Верзла неожиданно резко согнувшись, чтобы помочь мне и наши руки переплелись над ложкой. Я увидела то, что произойдёт в скором времени.

Дуло пистолета нацелено на меня, я смотрела на компьютер, который развернула к себе, и видела, что загрузочная дорожка не двигалась и высветилась табличка программного сообщения. Боль в груди и струйка крови стекала по рубашке. Убийца молод, ему примерно лет тридцать пять. Я видела его в соседнем вагоне. Хотела сообщить хозяину, но не могла пошевелиться. В глазах потемнело, и я провалилась во мрак.

Боже, я снова видела чужую смерть будто это должно было случиться со мной! Что же это за дар такой, при котором умираешь вместе с другими людьми. Мне жаль попутчика. Больно осознавать, что через несколько мгновений его жизнь оборвется, а ведь парень наверняка продумывал планы на вечер.

Я одёрнула руку, и охранник продолжил тянуться за ложкой. Ухватил ее и положил рядом с моим стаканом. Меня тошнило, и острая боль скрутила живот. Та табличка из видения, это мой сигнал Ваньке. Если нажать на нее, то вся операция будет отменена. Судя по всему, мы продолжим.

Почувствовала недомогание, встала и вышла из вагона. Я знала, почему будет только один труп. Туалет оказался свободен, и я заперлась внутри. Главное отсидеться сейчас, а на станции незаметно сойти. У меня были документы, которыми мы пользовались в Узбекистане и проблем с возвращением не возникнет.

Сейчас меня мучил другой вопрос: предательство. Карим согласился с тем, чтобы я участвовала в операции. Он подошел к тому парню из соседнего вагона, что сейчас, наверное, убивал моего попутчика, и говорил с ним долгое время. Значит, мы с Ванькой правы и моя смерть выгодна. Только я никак не могла предположить, что меня убьют вот так. Хотя, план отличный. Погибла при выполнении боевого задания, а денежки и груз исчезли. Виноватых нет, а товар можно продать повторно. Бедный мой папа! Я знаю, что вытаску его, но не сейчас. Главное красиво «умереть» и зажить потом вполне себе счастливо.

Поезд замедлился, а значит станция уже не далеко. Я покинула туалет и вошла в тамбур. Приставила к стеклу приспособление по типу пистолетного, которым снабдил меня Сашка, и несколько раз нажала на спусковой крючок. Стекло тихо треснуло и я, стянув джинсовую куртку, намотала её на руку. Резко ударила по прозрачной преграде. Затем вылезла наружу и прыгнула. Полетела кубарем под откос и, зацепившись за корень какого-то дерева. В общем и целом мне повезло...

На железнодорожный вокзал я вернулась поздно вечером на попутке и позвонила ребятам.

— Привет, Адка! — кинулся обниматься Сашка, а Ванька обхватил нас обоих. — Мы уж думали, тебя пристрелили. Товар у покупателя и у нас двойная цена за него. Ёж всё забрал и счета у них голые. Твой отец банкрот.

— Да, охранника убили, а я в туалете отсиделась, — коротко пояснила я.

— Директора интерната пристрелили, — тихо произнес Ванька. — Несколько часов назад. По телевизору в новостях сказали. Карим разыскивает тебя, так ребята знакомые говорят. Боюсь не отыграть нам второй акт мелодрамы.

— Напротив, сейчас самое время. Хочу выяснить отношения с женихом, — воспротивилась я, и ребята согласно кивнули. — Тебе видней, Ада.

Я взяла телефон у Ежа, который он купил у какого-то алкаша вместе с симкой, и набрала номер Карима. Свой я специально не взяла, чтобы не отследили моё передвижение. Сашка тоже поступил так же, и поехал на встречу со вторым покупателем без мобильного.

— Карим, это Ада. Надо встретиться.

— Малышка, моя, ты жива! — голос в трубке захрипел, и мне показалось, что связь прервалась. — Ты где? Я сейчас приеду.

Я объяснила, где готова встретиться с женихом и в сопровождении Финиста отбыла на встречу. Ванька поехал улаживать ожидаемые проблемы.

Ждать пришлось достаточно долго, но для меня это проблемой не стало. Сашка залез на дерево, а я присела на невысокий пенёк и попробовала вспомнить, что-нибудь из стихов. На ум ничего не пришло, и я просто таращилась в темноту.

Поднялся сильный ветер, а над головой сверкнула молния. Мелкий весенний дождь прошил каплями пространство между небом и землёй. Неожиданно сверкнувший свет фар в общую картину не вписался. Это точно по мою душу. Я вышла из укрытия и направилась к машине. Карим вышел из машины и грянул выстрел.

Он упал, словно мешок картошки и распластался в луже. Я бросилась на землю, и немного приподняв голову, огляделась.

— Сашка! — позвала я.

Друг откликнулся и через пару минут по-пластунски подполз к благодетелю, перед этим приказав мне не шевелиться. Пощупав на шее пульс мужчины, дружок сказал, что Карим жив.

Сердце бешено застучало у меня в груди, а затем сжалось, будто в предчувствии беды. Я знала, что будет дальше и мне в это верить не хотелось. Пусть Карим подлец, но он не заслуживал такой участи. Было ещё нечто, в чем признаться не желала даже самой себе: я любила его. Было бы легче знать, что он жив и ругать от досады, вспоминая его выходку, чем понимать — его больше нет.

— За деревьями мелькнул свет фар, — бросила я. — Стреляли оттуда.

— Там трасса. Твою за ногу, — выругался Сашка.

— Что делать будем?

— Встаём и везем в больницу.

Я подбежала к автомобилю Карима и открыла дверцу. Ключи зажигания на месте и я, не раздумывая, уселась на место водителя. Подогнала легковушку ближе к раненому и вместе с Финистом положила его на заднее сиденье. Перед тем как пойти на это дело Сашка хорошенько изучил карту местности, и мы сейчас прямёхонько направлялись в областную больницу. Там мы передали моего жениха с рук на руки врачам и те, записав наши координаты направились в операционную.

Дождаться приговора врачей не желала, но отчего-то стояла в нерешительности в коридоре больницы. Сашка замер рядом, обняв за плечи. Я уткнулась в его широкую грудь, а дружок погладил меня по спине. Вспомнился наш с ребятами разговор накануне:

— Третий акт самый трудный, Ада, — предупредил меня Ванька.

Он оказался прав. Но не настолько же... Карим умрет, и от осознания этого в душе воцарилась пустота. Неизбежность — покруче самого большого проклятья будет. Это наказание за наши с ребятами необычные возможности. Я знала, что так будет и не могла противиться судьбе. Чтоб ее... Ладно, у меня есть друзья, а их точно нужно спасать, пусть только их, а не его...

Ванька появился в больнице, чуть позже, чем приехали мы. Застал нас в коридоре в обнимку. Он коротко обхватил нас и почти сразу отпустил.

— Надо уходить, — поторопил Ванька, и мы вышли на улицу.

Я позвонила начальнику службы безопасности предприятия, хозяином которого является Карим и сообщила о ранении его руководителя. Второй звонок я посветила отцу и предупредила, что жива и здорова. Повела о трагедии, что постигла жениха и о том, что желаю поскорее воссоединиться с родителем. Папа предложил приехать за мной, но я отказалась. Довод, что приеду на машине Карима и не одна, а с другом из интерната возымел силу и мы с Ванькой отправились в сторону мачехиной дачи.

Рассвело, когда мы с Суворовым оказались на шоссе. Видеокамеры развешаны через каждые пятьсот метров и то, что кульминация будет замечена и не вызовет ни у кого сомнений в нашей с Ванькой гибели стопроцентная.

Я перестроила машину и покатила в крайнем правом ряду. Бензовоз, что плелся впереди, перестроился в другой ряд и, по всей видимости, не рассчитал свои габариты. Его развернуло поперек дороги, и автомобиль Карима пробил его бок. Произошел взрыв. Пламя взметнулось вверх. Я схватила друга за рукав и открыла дверь. Перелезла к нему на колени, и он меня обнял.

Ванька со мною на руках покинул горящую машину, и я увидела, как освободившееся пространство заполняет пламя. Друг поставил меня на землю, и мы в коридоре огня добрались до кустов. Там нас нашел Сашка, который по нашей задумке стал водителем бензовоза.

Марш-бросок по лесу дался с трудом. Финист при прыжке из машины подвернул ногу.

На одном из дачных участков обнаружили потрёпанный «жигулёнок». Мы с друзьями обнялись и, постояв так немного, разорвали объятия. Сказывалось напряжение последних дней.

Мы сели в машину и продолжили движение. Меня снедало боль и отчаянье, но я старалась держаться. Знала точно: смотреть новости не стану, ведь там объявят, что Карима больше нет, а для меня он останется живым. Я так хотела.

Просёлочными дорогами добрались до ближайшего областного центра. Уже в машине Ванька вдруг спросил у меня:

— Вдруг Карим не виноват и...

— Карим не виноват, но теперь без разницы, — ответила я.

— Почему? — удивился Ёж.

— Он умер. Я предсказала ему это десять лет назад.

— Соболезную, — процедил Ванька сквозь зубы, а Сашка вздохнул.

— В любом случае, — положив голову к Сашке на плечо, произнесла я, — и при любом раскладе, обманутые партнёры весь гнев обрушат на Ингу и Игорька.

В тот день мы отправились в Москву. Добирались долго, но на «жигуленке» и это хорошо. Потом купили билеты до Турции, оттуда в Египет, потом Францию. В Париже мы

жили около года, и перебрались в Америку.

***

Кто бы мог подумать, что спустя пять лет я увижу на фото парня удивительно похожего на моего бывшего жениха и при этом он знаком с Викой, девушкой с даром Борея.

— Этого не может быть, — тихо прошептала я.

Мой собственный кабинет, который так любила, вдруг показался тюрьмой. Я подошла к бару, открыла и взяв бутылку водки, плеснула ее содержимое в рюмку. Опрокинув в себя водку, снова наполнила емкость. Выпив еще порцию, вернулась к столу и, взяв мобильный телефон, набрала знакомый номер:

— Суворов зайди ко мне. Немедленно!

— Что случилось? — спросил Ванька, едва открыв дверь моего кабинета.

— Смотри сюда, — указала я пальцем на человека со светлыми волосами. — Не узнаёшь? Кто это? Приведение?

— Ого, подруга! — приглядевшись к фотографии, произнёс Ванька. — Еще немного и я с тобой соглашусь. Сейчас проверю.

— Позвони мне на домашний. Устала, спать хочу. Как только будет результат, тут же сообщи.

Я вышла на улицу и пошла вдоль длинного ряда офисных зданий. Поймала такси и отправилась на свою квартиру. Вошла в дом и пересекла холл. Лифт подъехал бесшумно и распахнул передо мной свои двери.

Войдя в лифт, нажала на свой этаж. Кабинка дёрнулась и подъемное устройство зажужжало. Цифры этажей высвечивались одна за другой и на «двенадцати» лифт замер. Двери распахнулись, и я оказалась у себя в квартире. Сбросила туфли и прошла в гостиную.

Возле окна стоял мужчина. Я замерла и оценивающе пробежалась взглядом по его фигуре. Я узнала незнакомца, хоть теперь у него были седые волосы и в свете луны казались серебряными. Приблизилась к окну и встала рядом с гостем.

— Здравствуй малышка

Голос Карима все тот же, мягкий и бархатистый. Как же я соскучилась по нему. Захотелось дотронуться до любимого, заглянуть в глаза. Невозможно, взгляд Карима словно приклеился к виду за окном.

Я нервно сглотнула и произнесла:

— Салют.

— Значит ты не приведение, — ухмыльнулся благодетель.

— Ты тоже не приведение.

— Занятно получается, как думаешь?

— Занятно, — согласилась я и чтобы прийти в себя направилась к бару. — Будешь что-нибудь?

Я достала большой фужер и налила в него виски. Не любила эту гадость, но сейчас она в самый раз.

— Нет, спасибо.

— Дело твоё. Как жизнь? Бизнес? — устраиваясь на диване, поинтересовалась я.

Проще наблюдать за ним вот так, издали, впитывая каждое его движение и запоминая на годы.

— Я отошел от дел. Всё горевал...

— Что так?

— Я потерял невесту, которую через год собирался сделать своей женой.

— Да, есть от чего впасть в уныние, — залпом осушив фужер и занюхав рукавом платья, сказала я. — Значит, врачи тебя спасли. Я рада.

— Не совсем так. Я умер на операционном столе, а они вернули меня к жизни. Спасибо, что ты и твой друг не оставила подыхать в том лесу.

— Ну, ты же человек, которого я всю свою жизнь знала. Не смогла... Пусть ты стал моим убийцей, — тихо добавила я последнюю фразу. Но бывший жених услышал.

— Убийцей? Ты с ума сошла?

Карим, наконец, повернулся ко мне лицом и я видела боль и гнев в его глазах.

— Я твой кто? Убийца?

— Разве не ты хотел меня убить в поезде?

— Я предупредить тогда приехал, и защитить, — сжав кулаки, сказал Карим.

Я поверила. Поймала его взор и поверила.

— Садись, поговорим, — предложила я. — Видимо пришло время во всем разобраться.

Карим расположился рядом. Я рассказала ему всё, как было, утаив некоторые подробности, такие, как воровство денег, дар покорять огонь и осознание своей ошибки. Рассказ получился гладкий и правдоподобный, о девочке сироте и её страхе перед смертью, которая пыталась отыскать ее в горах, поезде и на федеральной трассе. Разве это враньё? По мне так это полуправда. Главное, что мы теперь вместе и все проблемы решаемы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net